Выпуск / Issue
2016 / № 1 (1)
ISSN 2500-3372

ВЕСТНИК
BULLETIN

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

СЕРИЯ:
Политические, социологические и экономические науки

ISSN 2500-3372

ВЕСТНИК
КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ: Политические, социологические и экономические науки

Журнал теоретических и прикладных исследований
Издается с июля 2016 г.

2016 № 1 (1)

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Просеков А. Ю., д-р техн. наук, профессор, профессор РАН, и. о. ректора КемГУ (Кемерово, Россия) – председатель совета.

Аникин А. Е., д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Барбараш Л. С., д-р мед. наук, профессор, академик РАМН, Председатель КНЦ СО РАМН (г. Кемерово, Россия).

Конторович А. Э., д-р геол.-минерал. наук, академик РАН, председатель Президиума Кемеровского научного центра СО РАН (Новосибирск, Россия).

Кремер Р., д-р, проф. Потсдамского университета (Потсдам, Германия).

Лаврик О. И., д-р хим. наук, чл.-корр. РАН. Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН (Новосибирск, Россия).

Милошевич Х., д-р техн. наук, проф. факультета математических наук и информационных технологий Сербского университета (Косовска Митровица, Сербия).

Молодин В. И, д-р истор. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Пихица П. В. , Ph. D., с.н.с. Сеульского национального университета (Сеул, Южная Корея).

Суслов В. И., д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия).

Чистякова С. Н., д-р пед. наук, чл.-корр. РАО, академик-секретарь РАО (г. Москва, Россия).

Шокин Ю. И., д-р физ.-мат. наук, академик РАН, Институт вычислительных технологий СО РАН (Новосибирск, Россия).

Юревич А. В. , д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (Москва, Россия).

ОБЪЕДИНЕННАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Просеков А. Ю., д-р техн. наук, профессор, профессор РАН, и. о. ректора КемГУ – главный редактор.

Невзоров Б. П., д-р пед. наук, проф., КемГУ – ответственный редактор.

Митько Н. В., ответственный редактор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Морозова Е. А, д-р экон. наук, профессор, КемГУ (Кемерово, Россия) – научный редактор серии.

Антонов К. А., д-р социол. наук, НГТУ (Новосибирск, Россия).

Зеленин А. А., д-р полит. наук, профессор, КемГУ (Кемерово, Россия).

Желтов В. В., д-р филос. наук, профессор, КемГУ (Кемерово, Россия).

Косинский П. Д., д-р экон. наук, профессор, КузГТУ (Кемерово, Россия).

Омеличкин О. В., д-р полит. наук, профессор КемГУ (Кемерово, Россия).

Слинкова О. К., д-р экон. наук, профессор, Белгородский национальный исследовательский университет (Белгород, Россия).

Силин А. Н., д-р социол. наук, профессор, ТюмГНГУ (Тюмень, Россия).

Солодова Г. С., д-р социол. наук, профессор, Институт философии и права СО РАН (Новосибирск. Россия).

Шабашев В. А., д-р экон. наук, профессор, КемГУ (Кемерово, Россия).

ISSN 2500-3372

BULLETIN
OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY
SERIES: *Political, Sociological and Economic Sciences*

Journal of theoretical and applied research
Founded in July 2016

2016 № 1 (1)

FOUNDER:
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Kemerovo State University

EDITORIAL ADVISORY BOARD:

A. Y. Proseko , Dr. of Technical Science, Prof., RAS Prof., Acting Rector of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair.

A. E. Anikin , Dr. of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

L. S. Barbarash, Dr. med. Sciences, professor, academician of the Academy of Medical Sciences, the President of KSC SB RAMS (Kemerovo, Russia).

Al. E. Kontorovich , Dr. of Geography and Mineralogy, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Presidium of Kemerovo Scientific Centre of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Kemerovo, Russia).

R. Kraemer, Dr., Prof. at Potsdam University(Potsdam, Germany).

O. I. Lavrik, Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

H. Milosevic, Dr of Technical Science, Prof. at the Faculty of Mathematical Science and Information Technology, Serbian University (Kosovska Mitrovica, Serbia).

V. I. Molodin, Dr. of History, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

P. V. Pikhitsa, Ph.D., senior researcher at Seoul National University (Seoul, South Korea).

V. I. Suslov, Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

S. N. Chistyakova, Dr. of Pedagogic, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Academic Secretary of the RAE (Moscow, Russia).

Yu. I. Shokin, Dr. of Physics and Mathematics, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Computational Technologies of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

A. V. Yurevich, Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

UNITED EDITORIAL BOARD:

A. Y. Prosekov, Dr. of Technical Science, Prof., RAS Prof., Kemerovo State University – Editor-in-Chief.

B. P. Nevzorov, Dr. of Pedagogic, Prof., Kemerovo State University – Executive Editor.

N.V. Mitko, Executive Editor.

EDITORIAL BOARD SERIES:

E. A. Morozova, Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – scientific editor of the series.

K. A. Antonov, Dr. of Sociology, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).

A. A Zelenin, Dr. Political Science, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

V. V. Zheltov, Dr. Philosophy. Sciences, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

P. D. Kosinski, Dr. of Economics, Prof., Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russia).

O. V. Omelichkin, Dr. Political Science, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

O. K. Slinkova, Dr. of Economics, Prof., Belgorod National Research University (Belgorod, Russia).

A. N. Silin, Dr. of Sociology, Prof., Tyumen State Oil and Gas University (Tyumen, Russia).

G. S. Solodova, Dr. Sociology, Prof., Institute of Philosophy and Law of SB RAS (Novosibirsk. Russia).

V. A. Shabashev, Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Журнал издается по решению редакционно-издательского совета Кемеровского государственного университета.

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово,
ул. Красная, 6
Тел.: (3842) 58-13-01
Факс: (3842)58-44-03
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Адрес сайта:
http://vestnik.kemsu.ru

Адрес учредителя, издателя:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово,
ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842) 58-28-39
Факс: 8(3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

© Кемеровский государственный университет, 2016
© Авторы научных статей, 2016

Printed by the decision of Scientific Editorial Publishing Council of Kemerovo State University

Published 4 times a year

Editorial Office Address:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo,
6 Krasnaya St.
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8 (3842) 58-44-03
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Web-site:
http://vestnik.kemsu.ru

Address of the founder, publisher:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo,
6 Krasnaya St.
Tel.: (3842) 58-28-39
Fax: (3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

© Kemerovo State University, 2016
© The authors of scientific articles, 2016

Политические науки

5 ***Казаков М. А., Макарова К. Е.*** Публичная дипломатия и публичная экспертиза: основные подходы и взаимосвязи

Социологические науки

10 ***Борисова А. А.*** Инструменты диагностики профильной занятости выпускников: ограничения и результаты использования

17 ***Логунова Л. Ю.*** Биографический метод в исследовании личности: методология и архитектоника

23 ***Четошников С. Г.*** Социальная направленность региональной политики в отношении локальных территорий: опыт Кузбасса

Экономические науки

30 ***Ашмарова О. В.*** Положительные и отрицательные стороны применения программно-целевого подхода информатизации общества в Кемеровской области

39 ***Варшавская Е. Я.*** Занятость в промышленности России в 2000 – 2014 гг.: уровень, динамика, гибкость

46 ***Дмитриева Н. В.*** Сайт вуза: инструменты привлечения абитуриентов

51 ***Зобова Л. Л.*** Проблема описания геопространств: современные технологии

56 ***Лузгарева Д. В, Лузгарева О. И., Лопатин А. А.*** Исследование временных затрат на подготовку документов в медицинском учреждении

62 ***Миляева Л. Г.*** Маркетинговые исследования на рынке образовательных услуг: комплексный подход

70 ***Морозова Е. А.*** Взаимодействие вузов и работодателей как условие качественной подготовки выпускников: мнения экспертов

77 ***Мухачёва А. В., Мищук С. Н.*** Влияние кризиса на качество жизни населения: региональный и временной аспекты

83 ***Недосекин С. В.*** Создание благоприятных условий для зарубежных инвестиций в Россию

88 ***Контактная информация***

Political Science

5 ***M. A. Kazakov, K. E. Makarova.*** New public diplomacy and independent expert appraisal: approaches and interconnections

Sociological Sciences

10 ***A. A. Borisova.*** Instruments of diagnostics of profile employment of graduates: limitations and results

17 ***L. Yu. Logunova.*** Biographical method in the study of personality: methodology and architectonics

23 ***S. G. Chetoshnikov.*** Social intention of regional policy for local territories: Kusbass experience

Economics Sciences

30 ***O. V. Ashmarova.*** Positive and negative aspects of target-oriented approach to the informatization of the society in Kemerovo region

39 ***E. Ya. Varshavskaya.*** Employment in the Russian industry over the period of 2000 – 2014: level, dynamics, flexibility

46 ***N. V. Dmitrieva.*** The website of the university: the tools to attract entrants

51 ***L. L. Zobova.*** The problem of geospatial description: modern technology

56 ***D. V. Luzgareva, O. I. Luzgareva, A. A. Lopatin.*** Study of the time spent on documents preparation in medical institutions

62 ***L. G. Milyaeva.*** Market researches in the educational market: integrated approach

70 ***E. A. Morozova.*** The interaction between higher education institutions and employers as a condition of high-quality training of graduates: experts' opinions

77 ***A. V. Mukhacheva, S. N. Mishchuk.*** Impact of recession on life quality: regional and temporal aspects

83 ***S. V. Nedosekin.*** Creation of favorable conditions for foreign investment in Russia

88 ***Contact Information***

УДК 32.001(075.8)

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ПУБЛИЧНАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И ВЗАИМОСВЯЗИ

М. А. Казаков [1, @1], ***К. Е. Макарова*** [1, @2]

Поступила в редакцию 25.03.2016
Принята к печати 01.06.2016

[1] *Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского*
[@1] *kazakov_mihail@list.ru*
[@2] *nilsy@mail.ru*

Ключевые слова:
публичная дипломатия, публичная экспертиза, негосударственные субъекты, гражданское общество, общественная дипломатия, общественная экспертиза.

Аннотация: В статье даны общие характеристики публичной дипломатии и публичной экспертизы, определены основные взаимосвязи между ними, принципиально важные для последующего углубленного исследования. Сделан вывод о том, что, учитывая специфику понимания и применения концепции «мягкой силы» в России, развитие институтов гражданского общества остается государственной инициативой. Это, с одной стороны, противоречит идеи кооперации усилий, с другой стороны, государство создает искусственные условия для аккумуляции гражданских инициатив, что в условиях недостаточного развития гражданского общества является естественным решением.

Для цитирования: Казаков М. А., Макарова К. Е. Публичная дипломатия и публичная экспертиза: основные подходы и взаимосвязи.// Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2016. № 1. С. 5 – 9.

Выдвижение на авансцену политики гуманитарного знания и переговорных практик разрешения конфликтов, достижения компромиссов и приемлемого сотрудничества актуализировало обращение к публичной дипломатии и публичной экспертизе, во многом предопределяющих параметры современного политического процесса. Каждый из феноменов, несмотря на скромную предысторию, служит эффективным инструментом достижения целей государства на взаимовыгодной основе. Но их теоретическое изучение часто идет раздельно, при явном приоритете индивидуальной и коллективной профессиональной дипломатической деятельности в рамках государства.

Выходом из этой ситуации является диверсификация усилий узких специалистов и общественности, опирающаяся в том числе на взаимосвязи публичной дипломатии и публичной экспертизы, установление которых и составляет предмет статьи.

Феномен публичной дипломатии возник сравнительно недавно. Однако скорость ее становления такова, что сегодня она представляет собой одну из преобладающих дипломатических тактик и практик. Активное развитие форм и методов публичной дипломатии, привлечение ее к достижению целей широкого спектра институтов власти и гражданского общества позволило ряду исследователей говорить о новом этапе в развитии публичной дипломатии, учитывающей особенности и следствия «информационной революции», развитие разнообразных технологий.

В их границах расширились коммуникационные возможности негосударственных субъектов, к примеру, в гуманизации политики разных стран, в том числе и в России [1, с. 17 – 22]. А в условиях того, что в настоящее время на уровне отдельных государств, их коалиций военно-силовой способ разрешения конфликтов превалирует над политическими и гуманитарными средствами, привлечение гражданских, общественных, конфессиональных и собственно экспертных организаций для налаживания мирного диалога – не только примета времени, но и значимый противовес. Но за их конкретными действиями всегда надо видеть систему взглядов, концептуально обосновывающих большую пользу и выгоду политико-дипломатических средств достижения целей над насильственными аналогами [2].

Классическая концепция публичной дипломатии подразумевает средства, при помощи которых правительства, частные группы и отдельные лица меняют установки и мнения других народов и правительств таким образом, чтобы оказать влияние на их внешнеполитические решения, другими словами, ради получения и удержания политического влияния [3, с. 70]. Традиционно публичная дипломатия служит трем целям.

1. Политическая (создать репутацию за рубежом, чтобы с большей легкостью достигать политических целей).

2. Экономическая (способствовать экономическому росту своей страны, повышая степень ее привлекательности).

3. Культурная (стимулировать культурное и научное сотрудничество в целях повышения своей конкурентноспособности в этих областях на мировом уровне).

Усиление влияния НПО, их большая гибкость в использовании сетей привели к подъему публичной дипломатии, не ограниченной распространением сообщений, организацией кампаний по продвижению чего-либо или прямыми правительственными контактами с иностранной общественностью в целях обслуживания внешнеполитических задач. Она направлена на установление от-

ношений с признанными НПО других стран, развитие связей между ними, иными словами, на сотрудничество между обществами.

Залогом эффективности публичной дипломатии государства является ее неприметность. Предполагается, что вместо государственных структур сообщение должно распространяться людьми, имеющими что-то общее с целевой аудиторией. Оно должно передаваться через независимые от государства структуры, возможно даже скептически к нему настроенные. Поэтому в качестве операторов сообщений следует использовать НПО при условии, что они имеют хорошую репутацию и разветвленные транснациональные сети; диаспоры – из-за их уникального языка, понимания культуры и политического контекста; политические партии других стран, которые могут служить каналом обмена информации о политических взглядах [10, с. 55].

В продолжение этой логики экспертное сообщество также может рассматриваться в качестве оператора публичной дипломатии, учитывая интернациональность и разветвленность этой общности. Кроме того, в качестве методики оценки эффективности деятельности институтов публичной политики востребованным является обращение к оценкам именно экспертов, способных выявить качественную результативность в соответствии с определенными параметрами и задать координаты развития того или иного процесса [5].

Но главной проблемой публичной дипломатии остается вопрос доверия: при большом количестве источников информации любые попытки ею манипулировать могут быть раскрыты, что отрицательно скажется на целях кампании, то есть информация будет восприниматься как пропаганда, а доверие исчезнет [5, с. 151]. Во избежание этого публичная дипломатия включает не только деятельность по распространению сообщения, но и установление отношений взаимного доверия. Для установления доверительных отношений необходимы: взаимность, двусторонняя коммуникация, контакты на неправительственном уровне, прямой и открытый разговор о власти, также установление доверия на практике через реализацию совместных проектов [9, с. 47], – это так называемый *кооперационный подход* к публичной дипломатии.

Причина широкого распространения концепции публичной дипломатии кроется не только в информационной революции и массовом доступе к технологиям, облегчившим коммуникацию, немаловажное значение имеет повсеместное укоренение институтов гражданского общества, позволяющих обычным людям создавать формальные и неформальные связи между социумами разных стран, возможные и без участия государства.

Несмотря на усиление этой тенденции, новые коммуникативные подходы ведения дипломатии, также как и традиционные, основными агентами делают государственные структуры. Предполагается, что международные организации, НПО, ТНК и гражданское общество в целом будут вовлечены как в публичную дипломатию, так и в национальный брендинг и культурную дипломатию таким образом, что центральными останутся государственные институты и их представления о международных отношениях.

Культурная дипломатия – не новый концепт в международных отношениях, но в сегодняшнем контексте он приобретает особую значимость, учитывая увеличившийся спрос на информационный ресурс. *Национальный брендинг* – концепция, пришедшая из мира коммерческих организаций. Нацеленная на продвижение бренда той или иной компании, она используется теперь государствами для продвижения собственного бренда, в первую очередь, ради повышения инвестиционной привлекательности страны.

В таком партнерстве публичная дипломатия – дипломатия, нацеленная не на правительства других государств, а скорее, на отдельные сегменты населения этих стран. Ее цели включают: от представления страны целевой аудитории, развенчивания мифов и ложных представлений о ней до полного погружения людей в национальный контекст посредством туризма, стажировок, инвестиционных вложений или участия в общественно-политических делах. Публичная дипломатия использует стратегию двусторонней коммуникации, но в условиях перенасыщенности информацией целевая аудитория страдает от дефицита внимания, так называемого «парадокса избыточности» [5, с. 182].

В этой ситуации особое значение приобретает репутация источника информации, основными конкурентами за которую для государств являются новостные СМИ, корпорации, НПО, межправительственные организации и сеть научных сообществ. Таким образом, рационально было бы использовать помимо государственных каналов также перечисленные выше субъекты «мягкой силы» в качестве операторов сообщений для работы с общественным мнением за рубежом ради повышения эффективности.

Теоретически концепция публичной дипломатии рассматривается тремя парадигмами. В рамках парадигмы политического реализма публичная дипломатия представляет собой не более чем дополнение к настоящей силовой политике. Само существование этого концепта – нонсенс, так как предположение о том, что создание близких отношений между населениями двух стран или представления об открытости и стремлении к диалогу изменят поведение государств на международной арене, это просчет, так как поведение государств никогда не изменится из-за анархичной природы международных отношений.

Таким образом, усилия в области публичной дипломатии были предприняты в надежде на то, что возможным станет влиять на будущих лидеров страны-объекта, составив хорошее впечатление о стране, усиливая безопасность страны-субъекта, отложив потенциальный конфликт между государствами [11].

С позиций конструктивизма публичная дипломатия и другие коммуникативные подходы к ведению дипломатии будут продолжать увеличивать свое влияние. С этой точки зрения публичная дипломатия – новый инструмент для усиления социализации между государствами с зарубежной аудиторией как средством. Другими словами, влияя на зарубежную аудиторию через открытый, искренний диалог, в конечном счете субъект увеличивает шансы на возможную дружбу между двумя государствами.

В рамках либеральной парадигмы публичная дипломатия является частью концепции мягкой силы Дж. Ная, источниками которой называются культура, внешняя политика и политические ценности страны. Публичная дипломатия представляется самым эффективным инст-

рументом для увеличения мягкой силы, т. к. это инструмент государства для представления себя зарубежной аудитории. Роль публичной дипломатии заключается в перемещении фокуса на позитивные стороны страны через диалог. В концепции Дж. Ная *мягкая сила* – это raison d'être публичной дипломатии, так как она направлена на увеличение степени привлекательности государства, что означает: привлекательность является ресурсом силы, то есть стоит того, чтобы за нее бороться на международной арене.

Государства, которые ближе к доминирующим в мире ценностям, обладают большей мягкой силой, чем государства с сильно отличающимися политической культурой и ценностями. На сегодняшний день политические институты является наиболее значимым ресурсом мягкой силы любого государства, то есть чем сильнее развиты институты гражданского общества в стране-субъекте публичной дипломатии, тем более эффективной окажется «мягкая сила» этого государства, превратившись в реальное влияние. Таким образом, необходимым условием эффективности публичной дипломатии как инструмента внешней политики является развитие институтов гражданского общества.

В Концепции внешней политики России 2013 г. в области международного гуманитарного сотрудничества и прав человека перед страной ставится задача «развивать, в том числе, *используя ресурсы, потенциал и инициативы институтов гражданского общества в сфере общественной дипломатии*, международное культурное и гуманитарное сотрудничество как средство налаживания межцивилизационного диалога, достижения согласия и обеспечения взаимопонимания между народами, уделяя особое внимание межрелигиозному диалогу». И далее «работать над созданием положительного образа России […] совершенствовать систему применения мягкой силы, искать оптимальные формы деятельности на этом направлении […] опирающиеся *на механизмы взаимодействия с гражданским обществом и экспертами*, продолжить формирование нормативной базы в указанной сфере» [2].

Другими словами, для увеличения мягкой силы данная Концепция предлагает опереться на механизмы взаимодействия с гражданским обществом и экспертами. Они и представляют институт публичной экспертизы, обеспечивающий прямое участие граждан в управлении государством, то есть вовлечение общественности в процессы законотворчества и совершенствования правоприменительной практики.

Согласно ФЗ РФ от 21 июля 2014 г. «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» под общественной экспертизой понимаются основанные на использовании специальных знаний и(или) опыта специалистов, привлеченных субъектом общественного контроля к проведению общественной экспертизы на общественных началах, анализ и оценка актов и других материалов, действий (бездействия) органов государственной власти и т. д., проверка соответствия таких актов и других материалов требованиям законодательства, а также проверка соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций [8].

Правами проведения инициативной общественной экспертизы наделяются все граждане, достигшие 18 лет, и зарегистрированные социально ориентированные некоммерческие организации, действующие в качестве гражданских экспертов. Гражданские эксперты имеют право направлять свои заключения, носящие рекомендательный характер и подлежащие обязательному рассмотрению, в органы государственной власти.

Специалисты в области социальной психологии утверждают, что причинами конфликтов между государственными органами и общественными структурами являются не объективно существующие противоречия интересов, а недостаток взаимной информированности и отсутствие доверия между сторонами [7, с. 100]. Механизм публичной экспертизы способствует преодолению отчуждения между общественностью и органами государственной власти.

Неотъемлемым атрибутом общественной экспертизы является ее публичный характер, то есть в том числе и доступность содержания экспертных заключений. Привлечение экспертного сообщества к проведению парламентского контроля и парламентских расследований также представляется значимым в продолжение логики общественного контроля, одной из форм которого и является публичная экспертиза.

Однако этот механизм не всегда работает достаточно эффективно, чтобы обеспечить выполнение своих первоначальных функций. Так, в этой сфере существуют негативные тенденции: часто гражданские эксперты представляют собой сильно ангажированных специалистов, стремящихся конвертировать в политическое влияние свои научные знания. С точки зрения стандартов гражданского общества подобная ситуация указывает на слабость и недоразвитость его важнейших институтов на базисном уровне [4, с. 208].

Подводя промежуточные итоги, можно заключить, что сегодня публичная дипломатия рассматривается как эффективный способ достижения внешнеполитических целей в областях экономики, международного влияния и политического позиционирования, если опирается на ресурсы гражданского общества. Публичная экспертиза, кроме выполнения главной функции, может сама по себе стать частью инструментария публичной дипломатии, так как связи между экспертными сообществами разных стран, их сотрудничество способно укрепить дружеские отношения, способствовать созданию, укреплению и распространению положительного образа страны за ее пределами.

Таким образом, развитие института публичной экспертизы как одного из институтов гражданского общества находится в прямой взаимосвязи с успешной публичной дипломатией и косвенно влияет на достижение внешнеполитических целей государства. Однако, учитывая специфику понимания и применения концепции мягкой силы в России [6, с. 31], можно предположить, что развитие институтов гражданского общества остается государственной инициативой. Это с одной стороны, противоречит идеи кооперации усилий, с другой стороны, государство создает искусственные условия для аккумуляции гражданских инициатив, что в условиях недостаточного развития гражданского общества является естественным решением.

Литература

1. Казаков М. А., Зубкевич А. А. Гуманизация политики России: феномен национального политического лидерства как ее актуальный ресурс // Вестник Тамбовского университета. (Серия: Гуманитарные науки). 2015. Вып. 4(144). С. 17 – 23.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации от 12.02.2013 // Официальный сайт МИД РФ. Режим доступа: http://archive.mid.ru//brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 10.02.2016).
3. Лукин А. В. Публичная дипломатия // Международная жизнь. 2013. № 3. С. 69 – 87.
4. Макарычев А. С. Взаимодействие политической и научной элит: теория вопроса и практика Нижегородской области // Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе. М.: МОНФ, 1999. С. 197 – 209.
5. Най Дж. С. Будущее власти. М.: АСТ, 2014. 444 с.
6. Никитина Ю. А. Российский подход к продвижению «мягкой силы» в сфере внешней политики // Международные отношения. 2014. № 2(35). С. 30 – 35.
7. Севостьянов В. Л. Правовому государству необходимы экспертиза и контроль со стороны институтов гражданского общества // Ведомости Московской городской думы. 2014. № 2. С. 97 – 105.
8. Федеральный закон от 21 июля 2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Российская газета. № 6435(163). Режим доступа: http://www.rg.ru/2014/07/23/zakon-dok.html (дата обращения: 15.02.2016).
9. Leonard M., Small A., Rose M. British public diplomacy in the «age of schisms». 2005 // The foreign policy centre. Режим доступа: http://fpc.org.uk/fsblob/407.pdf (дата обращения: 27.03.2015).
10. Leonard M., Stead C., Smewing C. Public Diplomacy. London: The Foreign Policy Centre, 2002. 202 p.
11. Sigsgaard J. N. The New Era of Diplomacy: The Effects of Public Diplomacy, Nation Branding and Cultural Diplomacy // Academia.edu. Режим доступа: https://www.academia.edu/6629876/The_New_Era_of_Diplomacy_-The_Effects_of_Public_Diplomacy_Nation_Branding_and_Cultural_Diplomacy (дата обращения: 27.02.2015).

Информация об авторах:

Казаков Михаил Анатольевич – доктор политических наук, профессор кафедры прикладного политического анализа и моделирования Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (ИМОМИ ННГУ), научный руководитель центра экспертизы и комплексного анализа ИМОМИ ННГУ, kazakov_mihail@list.ru.

Макарова Ксения Евгеньевна – аспирант кафедры прикладного политического анализа и моделирования Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, nilsy@mail.ru.

NEW PUBLIC DIPLOMACY AND INDEPENDENT EXPERT APPRAISAL: APPROACHES AND INTERCONNECTIONS

Michael A. Kazakov[1, @1], Kseniya E. Makarova[1, @2]

Received 25.03.2016
Accepted 01.06.2016

[1] *Nizhny Novgorod State University in the name of N. I. Lobachevsky*
[@1] *kazakov_mihail@list.ru*
[@2] *nilsy@mail.ru*

Keywords:
public diplomacy, new public diplomacy, independent expert appraisal, social control, civil society, soft power.

Abstract: The paper presents the general characteristics of public diplomacy and independent expert appraisal and describes the concepts' interconnections which is extremely important for further research. The conclusion was drawn with consideration of comprehension and application of the soft power theory in Russia. It states that the development of the civil society institutes remains a state initiative. On the one hand, this assumption contradicts the idea of cooperative effort, on the other hand, the state creates artificial conditions for stimulation of the civil institutions which is logical considering the insufficient development of the civil society.

For citation: Kazakov M. A., Makarova K. E. Publichnaia diplomatiia i publichnaia ekspertiza: osnovnye podkhody i vzaimosviazi [New public diplomacy and independent expert appraisal: approaches and interconnections]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki – Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic sciences,* no. 1 (2016): 5 – 9.

References

1. Kazakov M. A., Zubkevich A. A. Gumanizatsiia politiki Rossii: fenomen natsional'nogo politicheskogo liderstva kak ee aktual'nyi resurs [Humanization policy of Russia: the phenomenon of national political leadership as it is a relevant resource]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. (Seriia: Gumanitarnye nauki) – Bulletin of the Tambov University. (Series: Humanitarian Sciences),* no. 4(144) (2015): 17 – 23.

2. *Kontseptsiia vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii ot 12.02.2013* [Foreign policy concept of the Russian Federation of 12.02.2013]. Available at: http://archive.mid.ru//brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (accessed: 10.02.2016).

3. Lukin A. V. Publichnaia diplomatiia [Public diplomacy]. *Mezhdunarodnaia zhizn' – International life*, no. 3 (2013): 69 – 87.

4. Makarychev A. S. Vzaimodeistvie politicheskoi i nauchnoi elit: teoriia voprosa i praktika Nizhegorod-skoi oblasti [The interaction of political and scientific elites: theory and practice question of the Nizhny Novgorod region]. *Transformatsiia rossiiskikh regional'nykh elit v sravnitel'noi perspective* [Transformation of Russian regional elites in comparative perspective]. Moscow: MONF, 1999, 197 – 209.

5. Nye J. S. *Budushchee vlasti* [The future of power]. Moscow: AST, 2014, 444.

6. Nikitina Iu. A. Rossiiskii podkhod k prodvizheniiu «miagkoi sily» v sfere vneshnei politiki [The Russian approach to the promotion of "soft power" in foreign policy]. *Mezhdunarodnye otnosheniia – International relations*, no. 2(35) (2014): 30 – 35.

7. Sevost'ianov V. L. Pravovomu gosudarstvu neobkhodimy ekspertiza i kontrol' so storony institutov grazhdanskogo obshchestva [The rule of law required examination and supervision by civil society institutions]. *Vedomosti Moskovskoi gorodskoi dumy – Vedomosti of the Moscow city Duma*, no. 2 (2014): 97 – 105.

8. Federal'nyi zakon ot 21 iiulia 2014 № 212-FZ «Ob osnovakh obshchestvennogo kontrolia v Rossiiskoi Fe-deratsii» [Federal law of July 21, 2014 no. 212-FZ "On fundamentals of public control in the Russian Federation"]. *Rossiiskaia gazeta – Russian newspaper*, no. 6435(163).

9. Leonard M., Small A., Rose M. *British public diplomacy in the «age of schisms»*. 2005. Available at: http://fpc.org.uk/fsblob/407.pdf (accessed 27.03.2015).

10. Leonard M., Stead C., Smewing C. *Public Diplomacy*. London: The Foreign Policy Centre, 2002, 202.

11. Sigsgaard J. N. *The New Era of Diplomacy: The Effects of Public Diplomacy, Nation Branding and Cultural Diplomacy*. Available at: https://www.academia.edu/6629876/The_New_Era_of_Diplomacy_The_Effects_of_Public_-Diplomacy_Nation_Branding_and _Cultural_Diplomacy (accessed 27.02.2015).

УДК 316.4:331.524

ИНСТРУМЕНТЫ ДИАГНОСТИКИ ПРОФИЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ ВЫПУСКНИКОВ: ОГРАНИЧЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

А. А. Борисова [1, @1]

Поступила в редакцию 08.02.2016
Принята к печати 20.05.2016

[1] *Новосибирский государственный технический университет*
[@1] *a.borisova@corp.nstu.ru*

Ключевые слова:
выпускник, вуз, трудоустройство, профильная занятость, мониторинг.

Аннотация: Рассматривается теоретико-методологический поиск решений по обеспечению профильной занятости выпускников вузов. Характеризуются последствия ввода нормативных регуляторов содействия профильной занятости выпускников. Анализируются возможности и ограничения в использовании диагностических средств распределения выпускников по типам трудоустройств. Обосновывается расширение типологии трудоустройств выпускников на основе ввода поисковых типов – профильно-возвратного и непрофильного с опытом работы по специальности. Предложен новый способ определения типа профильности занятости выпускника. В основании методики диагностики типа трудоустройства выпускника заложен критерий «теснота связи с полученной профессиональной подготовкой». Апробация методики показывает возможность ее встраивания в комплексную информационную систему вуза. Приводятся результаты эмпирического анализа распределения выпускников по типам трудоустройства на материалах региональных выборок. Выявляется влияние параметров образовательно-коньюнктурной среды (широта специализации, уровень квалификации, регион, образовательное учреждение, год выпуска и гендерный фактор) на частоту профильного трудоустройства выпускников вузов.

Для цитирования: Борисова А. А. Инструменты диагностики профильной занятости выпускников: ограничения и результаты использования // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2016. № 1. С. 10 – 16.

Постановка научно-исследовательской проблемы

Наличие дисбаланса конъюнктуры молодежного рынка труда актуально для российской экономики на протяжении последних десятилетий. При положительной динамике спроса абитуриентов на высшее образование исследователями фиксируется значительное рассогласование между сформированным потенциалом выпускника и его востребованостью в бизнес-среде. В основу оценок рассогласования заложены в том числе значения соответствия полученной подготовки требованиям трудовой деятельности. Значительный разрыв в оценках отражает дефицит профессионального образования на фоне высокого уровня образованности трудовых ресурсов. Этим противоречием часто объясняют причины низких темпов развития реального сектора экономики, ограничения в усилении инновационной активности и эффективности хозяйственной деятельности. Действительно, сложно обеспечить высокие значения производительности труда специалистам, не имеющим соответствующей профильной подготовки и вынужденным формировать профессиональные компетенции непосредственно в трудовой деятельности. Следствием является снижение ценности высшего образования (более трети студентов вузов задумываются о необходимости второго высшего образования по иной специальности и каждый пятый реализует это решение еще во время обучения в вузе [8]) и ослабление доверия к основному из сигналов рынка труда – диплому о подготовке. Дисбаланс может быть обусловлен затруднениями в реализации механизмов: формирования социального заказа на специалистов с определенной профессионально-квалификационной подготовкой; регулирования трудообеспеченности региональных рынков труда; содействия трудоустройству выпускников по специальности.

Поиск решений обозначенных затруднений предполагает изменения в комплексном многосубъектном взаимодействии стейкхолдеров: государства, бизнеса, вузов, носителей труда. Все стейкхолдеры заинтересованы в высокой окупаемости вложенных в воспроизводство кадров с высшим образованием ресурсного обеспечения. Окупаемость возрастает в случае обеспечения профильной занятости выпускников. Имеющиеся данные мониторингов частоты профильного трудоустройства выпускников различных направлений подготовки и вузов [2; 7; 10] отражают недостаточность применяемых средств диагностики многосубъектного взаимодействия и регулирования. Поэтому актуальны вопросы о сущностной интерпретации профильного трудоустройства выпускников, об используемых регуляторах деятельности стейкхолдеров по достижению нормативных значений показателя «трудоустройство выпускников по специальности», о валидности используемых средств диагностики распределения выпускников на рынке труда и частоты профильной занятости.

Развитие теоретико-прикладных способов решения проблемы

Поиск средств многосубъектного регулирования ведется на высшем уровне. Министерство образования и науки РФ внедряет профессиональный стандарты, признанные унифицировать требования к специалистам и снизить дисбаланс между запросами работодателей и профессионально-квалификационными возможностями выпускников. Апробация стандартов сопровождается сложностями: сбора достоверной и актуальной информации. Обозначена частота пересмотра стандартов с периодичностью один раз в три-пять лет; привлечения работодателей к диалогу и обеспечения обратной связи с образовательными учреждениями; обработки данных и унификации функционала деятельности. Практика организации труда и распределения работ многообразна, поэтому унифицировать потребности работодателей крайне сложно; внедрения в практику хозяйствования. Обязать руководствоваться профессиональными стандартами можно лишь предприятия государственного сектора. Будут ли руководствоваться или при найме коммерческие предприятия, пока не понятно. Возможно, положительный опыт использования стандартов будет способствовать повсеместному их вводу. Но пока ведется апробация и отработка способов получения информации. Поэтому сложно судить о действенной отдаче использования профессиональных стандартов.

Одновременно с этим Министерство образования и науки РФ ежегодно пересматривает регуляторы деятельности вузов в обеспечении трудоустройства выпускников по специальности. Изначально оценка эффективности деятельности вуза базировалась на критерии «трудоустройство по направлению профессиональной подготовки» (до 2013 г.). Используемые средства диагностики не позволяли избегать маскировки высокой результативности. Это подтверждается существенными различиями в данных, представляемых вузами и выборочных обследований. Так, по данным образовательных учреждений 81 % выпускников вузов трудоустроены по специальности; опросы самих выпускников и работодателей значительно сокращают величину этого показателя (до 64 % и 51 % соответственно) [4]. В связи с низкой результативностью сбора достоверных данных на основе самооценок вузов требуется пересмотр и изменение мониторинговых средств.

В 2014 г. эффективность деятельности вуза определялась по критерию, позволяющему исключить субъективность вуза – «число зарегистрированных выпускников в службах занятости в течение одного года после окончания вуза». Таким образом, произошло смещение акцентов в оценке: вместо показателя, отражающего степень профильности занятости, появляется оценка общей занятости, вне привязки к частоте использования профессиональной подготовки в деятельности. Ориентация на общий показатель трудоустройства не позволяет вскрыть проблемы взаимодействия работодателя и вузов и также существенно маскирует величину потерь. По данным Министерства образования и науки РФ в среднем лишь 6 % выпускников регистрируется в службах занятости. В основе низкой информативности и этого показателя находится также оценка результативности использования канала трудоустройства – служба занятости. Специфический объект наблюдения «трудоустройство выпускников» требует учета распространенности использования именно этого канала поиска работы при выходе и закреплении молодого специалиста на рынке. Данные опросов распространенности средств поиска работы среди студентов и выпускников, а также оценки результативности использования каналов трудоустройства [1], свидетельствуют об ограниченном и вынужденном обращении этой категории граждан в службы занятости. Таким образом, и новый критерий диагностики работы вуза не позволил получить достоверные данные.

Изменение содержательного наполнения критерия эффективности вуза по показателю «трудоустройство выпускников» и средств диагностики является попыткой снижения необъективности и недостоверности получаемых данных. С 2015 г. инструментарий сбора информации о трудоустройстве выпускников регулируется трехсторонним соглашением Министерства образования РФ, Пенсионного фонда РФ и Федеральной службы по надзору в сфере образования РФ. Соглашение регламентирует механизм сбора данных о пенсионных отчислениях трудоустроенных выпускников. Средства обработки данных позволяют оценивать число трудоустроенных выпускников по направлениям подготовки, определять среднюю заработную плату и диагностировать миграционную мобильность. Новый инструментарий позволяет снизить издержки сбора объективных данных, но не дает информации о профильности трудоустройства – например, занимаемой должности, мере использования профессиональных компетенций. Наблюдается смещение акцентов в регулировании проблемы занятости выпускников, меняются представления пользователей о ситуации на рынке труда и роли вузов в обеспечении занятости. Вместо негативной информации о низких значениях показателя «трудоустройство выпускников по специальности», значительном расхождении в требованиях работодателей и возможностей специалистов, появляются данные об успешности распределения выпускников по рабочим местам. Априори в инструментарий оценки закладывается прямая связь между эффективностью вуза и трудоустройством выпускника, даже если большинство его выпускников работают не по профилю полученной подготовки. Смещение акцентов и манипулирование подачей информации направлены на снижение социальной напряженности. Многолетний поиск регуляторов диспропорций молодежного рынка труда выявил необходимость структурной перестройки запроса на формирование, воспроизводство и распределение рабочей силы. Обеспечение таких изменений ресурснозатратно. Смещение акцентов отражает снижение чувствительности шкал измерения результативности институционального регулирования занятости выпускников.

Анализ методического инструментария диагностики профильного трудоустройства

Отмечается устойчивый интерес различных стейкхолдеров к изучению проблемы обеспечения профильной занятости выпускников и разработке методических средств ее диагностики. Обзор поиска методических средств выявил существенные ограничения. К числу значимых можно отнести следующие.

Ограничение 1: в основу инструментария диагностики закладываются субъективные оценки связи работы с полученной подготовкой [2; 5; 6]. Ответы респондентов

на типичные вопросы «Если Вы работали во время получения базового образования, то была ли связана Ваша работа с получаемой профессией (специальностью)?» или «Связана ли Ваша текущая работа с полученной профессией (специальностью)?» [5, с. 69, 71] не могут в полной мере избежать субъективности принятия решений о профильном трудоустройстве. Анализ перечня индикаторов и их операционализация в вопросах анкет показывают ограничения при сборе объективной информации о профильной занятости выпускников. К сожалению, для исследований траекторий профессионального становления снизить действие этого ограничения в настоящем не представляется возможным. В качестве перспективного направления разработчиками системы информационного мониторинга трудоустройства предлагается ввести в Федеральные государственные образовательные стандарты перечень должностей, соответствующих направлению подготовки. Высокая скорость изменчивости мира профессий и сложившиеся противоречия на рынке по поводу наименования должности и ее содержания не смогут в полной мере решить вопрос о диагностики профильного трудоустройства на основе соответствия.

Ограничение 2: используемые средства сбора информации фиксируют намерения выпускников трудоустроиться по профилю полученной подготовки и не всегда позволяют выявить реальную динамику образовательно-карьерных траекторий (частоту смены должностей, организаций, продолжительность работы и др.). Существенные ресурсные ограничения проведения лонгитюдных исследований сужают возможности получения информации на материалах репрезентативных выборок.

Ограничение 3: отсутствует алгоритм обработки собранных данных, позволяющий их агрегировать и выявлять тип профильного трудоустройства. Оценки основаны на диагностике частотного распределения выпускников, работающих по специальности. Обобщение данных о количестве выпускников, которые в течение одного года с момента окончания обучения трудоустроились по специальности, не позволяет выявить тип трудоустройства конкретного выпускника, а информирует о доли выпускников, которые работают. Разработка алгоритма диагностики типа занятости выпускника может способствовать обоснованию целевых мероприятий воздействия на ситуацию с обеспечением профильности трудоустройства.

Ограничение 4: в доступных публикациях не удалось обнаружить обоснование связи индикаторов диагностики с типом профильного трудоустройства. В исследованиях используется значительный перечень индикаторов, однако не приводятся данные о тесноте связи и влиянии на результирующую величину – профильное трудоустройство, за исключением работ А. Г. Эфендиева, Е. С. Балабановой и Е. Б. Галицкого [9], в которых выявление связи между опытом работы по специальности и полученным образованием позволило выделить типы квалификации молодых специалистов. Но сбор информации о практическом опыте и мере востребованности подготовки также основан на субъективных представлениях (ограничение 1). Операционализация индикатора «опыт работы» вне связи с типом трудоустройства не позволяет судить о реализации и наращивании сформированных в вузе профессиональных компетенций.

Выявленные ограничения не позволяют измерять тип профильности трудоустройства выпускников и обосновывать ресурсоемкий мониторинг диагностики. Поэтому оправдан продолжающийся поиск сущностной интерпретации категории «профильное трудоустройство», разработка типологии разновидности способов закрепления выпускников на рынке труда и апробация иных методических средств диагностики.

Способы закрепления выпускников на рынке труда

Многообразие практик выхода выпускников на рынок труда и способов закрепления в профессии позволяет выдвинуть предположение о недостаточности фиксации двух полярных типов трудоустройств – профильного и непрофильного. Поисковые образовательно-карьерные траектории профессионального становления обусловливают изучение и иных типов – непрофильного с опытом работы по специальности, а также профильно-возвратного. Для диагностики расширенной разновидности типов трудоустройства предлагается использовать критерии:

– мера использования полученной подготовки в деятельности;

– частота реализации функций по основным видам деятельности;

– широта профессиональных компетенций (специализации);

– наличие опыта работы в структурных подразделениях, обозначенных в федеральных образовательных стандартах как объектах профессиональной деятельности.

Методические положения по оценке меры профильности трудоустройства и переводу значений обозначенных критериев в балльные шкалы рассмотрены ранее [3]. В предлагаемой методике сознательно больший вес значимости придается критерию «частота реализации функций, закрепленных в локальных нормативных актах» (например, в должностной инструкции, в модели должности, в положении о структурном подразделении). Компетенции специалиста фиксируются оценками включенности в трудовой процесс и частоты реализации знаний.

Другие критерии, обозначенные выше, в значительной мере носят субъективный характер и подвержены искажению по причине различий в восприятии и оценке ситуации разными субъектами деятельности. Успешное трудоустройство, позволяющее в достаточной мере удовлетворить базовые ценностные предпочтения молодого специалиста, является основой формирования его профессиональной приверженности. По мере увеличения продолжительности периода существенным в диагностике профильного трудоустройства становится влияние иных факторов, в меньшей степени отражающих роль вуза в нацеленности выпускника на закрепление в профессии. Трудовой путь молодого специалиста на протяжении двух лет после окончания вуза оценивается по рассмотренным критериям в разрезе занимаемых должностей. Полученные оценки будут соответствовать одной из трех зон профильности: высокой, средней, низкой. Чередование случаев попадания обобщенных характеристик трудоустройства выпускника по зонам высокой (средней) и низкой профильности свидетельствует о двух так называемых «чистых» типах трудоустройства: профильном и непрофильном. Если движение выпускника

по трудовому пути направлено от зоны низкой профильности к средней (и(или) высокой), то можно определить профильно-возвратный тип трудоустройства. По сути, такое движение описывает траекторию возвращения молодого специалиста к приобретенной профессии через оценку опыта работы по иной профессии. Обратное движение по зонам в направлении от высокой профильности к низкой характеризует непрофильный тип трудоустройства с опытом работы по профессии. Оно может сопровождаться негативными оценками опыта работы по профессии и(или) невозможностью реализовать сформированный профессиональный потенциал в вузе в рамках существующих практик ведения бизнеса. Этот тип трудоустройства отражает попытку молодого специалиста адаптироваться в иных сферах деятельности с последующим вероятностным уходом из профильной профессии. В случае, если оценки профильности трудоустройства молодого специалиста на протяжении всего интервала наблюдения не попадают в зоны среднего и высокого уровня, то можно констатировать непрофильное трудоустройство. В обратном случае верно говорить о профильном типе трудоустройства выпускника. Таким образом, представленные положения о сборе и интерпретации данных позволяют выделить четыре типа трудоустройства по основанию «теснота связи с полученной профессиональной подготовкой»: непрофильное, непрофильное с опытом работы по специальности, профильно-возвратное, профильное.

Выделяются следующие преимущества предлагаемой методики диагностики уровня профильности трудоустройства выпускников вуза: возможность получения интервальных, а не точечных оценок, характеризующих весь трудовой путь молодого специалиста, что позволяет точнее описать и оценить трудоустройство выпускников вуза; введение данных критериев оценки позволяет формализовать сбор данных и уменьшить субъективизм в оценке профильности трудоустройства; инструментальное обеспечение процедуры сбора и обработки данных позволяет подтверждать направляемые в Министерство образования и науки РФ данные вузов о трудоустройстве выпускников и отслеживать их динамику; негативная динамика показателей может являться основанием для разработки корректирующих (или превентивных) мероприятий.

Следует отметить организационные сложности, выявленные при апробации: трудность поддержания актуальных контактов с выпускниками вузов и привлечения их к повторному анкетированию; низкая заинтересованность выпускающих кафедр (а порой и центров трудоустройства вузов) в сборе и аналитической обработке полученных данных.

Указанные сложности не освобождают вузы от необходимости отслеживать динамику трудоустройства выпускников и фактологически ее подтверждать. Нивелировать их действие можно посредством совершенствования организации и инструментария сбора информации (например, вводить режим партнерских соглашений с выпускниками вузов). Сокращение временных затрат по сбору и обработке данных можно достигнуть, используя автоматизированные средства проведения анкетного опроса.

Результаты апробации методики диагностики типа профильности трудоустройства выпускников

Апробация предлагаемой методики диагностики типа трудоустройств проведена на эмпирических данных (таблица 1).

Результаты распределения выпускников по типам профильности (таблица 2) позволяют сделать выводы.

Таблица 1. **Характеристика эмпирической базы выпускников в разрезе квот формирования выборки**
Table 1. **Characteristic of the empirical basis of graduates in terms of samples formation quotas**

Широта специализации	***Размер выборки***		***Регион***	***Размер выборки***		***Уровень квалификации***	***Размер выборки***	
	ед.	***%***		***ед.***	***%***		***ед.***	***%***
Менеджмент	471	54,8	Новосибирск	517	59,3	Магистр	193	22,1
Управление персоналом (экономика труда)	401	45,2	Иркутск	355	40,7	Специалист	568	65,2
						Бакалавр	111	12,7

Вуз подготовки	***Размер выборки***		***Вуз подготовки***	***Размер выборки***	
	ед.	***%***		***ед.***	***%***
вуз 1	114	13,1	вуз 4	134	15,4
вуз 2	129	14,8	вуз 5	128	14,7
вуз 3	122	14,0	вуз 6	131	15,0
			вуз 7	114	13,1

Во-первых, только треть выпускников по первому месту трудоустроены на профильных работах. Широкая специализация профессиональной подготовки позволяет чаще реализовать профильное трудоустройство на стартовых позициях, а также способствует последующему возращению специалистов в профессиональную область. Узкая специализация ограничивает диапазон последующих маневров: практически каждый второй выпускник безвозвратно уходит из профессии.

Во-вторых, уровень квалификации положительно влияет на высокие значения профильной занятости. Выпускники магистратуры практически на 40 % чаще закрепляются в выбранной профессиональной сфере. Для бакалавров характерно последующее возращение на профильные работы. Во многом это связано с осознанием и вынуж-

денной необходимостью повышать профессионально-квалификационный уровень через различные формы дополнительного обучения. Переход на двухуровневую систему подготовки, возможно, будет способствовать росту значений показателя «профильное трудоустройство» за счет увеличения числа обучающихся в магистратуре и закрепления в выбранном направлении, а также за счет реализации схем наращивания базового профессионального потенциала посредством дополнительной подготовки по смежным программам обучения (например, управление персоналом – юриспруденция).

В-третьих, схожие параметры экономического развития рассматриваемых регионов не позволили выявить значимых различий в распределении выпускников по типам профильного трудоустройства: получены практически равные оценки частоты непрофильной занятости. Несмотря на то, что выпускники г. Иркутска чаще трудоустраиваются по «чистому» типу профильной занятости, для выпускников г. Новосибирска характерна большая мобильность на рынке труда и закрепление в профессии через приобретение трудового опыта по иным видам деятельности. Во многом это объясняется региональными особенностями рынка и более ранним вхождением в трудовую среду выпускников новосибирских вузов.

В-четвертых, выявлена дифференциация значений показателя «непрофильное трудоустройство» по критерию «образовательное учреждение». Имеются вузы, большая часть выпускников которых не работали и не имеют намерений работать в дальнейшем по полученной в вузе специальности. По другим вузам частота непрофильных трудоустройств колеблется в диапазоне от «каждый третий» до «каждый четвертый» выпускник. Сложилась группа вузов, обеспечивающая высокие (более 50 %) суммарные значения частоты профильного и профильно-возвратного типов трудоустройства. В этих вузах большая часть студентов старших курсов совмещали учебу с работой с целью роста стоимости и конкурентоспособности величины трудового потенциала. В последующем даже в условиях трудоизбыточной конъюнктуры рынка труда им удалось найти работу по профилю полученной специальности. Есть вузы, чьи выпускники изначально чаще трудоустраиваются по специальности, а в последующем принимают решение о ее смене. Устойчивость такого решения и невозвратность в профессию подтверждается значительной долей выпускников этого вуза, дополнительно обучающихся в настоящее время по иным программам подготовки. Дифференциация вузов, ведущих подготовку по одинаковым направлениям, в обеспечении профильной занятости своих выпускников значима и служит основным информационным сигналом о связи получаемой профподготовки и меры ее востребованности на рынке.

Таблица 2. **Распределение типов трудоустройств в разрезе значимых критериев группировки**
Table 2. **Distribution of types of employment in the aspect of meaningful grouping criteria**

Критерии группировки		***Характеристика типов трудоустройства, % от числа выборов***			
		профильный	***профильно-возвратный***	***непрофильный с опытом работы по специальности***	***непрофильный***
Широта специализации	менеджмент	36,4	31,5	15,7	16,3
	управление персоналом (экономика труда)	34,0	17,9	12,3	35,8
Уровень квалификации	бакалавр	26,3	42,1	15,8	15,8
	специалист	33,2	16,6	10,7	39,5
	магистр	36,4	36,4	9,1	18,1
Регион	Новосибирск	34,5	25,9	14,7	24,8
	Иркутск	39,5	18,5	9,9	32,1
Образовательное учреждение	вуз 1	36,5	31,2	15,9	16,5
	вуз 2	38,5	24,6	14,6	22,3
	вуз 3	37,7	23,5	15,8	22,0
	вуз 4	34,1	17,6	6,6	41,8
	вуз 5	42,4	17,6	8,2	31,8
	вуз 6	27,5	13,0	23,2	36,2
	вуз 7	30,3	25,0	13,2	31,6
Год выпуска	до 2008	42,3	26,9	16,3	14,4
	2008	36,5	30,2	12,7	20,6
	2009	23,7	23,7	21,5	31,2
	2010	33,7	30,8	9,6	26,0
	2011	36,3	20,4	13,4	29,9
	2012	40,3	23,5	11,8	24,4
	2013	19,0	19,0	14,3	47,6
Пол	мужской	27,6	26,9	10,3	35,3
	женский	37,6	24,6	15,2	23,0

В-пятых, год выпуска также является значимым при анализе типов трудоустройства выпускников. Текущий рынок характеризуется крайней поляризацией и доминированием чистых типов трудоустройства. В более ранние периоды преобладали размытые типы трудоустройства, которые характеризовали большую подвижность выпускников и фиксировались низкие значения непрофильной занятости. Последствия экономического кризиса 2008 г. значительно изменили величину и структуру конъюнктуры профильного рынка труда: существенно сократилось число выпускников, работающих по специальности. После 2010 г. фиксируется положительная тенденция роста числа выпускников, занятых по профилю полученной подготовки. Трудовой путь практически каждого третьего выпускника имеет траекторию возвратного движения, подтверждаемую опытом работы по отличным от полученной подготовки профессиям. Можно предположить, что последствия кризиса 2008 г. в колебаниях конъюнктуры рынка труда имеют тенденцию снижения и работодатели возобновили найм специалистов по чистым типам занятости. И наконец, гендерные различия являются значимыми в обеспечении высоких значений показателя «профильное трудоустройство». Мужчины чаще заняты на непрофильных работах. Им свойственны большая закрепляемость и карьероориентированность в выбранном стартовом направлении.

Выводы. Таким образом, обосновывается необходимость детализации показателя трудоустройства выпускников вузов и выделения типов профильности трудоустройства по основанию «теснота связи с полученной профессиональной подготовкой». Предлагается к использованию четырехэлементая группировка типов трудоустройства: профильного, профильно-возвратного, непрофильного с опытом работы по специальности, непрофильного. Дополнены и углублены результаты исследований о распределении выпускников на рынке труда. Апробация методики позволила получить распределение выпускников по типам профильности трудоустройства и выявить значимые критерии, детерминирующие частоту профильной занятости. Использование методики позволяет выявить вектор траектории профессионального становления и закрепления на рынке, меру актуализации профессионального потенциала, сформированного в вузе, и устойчивость намерения выпускника продолжить работать по профессии. Определено влияние разных критериев группировки на частоту профильного трудоустройства.

Литература

1. Борисова А. А. Конкурентоспособность и профильная занятость выпускников вузов: вопросы теории и методологии: монография. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2015. 510 с.

2. Борисова А. А. Организация деятельности служб управления персоналом (российская практика): монография. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2012. 250 с.

3. Борисова А. А. Профильное трудоустройство: сущность, типы и методика диагностики // Вестник Омского университета. (Серия: Экономика). 2013. № 4. С. 53 – 58.

4. Гуртов В. А., Серова Л. М., Федорова Е. А. Трудоустройство выпускников: как обеспечить достоверность данных // Служба занятости. 2013. № 2. С. 72 – 77.

5. Комплексная методика мониторинга трудоустройства выпускников образовательных учреждений профессионального образования. Режим доступа: http://xn--h1aing.xn--p1ai/docs/metodiki/komplex_metodika.pdf (дата обращения: 17.06.2015).

6. Миляева Л. Г., Борисова О. В. Анализ конкурентоспособности выпускников высших учебных заведений: монография. Бийск: Изд-во АлтГТУ, 2009. 142 с.

7. Миляева Л. Г., Борисова О. В. Основные направления повышения конкурентоспособности выпускников вузов на рынке труда // Известия ИГЭА. 2009. № 5. С. 157 – 161.

8. Чернилевский Д., Моисеев В. Непрерывное образование. Второе высшее образование // Высшее образование в России. 2003. № 4. С. 22 – 26.

9. Эфендиев А. Г., Балабанова Е. С., Галицкий Е. Б. Результаты и проблемы подготовки современного специалиста сквозь призму карьерного роста выпускников-менеджеров // Вопросы образования. 2009. № 4. С. 133 – 152.

10. Bargain O., Orsini K., Peichl A. Comparing labor supply elasticities in Europe and the United States: new results // Journal of Human Resources. 2014. Vol. 49. № 3. P. 723 – 838. doi: 10.3368/jhr.49.3.723.

Информация об авторе:

Борисова Алена Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента Новосибирского государственного технического университета, a.borisova@corp.nstu.ru.

INSTRUMENTS OF DIAGNOSTICS OF PROFILE EMPLOYMENT OF GRADUATES: LIMITATIONS AND RESULTS

***Alena A. Borisova*[1, @1]**

Received 08.02.2016
Accepted 20.05.2016

[1] *Novosibirsk State Technical University*
[@1] *a.borisova@corp.nstu.ru*

Keywords:
graduate, higher education, university, employment, employment by profession, monitoring.

Abstract: The paper considers the way of theoretical and methodological research of solving the task of graduates' professional employment, also it describes the consequences of putting in practice the standards of assistance of professional employment for graduates. Prospects and restraints of using the diagnostic methods in the graduates' streaming are analyzed. The necessity of enlarging graduation employment's types is reasoned on the base of searching types introduction. New method of defining the types of graduates' employment is proved. The main criterion of this method's efficiency is "closeness to the sphere of education". According to the materials of regional researches, the author has grounds to suggest that the method can be made the part of the university's informational system. The results show the influence of the externals of the educational sphere (type of specialization, qualification level, region, type of educational institution, graduation year and gender) on the professional employment of higher school graduates.

For citation: Borisova A. A. Instrumenty diagnostiki profil'noi zaniatosti vypusknikov: ogranicheniia i rezul'taty ispol'zovaniia [Instruments of diagnostics of profile employment of graduates: limitations and results]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki – Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic sciences,* no. 1 (2016): 10 – 16.

References

1. Borisova A. A. *Konkurentosposobnost' i profil'naia zaniatost' vypusknikov vuzov: voprosy teorii i metodologii* [Competitiveness and profile employment of university graduates: questions of the theory and methodology]. Novosibirsk: Izd-vo NGTU, 2015, 510.
2. Borisova A. A. *Organizatsiia deiatel'nosti sluzhb upravleniia personalom (rossiiskaia praktika)* [Organization of activity of services of human resource management (Russian practice)]. Novosibirsk: Izd-vo NGTU, 2012, 250.
3. Borisova A. A. Profil'noe trudoustroistvo: sushchnost', tipy i metodika diagnostiki [Profile employment: essence, types and technique of diagnostics]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriia: Ekonomika – Herald Bulletin of Omsk University. (Series: Economics),* no. 4 (2013): 53 – 58.
4. Gurtov V. A., Serova L. M., Fedorova E. A. Trudoustroistvo vypusknikov: kak obespechit' dostovernost' dannykh [Employment of graduates: how to provide reliability of data]. *Sluzhba zaniatosti – Employment service*, no. 2 (2013): 72 – 77.
5. *Kompleksnaia metodika monitoringa trudoustroistva vypusknikov obrazovatel'nykh uchrezhdenii professional'nogo obrazovaniia* [Complex technique of monitoring of employment of graduates of educational institutions of professional education]. Available at: http://xn--h1aing.xn--p1ai/docs/metodiki/komplex_metodika.pdf (accessed 17.06.2015).
6. Miliaeva L. G., Borisova O. V. Analiz konkurentosposobnosti vypusknikov vysshikh uchebnykh zavedenii Analysis of competitiveness of graduates of higher educational institutions]. Biisk: Izd-vo AltGTU, 2009, 142.
7. Miliaeva L. G., Borisova O. V. Osnovnye napravleniia povysheniia konkurentosposobnosti vypusknikov vuzov na rynke truda [The main directions of increase of competitiveness of university graduates in labor market]. *Izvestiia IGEA – The Journal Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy,* no. 5 (2009): 157 – 161.
8. Chernilevskii D., Moiseev V. Nepreryvnoe obrazovanie. Vtoroe vysshee obrazovanie [Continuous education. Second higher education]. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia,* no. 4 (2003): 22 – 26.
9. Efendiev A. G., Balabanova E. S., Galitskii E. B. Rezul'taty i problemy podgotovki sovremennogo spetsialista skvoz' prizmu kar'ernogo rosta vypusknikov-menedzherov [Results and problems of training of the modern expert through a prism of career development of graduates managers]. *Voprosy obrazovaniia – Educational Studies,* no. 4 (2009): 133 – 152.
10. Bargain O., Orsini K., Peichl A. Comparing labor supply elasticities in Europe and the United States: new results. *Journal of Human Resources,* 49, no. 3 (2014): 723 – 838. doi: 10.3368/jhr.49.3.723.

УДК 316.7:316.014

БИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД В ИССЛЕДОВАНИИ ЛИЧНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЯ И АРХИТЕКТОНИКА

Л. Ю. Логунова[1, @]

Поступила в редакцию 10.02.2016
Принята к печати 23.05.2016

[1] *Кемеровский государственный университет*
[@] *vinsky888@ mail.ru*

Ключевые слова:
биографический метод, жизненные сценарии, гибридный методологический комплекс.

Аннотация: Биографический метод опирается на теории гуманистического направления. Он предполагает субъективизм в оценках фактов, социальный консалтинг, выход на высокий уровень обобщений. В исторической науке и литературоведении работа с биографиями – традиционный жанр. В социологии исследование биографий сформировалось в метод микросоциологической парадигмы с «мягким» анализом данных. Архитектоника метода – это пластичная конструкция из вариантов техник и методик. В статье подробно рассматривается авторская методика анализа жизненных сценариев. Эта техника в структуре комплекса методик биографического характера помогает респонденту осмыслить трагическую событийность своей жизни, сделать выбор по изменению сценариев. Такой выбор определяет успешное будущее респондента и его потомков. Выводы сделаны на основе опыта работы автора с биографическим методом в исследованиях судеб сибиряков и социального консалтинга с клиентами.

Для цитирования: Логунова Л. Ю. Биографический метод в исследовании личности: методология и архитектоника // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2016. № 1. С. 17 – 23.

Все начинается с дефицита. В современной социологической теории таким дефицитом является дефицит личности. Если уточнить, что все социальные науки начинаются с личности (независимо от того, признают это некоторые теоретические направления или отрицают), то метафора дефицита наполняется особо острым смыслом – дефицита гуманизма.

Традиционно вопросы анализа структур личности изучаются в русле микросоциологической традиции, которой интересен объект с точки зрения уникальности, возможности типизации уникальностей, вывода их на общетеоретические обобщения. Методологической основой становится интерпретативная парадигма, позволяющая включать в предметную область исследований аспекты жизни личности, трудно поддающиеся традиционному «жесткому» анализу – смыслы, ценности, социальный опыт, ментальные структуры, категории счастья и судьбы, проблемы идентичности – все то, без чего исследование личности становится препарированием функционального субстрата, живущего с единственной целью приношения пользы обществу. Микросоциология признает значимой неоднозначную сущность человека с ее индивидуальными противоречивыми внутренними интенциями. Смыслы личности становятся категорией анализа, ибо они дают ключ к пониманию поступков личности: смысл – это то, что личность будет защищать.

В свете «кризисного поворота» гуманитарной науки переосмысливается категория «жизни» человека как «жизни душевной», полной переживаний и опыта миросозерцания в конкретно-исторической специфике. Внутренняя жизнь понимается как жизнь духа в ее органической целостности. Изучение личности наполняется качественно другими исследовательскими характеристиками.

В русской социологии задолго до открытия уникальных приемов феноменологического анализа П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский обосновали «субъективный метод». Это способ изучения социальной реальности, который предполагает субъективное понимание и истолкование мира, учитывает степень влияния субъективного на объективное. Основной приём субъективного метода – «позиционный обмен» – требует мысленного вхождения в жизнь и судьбу наблюдаемого объекта. Это означает, что исследователь встает на место «страждущих», делает чужие мысли и чувства исходным материалом для своих теоретических выводов.

П. Л. Лавров обосновал право ученого на субъективную нравственную оценку фактов. «Все … судят об истории субъективно, по своему взгляду на нравственные идеалы, да иначе и судить не могут» [10]. Русские мыслители призывали признать, что «чисто «теоретическое» (безоценочное) восприятие человека и его деятельности не дает … материала, который наличествует в социальных фактах» [8, с. 357]. Субъективный метод, по мнению Н. К. Михайловского, помогает достигнуть «правду-справедливость», если субъект познания сольется с объектом, «переживет его жизнь, перемыслит его мысль, перестрадает его страдания, переплачет его слезами». Однако это не означает, что теоретические выводы социолог может обосновывать лишь на личном мнении. «Сочувственный опыт» есть важный компонент исследования, но «условием достоверности получаемых в результате исследования мнений является … тщательная проверка их эмпирического содержания и отыскание их источников» [13, с. 132].

Начиная с Дж. Морено, в трудах которого очевидна перекличка с идеями субъективной школы русской социологии, осмысление личности как объекта исследования

изменяется радикально. Социолог – не отстраненный наблюдатель, но переживающий участник общения, понимающий консультант, экспериментатор. Дж. Морено создал оригинальную концепцию исследования личности и консалтинга – триаду социометрии, психодрамы и групповой терапии, предполагающую качественно-количественную комбинацию методов и техник. «Мера общения» основана на балансе качественных (социометрические критерии выборов) и количественных характеристик (мера реальности «качества», выраженная в количестве выборов членов группы).

В социологии принято обоснование репрезентативности выборки с помощью объективных критериев: возраст, пол, профессия, доход, образование. Но эти качества не пересекаются с качествами реальности общения людей. Поэтому для обоснования репрезентативности социального пространства Дж. Морено предлагает критерии щедрости, добродушия, привлекательности, упрямства и т. п. – характеристик измерения общения. Результат измерения – социограмма, которая, в свою очередь, становится материалом для психодрамы. Результаты психодрамы и групповой терапии оцениваются социометрически. В этом смысле метод Дж. Морено наряду с исключительными качественными характеристиками приобретает возможности проверки данных жестким количественным анализом.

Количественные проблемы качественной методологии основаны на категории, не поддающейся измерению – понимании. Однако понимание в исследовании личности становится собственно методом и основой фундамента теоретических конструкций. Данный метод объединяет совокупность приемов: интроспекция (самонаблюдение), сопереживание (эмпатия, вчувствование). По мнению В. Дильтея, любое осмысление, «уразумение» – это уникальное «переживание», придающее смысл («значение») содержанию [6, с. 129 – 143]. Эту идею существенно переработали М. Вебер, Г. Зиммель, полагая, что без понимания событие безотносительно, неквалифицируемо, неразличимо. Понимание как метод ставит проблему права субъективно значимого смысла на объективность существования. Из этого следует, что для личности нет «правильных» или «ложных смыслов». Есть смыслы значимые и пустые. Задача понимания: определить происхождение смысла и спроектировать последствия защиты данного смысла в поведении личности. Понимание дает возможность выхода на позиции экзистенциального и смыслового анализа проблем личности.

Итак, выделим основания для методологических позиций исследования личности: понимание, опора на интерпретативную парадигму, качественно-количественный анализ данных, возможность консалтинга. Многоаспектность жизни личности предполагает поиск адекватной комбинации методов. Методологическое решение задачи – создание гибридных комплексов, обладающих методической пластичностью на основе комбинаций спектра современных методик. Составим методическую конструкцию анализа личности, в которой возможны вариации применения техник биографического метода в зависимости от выбора предмета исследования.

Основа теоретических построений исследования – категория жизненного опыта. По мнению В. Дильтея, жизненный опыт есть «совокупность процессов, в ходе которых мы подвергаем испытанию жизненные ценности и ценности вещей» [7, с. 61]. Это связующая категория, позволяющая «преодолеть разрыв внутреннего и внешнего, уникального и типичного, субъективного и объективного, «жизненно-душевного и духовно-культурного» [5, с. 55]. Для изучения внешних структур жизни личности применимы методы понимания (М. Вебер, Г. Зиммель), идеальных типов (М. Вебер), типизации (В. Томас, Ф. Знанецкий) в качестве форм теоретических конструкций для построения концептуальной схемы и теоретических выводов.

Фактографическая основа оформляется с помощью биографического метода, включающего комплекс вариативных техник и процедур. Массив эмпирических данных формируется из нарративных интервью и «документов жизни». По мнению Ф. Знанецкого, в этом материале заключен социальный опыт личностей и групп, отражены «конкретно-личностные, «чейные факты», которые «являются объектами переживаний, ощущений или деятельности, мыслительных или практических действий членов … социальных групп» [9, с. 106]. По сути, объектом анализа становится все человеческое. Сама жизнь – это документ, ее можно исследовать как социокультурный текст. Элементами анализа такого «текста» становится личность респондента во всех деталях его социального окружения и продуктах деятельности (творчество, профессиональная, досуговая деятельность, артефакты, личные вещи, предметы быта, награды), условия и места проживания, материалы семейных архивов (визуального и нарративного характера). Контент-анализу может быть подвергнуто литературное, эпистолярное наследие (дневники, письма, записные книжки, альбомы), в котором сохранены следы личного отношения респондента к социальному окружению.

Работа с биографиями – методическая процедура в литературоведческом или историческом ключе. Биографический метод в контексте исследования личности определяет понимание мира человека как территории уникального опыта, повторяющего себя в вариантах типов.

По происхождению биографический метод является историческим. Биографический жанр оформился в виде «описаний» жизни людей с отступлениями на размышления по поводу их духовных исканий, заблуждений, переплетенных с народными приметами и анекдотами. В древнем Китае история понималась как совокупность индивидуальных биографий. Плутарх, Гай Светоний Транквилл в «жизнеописаниях» показали возможности сравнительного анализа жизней выдающихся личностей. В Византии просвещенная принцесса Анна сочинила грандиозное жизнеописание ее отца императора Алексея I Комнина («Алексиада», XI в.). Английский философ Т. Карлейль (1795 – 1881) обосновал, что всемирная история есть биография великих людей («Герои и героическое в истории», 1840). В XIX в., благодаря стараниям школы «Анналов», сложился вид исторического повествования – «биографическая история». В российской исторической науке биографический метод применяли С. Н. Булгаков, М. О. Гершензон, А. Я. Гуревич. Ретроспективность, реконструкция, опора на источники делают его похожим на историческое исследование.

В литературоведении биографический жанр основан на синтезе техник объяснения и понимания. Актуальность жанра подтверждается фактом присуждения Нобелевской премии за 2014 г. в области литературы Патрику Модиано за серию биографических историй французов во времена Второй мировой войны («Площадь звезды», 1968 г., «Улица темных лавок», 1978 г.). Нобелевский комитет заявил,

что премию П. Модиано получил за «искусство памяти», позволившее ему в своих романах постичь судьбы людей и описать жизнь в условиях оккупации.

В биографических исследованиях сегодня оформились два направления: психобиографический подход (психоаназ) и герменевтический подход (понимание).

Развитие психоанализа (З. Фрейд), персонализма (В. Штерна), «понимающей» и гуманистической психологии (К. Роджерс, В. Франкл) требовали нового подхода к изучению личности. Основу терапевтических практик составляли исследования истории жизненной ситуации, основанные на биографических реконструкциях. Психоанализ носил все признаки генетизма и развивался как наука о биографии. Гуманистическую психологию глубокими философскими обобщениями о жизненном пути человека обогатила Ш. Бюлер («Жизненный путь личности как психологическая проблема», 1933 г.) Она практически одновременно с У. Томасом и Ф. Знанецки («Польский крестьянин в Европе и в Америке», 1918 – 1920 гг.) применила анализ биографических материалов с описанием методик анализа биографий, техник количественной обработки данных, полученных из анализа юношеских дневников. Ей можно приписать авторство использования собственно биографического метода, примененного в исследованиях жизненного пути личности. Комплексное биографическое исследование включало три аспекта: биолого-биографический (условия жизни, событийность, поведенческие особенности); историко-психологический (история становления ценностной системы, переживаний и чувств); психолого-социальный (история творчества).

В России разработка метода исследования биографий велась одновременно с европейскими исследованиями жизненного пути личности Н. А. Рыбниковым («Биографический метод», 1918 г.; «Психология и изучение биографий», 1929 г.). Это укладывалось в русскую классическую традицию гуманитарных знаний. Однако марксистская позиция скорректировала его научные взгляды: Н. А. Рыбников преувеличивает роль социального происхождения, материальных условий, событий общественной жизни. Б. Г. Ананьев обосновал принцип генетизма в применении биографического метода и практически заложил основы нового подхода в системе человекознания. Под его руководством в 1965 г. проводились комплексные исследования, в которых биографический метод был использован как средство изучения индивидуальности студентов в их развитии [1, с. 283 – 284]. Б. Г. Ананьев наметил контуры операциональной стороны биографического метода: источниковедческий анализ, биографическая анкета, интервью, контент-анализ личных документов. В дальнейшем исследованиями биографий в качестве вспомогательной методики в психологии занимались Н. М. Владимирова Н. В. Логинова [11].

Самодостаточным исследовательским конструктом биографический метод оформился в социологической науке. Логика развития гуманитарных знаний требовала перевода языка науки с абстракций на конкретизацию, основанную на участвующем внимании к человеку. Героем науки стал человек переживающий, чувствующий.

Микроаналитическая составляющая заключается в особом взгляде на этого героя. Изучаются не бесконечные перипетии жизненных инвариаций, но собственно человеческое, проявляющееся в типизированных жизненных стратегиях и повседневных практиках. Человек становится точкой пересечения систем культуры и структур общества, с которыми связана его жизнь. В результате главное действующее лицо в науке – не историк или социолог с его теоретизированием, «объективностью», идеологической адекватностью, но человек с субъективным восприятием жизни. Биография становится эмпирической основой исследования, приобретая категориальные характеристики: миллионами биографий написана история, которую трудно понять без конкретных биографии свидетелей и участников исторически событий.

В социологии биографический метод понимается как один из ведущих методов качественных исследований, в основе которого лежат теории интерпретативной парадигмы, в обработке эмпирического материала активно используются техники «мягкого анализа» и герменевтики. Исследователь социологии судьбы Ю. М. Беспалова считает, что биография может стать основой для изучения способов «проживания» людьми тех или иных социально-культурных ситуаций, жизненных событий, индивидуальных кризисов, поворотных моментов, а также отдельных этапов или событий жизни. Такой подход позволяет исследовать стили жизни различных людей, их жизненные стратегии и правила поведения [3].

Специфика архитектоники метода в том, что в центр исследовательских техник помещается человек, реконструирующий свою биографию, которая есть социальный факт независимо от степени истинности изложения. Конечный результат применения метода заключается в осмыслении социокультурных характеристик исторической ситуации, которая повлияла на биографию. Вектор направленности социологического анализа: от смысла человека – к человеческому осмыслению. Вектор построения гипотез и теорий: от частного факта – к интерсубъективным обобщениям высокого уровня.

Биографический метод – пластичная методическая конструкция, предполагающая применение разных методик и техник в инвариантной комбинаторике, с разными модификациями и процедурными особенностями.

Биографическое интервью – основная техника, вид неофициального нарратива, в котором тематические блоки соответствуют последовательности жизненных циклов индивида: «детство», «юность», «учеба», «женитьба», «дети» и т. д. Исследуется сфера эмоционального и социального опыта, переживания, отношение к событиям, самоанализ, идентичность.

Автобиография – ряд действий и событий, объединенных единым смыслом. Это редкая техника, результат применения которой – литературно оформленное размышление индивида о своей жизни. Человек может постараться выглядеть лучше, расставляя акценты, выбирая факты для событийного повествования. Анализу подвергается самооценка личности в качестве истинного и глубоко внутреннего содержания. Работа с поиском фактов истинности-ложности изложения становится дополнительной методической процедурой с отдельным комплексом методов триангуляции.

История жизни может включать несколько техник, дополняющих интервью или автобиографический текст (анализ документов, мемуаристики, официальных нарративов), связанных с исследуемой историей. В центре внимания социолога оказывается документальное или устное описание событий. Героем таких исследований может быть и выдающаяся личность, и заурядный человек.

Биограмма предусматривает применение типологизации: отдельные биографии объединяются и сопоставляются с биографиями других членов той же социальной общности. В результате складывается картина мира представителей общности, свидетельствующих об историческом событии.

Восстановление истории семьи (ВИС) – метод социальных генеалогий в комментариях и сравнениях. Это комплекс методик в комбинации с биографическим интервью. Дополнительно используется анализ документов из семейных архивов, построение генеалогических таблиц или геносоциограмм [12, с. 26 – 34]. Этот метод позволяет понять причины действий, которые человек совершает с целью сохранения устойчивости семейных позиций и целостности сферы жизни семьи. В центре внимания – изучение жизненного опыта представителей разных поколений, интерпретация смыслов, которыми люди наполняют повседневные действия. В исследовании принимают участие несколько поколений родственников, учитываются сведения, полученные из рассказов разных членов семьи. Их сопоставление позволяет выявить исторические неточности и «умолчания», «ошибки памяти».

Каузометрия – метод субъективного осмысления картины жизненного пути. С помощью каузометрии возможно изучение прошлого и предполагаемого будущего личности. Основная методика – интервью. Воспоминания о биографических событиях комбинируются с оценочными суждениями респондента о причинных соотношениях этих событий, их темпоральной привязке. Анализу подвергается оценка «локализации личного временного центра», степень эмоциональной привлекательности событий, их удаленность в прошлое и будущее, их личная и общественная значимость. На основании полученных данных вычерчивается каузограмма – график событий и структуры связей между ними. Каузометрия дает возможность увидеть особенности стиля жизни респондента, степень удовлетворенности своей жизнью во всех временных ипостасях, включая надежды и планы на будущее [4].

Анализ жизненных сценариев – поиск программ судьбы, устойчивых, повторяющихся сюжетов, ключевых событий в жизни личности. Техника основана на принципах экзистенциального анализа (В. Э. Франкл). Эта техника выделилась в отдельную процедурную составляющую биографического метода в результате работы с биографиями респондентов, на основании опыта консультативной помощи клиентам, работы с методом ВИС. Жизненные сценарии мы определили как неосознанные модели поведения, записанные в родственном «генетическом коде» человека. Это абрис судьбы человека, написанный его предками и навязанный ему к исполнению: сценарии склоняют человека к определенным (запрограммированным) действиям в типичных ситуациях. При этом сами ситуации не спонтанны. Анализ семейных геносоциограмм показал, что они как будто бы предопределены: возникают на определенных этапах жизни и повторяются в последующих поколениях.

Опыт работы с биографическим методом показал, что в жизни человека, как правило, не более 4 – 5 ключевых закольцованных событий, которые повторяются на протяжении всей жизни, создавая критические ситуации с разными актуальными темами: «отношения между партнерами», «деньги», «здоровье», «отношение между поколениями». Однако принудительным жизненный сценарий бывает до того момента, пока не осознан человеком.

Механизм формирования сценариев включается в кризисные моменты жизни. Они суть референтные точки, закрепленные эмоциями. В жизненных сценариях такими точками являются неприятности и трудности, провоцирующие выброс негативных эмоций (досада, разочарование, гнев, печаль). Не сознавая ценность опыта переживания кризисной событийности, оставляя его без молитвы и чувств благодарности, человек живет дальше. Но энергетически сильное эмоциональное пятно не стирается с ткани жизни, превращаясь в судьбу: ситуация начинает настойчиво повторяться («второй раз наступил на грабли») с каждым разом в более жесткой форме, вызывая еще более сильные эмоции. Время переживания кризиса увеличивается, негативные эмоции блокируют развитие вариантов позитивной событийности, о которых человек мечтает. Он вынужден следовать «злой судьбе», принимая ее удары снова и снова, игнорируя возможность «учиться на своих ошибках». Энергетика страданий и разочарований более сильная и обладает более высокой способностью закрепляться в линиях поведения людей. Так в жизни человека закрепляется набор неприятных ситуаций и связанных с ними сценариев.

Трагизм такой сценарийной модальности заключается в том, что после смерти человека негативная энергетика не исчезает, а переходит «по наследству» потомкам. Самый трагический для потомков вариант сюжета – самоубийство предка, не выдержавшего напора судьбы. Глыба семейной трагедии обрушивается на потомка не только социальным осуждением поступка («грех самоубийства»), но и ментальным принуждением решать проблему безответственного предка. Кроме этической неоднозначности такого поступка, очевидно его мощное влияние на судьбы родственников, как правило, негативного характера.

Итак, стресс предка буквально впечатывается в судьбу его детей и внуков. Этот процесс сопровождается созданием «генетического кода», который еще до рождения определяет бо́льшую часть перспектив жизни человека и основные модели поведения. Потомки, актуализируя генетическую информацию, начинают закреплять этот выбор в своих судьбах, испытывая еще более опасную эмоцию: неосознанный страх перед будущим, блокирующий любую инициативу («все равно у меня ничего не получится», «от судьбы не уйдешь»). Опыт неприятной жизненной ситуации определяет страх человека перед повторением похожей ситуации и стремление в дальнейшем избежать неприятности. Человек начинает невольно создавать то, чего больше всего не хочет; мысли о неприятностях он старается изгнать из своего сознания и этим невольно закрепляет реализацию неудач в будущем.

Генетически «испуганный» человек становится проблемой для окружающих. Страх является причиной желания контролировать мир, в котором человек сам создает себе жизненные ситуации. Опасность и бессмысленность контроля ситуации заключается в неспособности изменить собственную жизнь, но в стремлении внести коррективы в жизни окружающих. Это ведет к дальнейшей блокировке в осмыслении собственной роли в бытовании сценариев жизни, дальнейшие неудачи в повторяющихся событиях. Человек становится агрессивным. Агрессия, направленная вовне ведет к социальной изоляции. Воспитанные люди стараются подавить агрессию и направляют ее вовнутрь,

разрушая себя, приобретая заболевания, передаваемые далее потомкам в качестве наследственных.

Человек устроен так, что ему хорошо, когда ему плохо. В повседневной рутине он может жаловаться на судьбу, но ничего не делать с целью ее изменения. Он не решает проблему внутренним осознанным пережиганием негативных эмоций в позитивные (любовь, благодарность, радость за ценность полученного опыта). Он вырабатывает поведенческие практики-клише для смягчения боли от неприятностей. Как ни странно, люди находят успокоение в таких затертых клише, тренируя свое сознание на иллюзию контроля, практически, на воплощение теории «винтика» в маховом колесе жизненного сценария поколений. В реальности человек проигрывает стандартные социальные роли, в которых консервирует набор удачных поведенческих практик, уничтожая собственные способности к спонтанности, социальному творчеству. Глядя на жизнь окружающих, он радуется, что «живет, как все», или гордится, что «у него еще не все так плохо, как у соседа». Так рождается социальная отчужденность от перспектив и возможностей, которые предоставляет ему жизнь. Это специфическая форма «внутренней эмиграции», характеризующаяся бегством в отдаленные уголки своей души, манерами поведения вынужденного конформиста. Парадокс состоит в том, что при воспроизведении социально-ролевого поведения в рамках своего жизненного сценария энергия для социальной инициативы высвобождается, но тратится не на спонтанность и социальное творчество, а на преумножение контроля ситуации и социального окружения.

Сценарии могут быть банальными, уникальными, героическими. Разница лишь в том, что в рамках рутинных сценариев люди решают жизненные проблемы типичными способами, в уникальных и героических сценариях находят оригинальные варианты решений. Степень успешности и небанальности определяет уровень потенциала личности, отражается на высоте социального статуса, положении в обществе. Потомок отвечает своей судьбой за жизненные успехи или неудачи предка.

Выбор небанальности может сделать любой из членов рода, переписывая неуспешный сценарий, отказываясь от неприятной событийности, проживая и предлагая новый сценарий для своих потомков. Механизм основан на сознательном приучении себя к благодарности (вспомним традицию благодарственных молитв у наших предков) за счастливые моменты жизни. Приобретение привычки благодарности закрепляет позитивные эмоции: минуты удачи осознаются позитивными жизненными рубежами, фиксируются сознанием в виде благодарственных молитв. Идет накопление позитивной эмоциональной энергетики, которая «пережигает» чувства страха перед неудачами в любовь и благодарность, открывает возможности для спонтанности, вырабатывает у личности важные социальные качества: ситуативность, эмпатию. Осмысливая жизненный сценарий, человек может воспользоваться правом выбора собственного курса жизни и остановить череду неприятной событийности, доставшейся в наследство от предков. Он волен написать собственный сценарий, который можно предложить потомкам. Это требует мужества, напряжения душевных сил. Поэтому не каждый человек такой выбор способен сделать. Легче умирать в душевных и физических страданиях, в окружении ложных чувств жалости и сочувствия, чем радикально изменить внутренние установки на сопротивление навязанным ему и его детям неудачам и болезням. Это экзистенциальный смысл, который он будет защищать ценой будущих неудач своих потомков. Отказ от этого смысла означает внутреннюю духовную и ментальную революцию, на которую не все готовы пойти. Нет хороших или плохих выборов. Человек всегда прав в своей биографической ситуации. Любой выбор человека достоит уважения. Его нельзя насильно вести к удаче, если в своих страданиях он видит важный смысл.

Итак, рефлексия, готовность к спонтанности, использование права выбора судьбы лежат в основе формирования стратегий благополучного будущего. В основе таких стратегий – осмысление личных трудностей в качестве пережитого и прочувствованного социального опыта – аксиомы, не подлежащей сомнению. «Жизнь конкретного человека становится биографическим решением системных противоречий» [2, с. 8].

Выход на теоретические осмысления в работе с биографическим методом позволяет применить метод типизации. Это инструмент объяснения, почему жизнь не может быть бесконечно инвариантной. Анализ судеб и биографий позволяет увидеть событийные узлы жизненных сценариев, определить «идеальные типы» стратегий и поведенческих практик. Инвариантность таких сценариев ограничена самой жизнью, но чем больше разнообразия практик – тем богаче жизнь.

Применение биографического метода в процессе исследования личности логически приводит к социальному консалтингу. Общение с социологом позволяет реконструировать жизненные сценарии, показать человеку источник его неудач, помочь осознать ему смыслы своих сценариев и принять решение о дальнейшей стратегии: следовать ли им в рутинном режиме, передавая детям, или взять на себя ответственность и прекратить циклы семейных неприятностей, создавая новые сценарии жизни.

Сегодня идет поиск методического оснащения, которое позволит сочетать гуманистические традиции в исследовании личности и постулаты научности. Микросоциологию интересуют инструментальные характеристики взаимодействий с точки зрения понимания смыслов, основанных на жизненном опыте человека в структуре повседневности. Принцип «понимания» является фундаментальным в современной неклассической социологии. Биографический метод становится одним из опорных методов микроанализа. Разнообразие методик, гибкость методической структуры делает этот метод актуальным для изучения внутриличностных смыслов, объясняющих поведение человека и выбор его жизненных стратегий.

Литература

1. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М., 1977. 380 с.

2. Бауман З. Рассказанные жизни и прожитые истории // Социс. 2004. № 1. С. 5 – 13.

3. Беспалова Ю. М. Биографические исследования в социологии культуры // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2004. № 4. С. 21 – 33. Режим доступа: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/bespalova_bio_studies.html

4. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. М., 2008. 272 с.

5. Давыдов Ю. Н. Вильгельм Дильтей: иррациональность переживания и новые принципы наук о духе. Эстетизация социального знания / История теоретической социологии. Начало XX века. Первый общетеоретический кризис социологии. М., 2010. 526 с.

6. Дильтей В. Категории жизни / Структура исторического мира в науках о духе; пер. с нем. А. П. Огурцова // Вопросы философии. 1995. № 10. С. 129 – 143

7. Дильтей В. Сущность философии [пер. с нем.]. М., 2011. 144 с.

8. Зеньковский В. История русской философии. М., 2001. 880 с.

9. Знанецкий Ф. Мемуары как объект исследования // Социс. 1989. № 1. С. 106 – 110.

10. Лавров П. Л. Исторические письма. СПб.: Русское Богатство. 1905. Режим доступа: http://www.revkom.com/biblioteka/utopiya/lavrov/lavrov.htm

11. Логинова Н. А. Биографический метод в свете идей Б. Г. Ананьева // Вопросы психологии. 1986. № 5. С. 106.

12. Логунова Л. Ю. Семейно-родовая память: социокультурный и региональный контекст: монография. Кемерово, 2007. 393 с.

13. Михайловский Н. К. Герои и толпа. Избранные труды по социологии. СПб., 1998. Т. 1. 388 с.

Информация об авторе:

Логунова Лариса Юрьевна – доктор философских наук, кандидат социологических наук, профессор кафедры социологических наук Кемеровского государственного университета, vinsky888@ mail.ru.

BIOGRAPHICAL METHOD IN THE STUDY OF PERSONALITY: METHODOLOGY AND ARCHITECTONICS

Larisa Yu. Logunova [1, @]

Received 10.02.2016
Accepted 23.05.2016

[1] *Kemerovo State University*
[@] *vinsky888@ mail.ru*

Keywords:
biographical method, life scenarios, hybrid methodological complex.

Abstract: Biographical method is based on the theory of humanistic direction. It involves subjective assessments of facts, social consulting, access to a high level of generalization. In historical science and literary work with biographies it is a traditional genre. In sociology, the study of biographies was formed in the method of the microsociological paradigm of “soft” data analysis. The architectonic of method consists in a flexible construction of chosen techniques and procedures. The paper details the author’s method of analyzing life scenarios. This technique in the structure of the complex biographical techniques helps the respondent understand the tragic eventfulness of their life, to make a choice to change the script. This choice determines the future success of the respondent and their descendants. The conclusions are drawn on the basis of the author’s using the biographical method in studies of the fate of the Siberians and social consulting with clients.

For citation: Logunova L. Yu. Biograficheskii metod v issledovanii lichnosti: metodologiia i arkhitektonika [Biographical methodin the studyof personality: methodology andarchitectonics]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki – Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic sciences*, no. 1 (2016): 17 – 23.

References

1. Anan'ev B. G. *O problemakh sovremennogo chelovekoznaniia* [About problems of a modern chelovekoznaniye]. Moscow, 1977, 380.

2. Bauman Z. Rasskazannye zhizni i prozhitye istorii [Lives told and histories lived]. *Sotsis – Sociological Studies*, no. 1 (2004): 5 – 13.

3. Bespalova Iu. M. Biograficheskie issledovaniia v sotsiologii kul'tury [Biograptical research in sosiology of culture]. *Vestnik Tiumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniia – Herald of Tyumen state University. Socioeconomic and Legal Research*, no. 4 (2004): 21 – 33. Available at: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/bespalova_bio_studies.html

4. Golovakha E. I., Kronik A. A. *Psikhologicheskoe vremia lichnosti* [Psychological time of the personality]. Moscow, 2008, 272.

5. Davydov Iu. N. *Vil'gel'm Dil'tei: irratsional'nost' perezhivaniia i novye printsipy nauk o dukhe. Estetizatsiia sotsial'nogo znaniia / Istoriia teoreticheskoi sotsiologii. Nachalo XX veka. Pervyi obshcheteoreticheskii krizis sotsiologii* [Wilhelm Dilthey: irrationality of experience and the new principles of sciences about spirit. Estetizatsiia of social knowledge / History of theoretical sociology. The beginning of the twentieth century. The first theoretical crisis of sociology]. Moscow, 2010, 526.

6. Dilthey W. Kategorii zhizni / Struktura istoricheskogo mira v naukakh o dukhe [Categories of life / The structure of the historical world in the Sciences of the spirit]. Transl. Ogurtsov A. P. *Voprosy filosofii – The problems of philosophy*, no. 10 (1995): 129 – 143.

7. Dilthey W. *Sushchnost' filosofii* [Essence of philosophy]. Moscow, 2011, 144.

8. Zen'kovskii V. *Istoriia russkoi filosofii* [History of the Russian philosophy]. Moscow, 2001, 880.

9. Znanetskii F. Memuary kak ob"ekt issledovaniia [Memoirs as object of research]. *Sotsis – Sociological Studies*, no. 1 (1989): 106 – 110.

10. Lavrov P. L. *Istoricheskie pis'ma* [Historical letters.]. Saint-Petersburg: Russkoe Bogatstvo, 1905. Available at: http://www.revkom.com/biblioteka/utopiya/lavrov/lavrov.htm

11. Loginova N. A. Biograficheskii metod v svete idei B. G. Anan'eva [Biographic method in the light of B. G. Ananyev's ideas]. *Voprosy psikhologii – Voprosy Psychologii*, no. 5 (1986): 106.

12. Logunova L. Iu. *Semeino-rodovaia pamiat': sotsiokul'turnyi i regional'nyi kontekst* [Family and patrimonial memory: sociocultural and regional context]. Kemerovo, 2007, 393.

13. Mikhailovskii N. K. *Geroi i tolpa. Izbrannye trudy po sotsiologii* [Heroes and crowd. The chosen works on sociology]. Saint-Petersburg, vol. 1 (1998): 388.

УДК 316.33:32

СОЦИАЛЬНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ЛОКАЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ: ОПЫТ КУЗБАССА

***С. Г. Четошников*[1, @]**

Поступила в редакцию 16.02.2016
Принята к печати 24.05.2016

[1] *Кемеровский государственный университет*
[@] sa-light@yandex.ru

Ключевые слова:
политика региональная, политика социальная, программа государственная, развитие социальное, территории локальные.

Аннотация: В статье рассматриваются особенности региональной политики как комплекса мероприятий, ориентированных на поддержку территорий. Основной акцент делается на социальной направленности региональной политики в отношении локальных территорий. В качестве примера рассматривается реализация региональной политики в Кемеровской области. В статье обращается внимание на такие механизмы региональной политики, как программные методы поддержки территорий и использование профессиональных праздников для развития социальной сферы и инфраструктуры локальных территорий Кузбасса.

Для цитирования: Четошников С. Г. Социальная направленность региональной политики в отношении локальных территорий: опыт Кузбасса // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2016. № 1. С. 23 – 29.

В настоящее время в большинстве публикаций региональная политика рассматривается преимущественно как политика, проводимая Центром в отношении регионов. Однако условия жизни населения в регионах определяются не только федеральными стратегиями развития и политикой Центра, но и политикой региональных властей, а также спецификой местного развития. Поэтому региональная политика может рассматриваться как политика региона в отношении территорий, составляющих его. В данном качестве региональная политика – это использование властных механизмов в решении проблем обустройства территорий, решении задач социального и политического развития населения, а также поддержания сбалансированности социально-экономических и политических отношений в регионе.

Необходимость проведения региональной политики в первую очередь обусловлена межтерриториальными диспропорциями в развитии конкретного социального пространства. Источниками данных диспропорций являются особенности социально-экономического развития территорий и региона в целом, система расселения на территории, территориальная неравномерность распределения природных ресурсов, жизненных удобств для человека. Реализация мероприятий региональной политики представляется важной для преодоления кризисного и/или депрессивного состояния отдельных локальных территорий.

В большинстве публикаций подчеркивается социально-экономическая направленность региональной политики. Основной акцент делается на обеспечении экономического развития территорий, создании рабочих мест, защите окружающей среды, решении проблем занятости и безработицы. Однако региональная политика имеет ярко выраженную социальную направленность. Ее значимость обусловлена воздействием на условия жизни конкретных людей, населения территорий, ориентацией на решение социально значимых проблем.

Социальная направленность региональной политики в отношении локальных территорий способствует формированию адаптивных условий, которые направлены на снижение негативных воздействий «внешней среды»,

а также обеспечивают преодоление возможных отставаний в социальном развитии.

По-нашему мнению, основные задачи региональной политики в отношении локальных территорий сводятся к следующему:

– развитие учреждений социальной сферы локализованных территорий;

– обеспечение инфраструктурного развития территорий;

– сокращение внутрирегиональных (межтерриториальных) диспропорций в социально-экономическом развитии;

– повышение уровня и качества жизни населения, сокращение различий между городом и селом по уровню развития инфраструктуры;

– оптимизация системы расселения в регионе, поддержание и сохранение существующей сети поселений.

Региональная политика, являясь инструментом социального развития территорий, предполагает изменение социальных практик и отношений, которые обеспечивают жизнь и деятельность населения [18, с. 17]. Фокус региональной политики ориентирован на сглаживание резкой социальной дифференциации, выравнивание условий жизни населения, обеспечение доступа людей к культурным благам и социальной инфраструктуре, поддержание и улучшение системы жизнеобеспечения территорий, системы коммуникаций и социальных связей, преодоление депрессивного состояния маргинальных территорий. В данном контексте назначением региональной политики является обеспечение жизненно важных интересов населения территорий. Реализация социальной составляющей региональной политики представляет собой систему мер, предпринимаемых для целенаправленного осуществления дифференцированных жизненно важных интересов людей, проживающих на разных территориях, как субсидиарный (вспомогательный) рычаг сохранения стабильности и интегративности общества.

Социально ориентированная региональная политика, проводимая в интересах локальных территорий, должна быть направлена на реализацию принципа социальной справедливости. Это особенно актуально, когда социальные противоречия и контрасты местного развития, разрыв в возможностях и ресурсах территорий порождают стремление к нелегитимным формам регулирования (например, частные интересы, риски и ожидания населения на территории).

Региональная социальная политика представляет собой обеспечение государством (в том числе и на региональном уровне), его институтами социальных прав человека независимо от мест его проживания. В их числе состоят право на труд и его достойную оплату, на образование, на охрану здоровья, на здоровую окружающую среду, на социальное обеспечение и социальное обслуживание, на поддержку семьи, материнства, отцовства и детства, на интеграцию инвалидов в общество [16, с. 57].

Российская специфика региональной социальной политики связана с особенностями модели социальной политики, к которым, в частности, относятся сравнительно высокая доля государственного регулирования и финансирования системы социальной защиты и учреждений социальной сферы, низкая доля привлечения финансовых средств частных коммерческих структур, участвующих в региональных проектах социальной направленности.

Региональная политика ориентирована на качественное изменение локальных территорий. С позиции социальной значимости региональная политика должна быть ориентирована на изменение качества человеческого капитала (например, создание условий для развития систем образования, здравоохранения, культуры). Кроме того, региональная политика должна быть нацелена на обеспечение внутренней связанности территории региона. Инфраструктурное развитие должно обеспечивать транспортную доступность крупных административных и экономических центров региона и пр.

Региональная политика может быть сфокусирована вокруг следующих узловых проблем территорий.

– Депрессивность и маргинальность. Проявляются в оттоке трудоспособного и наиболее дееспособного населения в «перспективные» территории, а также в экономической несостоятельности населенных мест и заметном снижении уровня социальной организации населения.

– Периферийность. Данная проблема может совмещаться с маргинальностью и депрессивностью. Она может быть обусловлена оторванностью территорий от образцов «нормального» развития и слабостью коммуникаций с урбанизированными зонами.

– Дисфункциональность территорий, связанная со снижением значимости ранее сформированных функций и переносом этих функций в другие территориальные образования.

Разновидностью региональной и муниципальной политики на низовом поселенческом уровне является микрополитика. Она характеризуется самодеятельностью населения, инициативами местных сообществ и взаимодействием органов власти с жителями по поводу реализации специфических функций территорий. Характер и направленность региональной микрополитики зависят от социально-политического контекста повседневной жизни, доверия к муниципальным и региональным органам власти со стороны жителей локальных территорий [17, с. 50].

Важным моментом в реализации региональной политики является проблема доверия к политическим институтам в регионе. На региональном уровне население склонно демонстрировать более высокий уровень поддержки институтов и фигур власти, в чьих руках сконцентрирована реальная власть, нежели представительным органам власти. Доверие является одним из факторов, которое поддерживает устойчивость регионального сообщества, поскольку доверие обеспечивает причастность к жизни регионального сообщества, участвует в формировании новых отношений сотрудничества и солидарности [2, с. 223].

Несмотря на определенный эффект и результаты мероприятий, которые направлены на смягчение социальных проблем территорий, региональная социальная политика встречает часто противоречивое отношение у представителей регионального сообщества. Региональная политика выступает в качестве механизма, сдерживающего региональное сообщество от проявлений дезорганизаций и протестных настроений. Социально ориентированная региональная политика приобретает зна-

чимость в условиях формирования системы харизматического политического лидерства в регионе (пример – Кемеровская область).

Реализация направлений и мероприятий региональной политики предполагает необходимость согласования и учета интересов различных заинтересованных субъектов.

В первую очередь на направленность региональной политики и ее социальную ориентацию оказывают влияние потребности и интересы населения самих территорий. В своей политике региональные органы власти вынуждены учитывать не только общие интересы населения территорий, но и дифференцированные интересы разных возрастных и социальных групп. Основными каналами артикуляции интересов населения являются обращения в органы местной и региональной власти. Однако в значительной степени реализация региональной политики опирается исключительно на государственное волеизъявление на уровне региона.

В современных российских условиях на содержание и формы проявления региональной политики воздействуют корпоративные интересы бизнес-субъектов, связанные с экономическим развитием локальных территорий. К ним могут относиться бизнес-элита региона (руководители и владельцы крупных предприятий, особенно региональных монополистов), имеющие свои интересы на локальном уровне, представители среднего и малого бизнеса, бизнес-структуры федерального уровня. Особую роль играют федеральные сырьевые компании, которые оказывают существенное влияние на экономический профиль территорий, «продвигая» свои инвестиционные проекты. Более того, крупные корпорации часто используют региональные и территориальные администрации как лоббистов свои собственных проектов, пытаясь таким образом переложить часть затрат на формирование инфраструктур для собственного бизнеса на государство. Необходимо отметить, что владельцы производственных активов – собственники предприятий играют зачастую центральную роль в обеспечении функционирования моногородов и, соответственно, обеспечивают необходимую занятость населения локальных территорий.

Осуществление региональной политики невозможно без взаимодействия региональной власти и органов местного самоуправления. Практика деятельности местного самоуправления в настоящее время свидетельствует о его несамостоятельности, зависимости от региональной власти. Основным ее проявлением выступает финансовая зависимость, поскольку органы местной власти не обладают самостоятельной финансовой базой и в своей деятельности зачастую зависят от политики региональных властей. Активная региональная политика (особенно имеющая ярко выраженную социальную направленность), нивелирует значимость местного самоуправления как самостоятельного центра принятия решений, оставляя ему роль передаточного механизма в реализации мероприятий региональной политики в интересах локальных территорий.

Органы местного самоуправления реализуют региональную политику на уровне территорий на местах. В современных условиях местный, муниципальный уровень призван в значительной мере конкретизировать методы, способы и механизмы достижения целей, определенных в рамках региональной политики, привязать их к особенностям муниципальных образований, локальных территорий, учесть специфику демографических, экономических, экологических, ресурсных и прочих аспектов муниципального образования [1, с. 52].

Одним из примеров активной региональной политики, сфокусированной на поддержке локальных территорий, является опыт Кемеровской области.

Для Кузбасса особенно актуальной является ситуация в локальных территориях, расположенных в моногорфильных городах – на территориях бывших рабочих поселков и селитебных зон, сформировавшихся вокруг угледобывающих предприятий. Исторически в Кемеровской области формировалась конгломератная структура городского расселения (по схеме предприятие – поселок). Поэтому особенностями городов Кузбасса стали формирование значительных по территории сельско-городских зон и ограниченное развитие социальной инфраструктуры городов и поселков региона.

Основными механизмами реализации региональной политики в отношении локальных территорий в Кузбассе стали использование программных методов регулирования территориального развития и концентрированная поддержка территорий посредством участия региональной власти в подготовке к профессиональным праздникам.

Использование программных методов регулирования развития региона находит свое практическое выражение в государственных программах, разрабатываемых и реализуемых региональными органами власти.

Анализ государственных программ Кемеровской области за 2013 – 2015 гг., сфокусированный вокруг определения их целей, задач и мероприятий, позволяет продемонстрировать основные направления программного регулирования развития локальных территорий Кемеровской области. Таковыми являются: экономическое развитие территорий, социальная поддержка населения, развитие социальной сферы, поддержание и модернизация инженерной инфраструктуры, повышение безопасности и решение экологических проблем.

Программная поддержка экономического развития локальных территорий предполагает обеспечение развития отраслей экономики, которые являются базовыми для Кемеровской области (прежде всего, угольная промышленность), повышение инвестиционной привлекательности и диверсификацию экономики, поддержку реализации инвестиционных проектов [13]. Инструментами развития экономики локальных территорий могут быть программы, направленные на развитие сельского хозяйства и малого бизнеса. Так, например, государственная программа «Государственная поддержка агропромышленного комплекса и устойчивого развития сельских территорий в Кемеровской области» на 2014 – 2016 гг. включает в себя такие направления: поддержка развития сельскохозяйственного производства, переработки продукции, техническая модернизация, поддержка малых форм хозяйствования на селе, а также устойчивое развитие сельских территорий (в том числе улучшение качества жизни в сельской местности) [3].

Для обеспечения социальной поддержки населения территорий в Кемеровской области реализуются Государственные программы «Жилищная и социальная инфраструктура Кузбасса» на 2014 – 2016 гг. и «Социаль-

ная поддержка населения Кузбасса» на 2014 – 2016 гг. Данные программы включают следующие направления:

– повышение уровня жизни отдельных категорий граждан;

– решение жилищных проблем населения территорий (обеспечение жильем нуждающихся граждан и переселение жителей территорий из аварийного жилья);

– улучшение качества и объемов социальных услуг для граждан пожилого возраста, социальная поддержка инвалидов, ветеранов труда, пенсионеров, малообеспеченных граждан, развитие социального обслуживания населения территорий, улучшение качества жизни инвалидов и пенсионеров.

Отдельную группу представляют мероприятия, направленные на поддержку проектов местного развития шахтерских городов и поселков. Они предусматривают финансирование из федерального бюджета переселения граждан из ветхого жилья при закрытии угледобывающих предприятий на территории региона [4; 11].

В сфере *развития инженерной и транспортной инфраструктуры* локальных территорий программная поддержка направлена на модернизацию объектов коммунальной инфраструктуры (теплоснабжения, водоснабжения, водоотведения), внедрение энергосберегающих технологий, строительство и реконструкция дорог местного значения, удовлетворение спроса населения в пассажирских перевозках, повышение доли экологически чистого транспорта, а также благоустройство территорий [5; 8].

Отдельный блок представляют собой государственные программы, направленные на *развитие учреждений социальной сферы*. Описывающие направления реализации программных мероприятий:

– в сфере здравоохранения – обеспечение деятельности учреждений здравоохранения, повышение эффективности их работы, укрепление материально-технической базы организаций здравоохранения и кадровое обеспечение учреждений [9];

– в сфере культуры – сохранение культурного наследия территорий, обеспечение деятельности дополнительного профессионального образования, улучшение материально-технической базы учреждений культуры, этнокультурное развитие наций и народностей [6];

– в сфере образования – обеспечение гарантий получения дошкольного и школьного образования, обеспечение деятельности организаций для детей-сирот, инвалидов, организаций дополнительного профессионального образования, развитие профессионального образования [10].

Основными направлениями реализации государственных программ, ориентированных на повышение уровня безопасности являются: повышение уровня пожарной безопасности территорий, защита населения от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, борьба с преступностью, асоциальным поведением, профилактика правонарушений, противодействие злоупотреблению наркотиков и их незаконному обороту, социальная реабилитация лиц, отбывших наказание, повышение безопасности дорожного движения [7].

Отдельный сегмент данного направления представляют собой программы в сфере экологической безопасности территорий. Среди основных направлений программных мероприятий можно отметить: улучшение экологических условий проживания населения, снижение негативного воздействия на окружающую среду, ликвидация последствий прошлой деятельности промышленных предприятий, обеспечение водными ресурсами населения территорий, восстановление водных и лесных ресурсов территорий, что является актуальными направлениями для развития нашего региона [12].

В целом государственные программы Кемеровской области ориентированы на реализацию жизненно важных интересов и потребностей населения территорий. Основным недостатком программного регулирования является недостаточная сфокусированность на интересах отдельных территорий (или групп территорий).

Другим инструментом поддержки развития локальных территорий со стороны региональной власти является использование профессиональных праздников для инвестиций в развитие городов Кузбасса и отдельных территорий. В настоящее время данный инструмент региональной политики активно используется для укрепления и развития социальной сферы и инфраструктуры городов Кузбасса. Традиционными в регионе стали кампании подготовки к празднованию Дня шахтера и Дня железнодорожника. В рамках подготовительных мероприятий основные усилия региональной и муниципальной власти направлены на ремонт и реконструкцию объектов социальной инфраструктуры. В данной сфере наиболее значимыми задачами являются: укрепление материально-технической базы образовательных учреждений и учреждений здравоохранения (строительство, реконструкция и капитальный ремонт объектов образования и здравоохранения, модернизация учебной и учебно-лабораторной базы учебных заведений и др.). Например, в рамках подготовки ко Дню шахтера в Прокопьевске были отремонтированы пять школ, пять медучреждений и три детских сада, реконструирован дворец культуры имени Маяковского [15]. В рамках проведения мероприятий по подготовке к значимым для региона осуществляются также мероприятия по ремонту дорог, благоустройству территорий. Так, например, в 2011 г. в рамках подготовки к празднованию Дня шахтера в г. Калтан осуществлялись мероприятия по благоустройству территории поселка Малышев Лог (строительство пешеходных зон, обустройство заборов, ограждений и др.) [14].

Региональная политика в отношении локальных территорий является инструментом реализации жизненно важных интересов населения, в необходимой мере ориентируется на потребности обустройства территорий, а также способствует смягчению диспропорций в социальном и экономическом развитии территорий. В условиях Кузбасса использование программных методов и концентрированных инвестиций в развитие социальной сферы и инфраструктуры стали технологиями сопровождения обеспечения социального развития территорий.

Литература

1. Галиева И. С. Региональная социальная политика: проблемы и противоречия в современных условиях // Известия Саратовского университета. (Серия: Социология, Политология). 2013. Т. 13. № 3. С. 50 – 54.

2. Галиулин Д. Л. Социальное доверие и социальный капитал в региональной политике развития // Вестник ТОГУ. 2009. № 2(13). С. 221 – 228.

3. Государственная программа Кемеровской области «Государственная поддержка агропромышленного комплекса и устойчивого развития сельских территорий в Кемеровской области» на 2014 – 2016 гг. // Официальный сайт Главного финансового управления Кемеровской области. Режим доступа: http://www.ofukem.ru/-download/ako/PostN464 ot131025.pdf

4. Государственная программа Кемеровской области «Жилищная и социальная инфраструктура Кузбасса» на 2014 – 2016 гг. // Официальный сайт Главного финансового управления Кемеровской области. Режим доступа: http://www.ofukem.ru/download/ako/PostN46 1ot131025.pdf

5. Государственная программа Кемеровской области «Жилищно-коммунальный и дорожный комплекс, энергосбережение и повышение энергоэффективности Кузбасса» на 2014 – 2016 гг. // Официальный сайт Главного финансового управления Кемеровской области. Режим доступа: http://www.ofukem.ru/download/ako/PostN458 ot131024.pdf

6. Государственная программа Кемеровской области «Культура Кузбасса» на 2014 – 2016 гг. // Официальный сайт Главного финансового управления Кемеровской области. Режим доступа: http://www.ofukem.ru/-content/blogcategory/130/137/

7. Государственная программа Кемеровской области «Обеспечение безопасности населения Кузбасса» на 2014 – 2016 гг. // Официальный сайт Главного финансового управления Кемеровской области. Режим доступа: http://www.ofukem.ru/content/blogcategory/130/137/

8. Государственная программа Кемеровской области «Оптимизация развития транспорта и связи Кузбасса» на 2014 – 2016 гг. // Официальный сайт Главного финансового управления Кемеровской области. Режим доступа: http://www.ofukem.ru/download/ako/PostN405 ot130924.pdf

9. Государственная программа Кемеровской области «Развитие здравоохранения Кузбасса» на 2014 – 2016 гг. // Официальный сайт Главного финансового управления Кемеровской области. Режим доступа: http://www.ofukem.ru/download/ako/PostN443ot131015.pdf

10. Государственная программа Кемеровской области «Развитие системы образования Кузбасса» на 2014 – 2016 гг. // Официальный сайт Главного финансового управления Кемеровской области. Режим доступа: http://www.ofukem.ru/download/ako/PostN367 ot130904.pdf

11. Государственная программа Кемеровской области «Социальная поддержка населения Кузбасса» на 2014 – 2016 гг. // Официальный сайт Главного финансового управления Кемеровской области. Режим доступа: http://www.ofukem.ru/download/ako/Post N468ot131025.pdf

12. Государственная программа Кемеровской области «Экология и природные ресурсы Кузбасса» на 2014 – 2016 гг. // Официальный сайт Главного финансового управления Кемеровской области. Режим доступа: http://www.ofukem.ru/download/ako/PostN460 ot131025.pdf

13. Государственная программа «Экономическое развитие и инновационная экономика Кузбасса» на 2014 – 2016 гг. // Официальный сайт Главного финансового управления Кемеровской области. Режим доступа: http://www.ofukem.ru/download/ako/PostN37 6ot130913.pdf

14. День шахтера и День железнодорожника-2011 // Интернет-портал органов государственной власти Кемеровской области. 17.06.2011. Режим доступа: http://www.kemobl.ru/press/viewtext.asp? C57505=On

15. Подготовка Прокопьевска ко Дню Шахтера обошлась в 2 миллиарда // Газета Кемерово. 29.08.2015. Режим доступа: http://gazeta.a42.ru/lenta/show/podgotovka-prokopevska-ko-dnyu-shahtera-oboshlas-v-2-milliarda.html

16. Фахрутдинова Е. В., Хуснутдинова Л. М., Малышев А. Л. Социальная политика: роль и значение в повышении качества жизни населения // Экономические науки. 2010. № 12(73). С. 55 – 60.

17. Четошников С. Г. Региональная политика в отношении сельско-городских территорий // Вестник ТГУ. 2012. № 359. С. 50 – 53.

18. Четошников С. Г. Региональная политика в отношении сельско-городских территорий: автореф. дис. … канд. социол. наук. Кемерово, 2012. 26 с.

Информация об авторе:

Четошников Станислав Геннадьевич **–** кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологических наук Кемеровского государственного университета, sa-light@yandex.ru.

SOCIAL INTENTION OF REGIONAL POLICY FOR LOCAL TERRITORIES: KUSBASS EXPERIENCE

Stanislav G. Chetoshnikov [1, @]

Received 16.02.2016
Accepted 24.05.2016

[1] *Kemerovo State University*
[@] *sa-light@yandex.ru*

Keywords:
regional policy, social policy, state-government program, social development, local territories.

Abstract: The paper considers the specific features of regional policy as a complex of measures which aims at supporting territories. The emphasis is set upon social direction of regional policy for local territories. As an example, the implementation of regional policy in Kemerovo region is considered. Such mechanisms of regional policy as program methods of territories' support and using professional celebrations for social sphere and infrastructure development of Kuzbass local territories are emphasized.

For citation: Chetoshnikov S. G. Sotsial'naia napravlennost' regional'noi politiki v otnoshenii lokal'nykh territorii: opyt Kuzbassa [Social intention of regional policy for local territories: Kusbass experience]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki – Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic sciences,* no. 1 (2016): 23 – 29.

References

1. Galieva I. S. Regional'naia sotsial'naia politika: problemy i protivorechiia v sovremennykh usloviiakh [Regional Social Policy: Problems and Contradictions in Modern Russian Conditions]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. (Seriia: Sotsiologiia, Politologiia) – Izvestia of Saratov University. (Series: Sociology. Politology),* 13, no. 3 (2013): 50 – 54.

2. Galiulin D. L. Sotsial'noe doverie i sotsial'nyi kapital v regional'noi politike razvitiia [Social Confidence and Social Capital in a Regional Development Policy]. *Vestnik TOGU – Bulletin of PNU*, no. 2(13) (2009): 221 – 228.

3. *Gosudarstvennaia programma Kemerovskoi oblasti «Gosudarstvennaia podderzhka agropromyshlennogo kompleksa i ustoichivogo razvitiia sel'skikh territorii v Kemerovskoi oblasti» na 2014 – 2016 gg.* [A state program of the Kemerovo region "The state support of agro-industrial complex and a sustainable development of rural territories in the Kemerovo region" for 2014 – 2016]. Available at: http://www.ofukem.ru/-download/ako/PostN464 ot131025.pdf

4. *Gosudarstvennaia programma Kemerovskoi oblasti «Zhilishchnaia i sotsial'naia infrastruktura Kuz-bassa» na 2014 – 2016 gg.* [A state program of the Kemerovo region "Housing and social infrastructure of Kuzbass" for 2014 – 2016]. Available at: http://www.ofukem.ru/download/ako/PostN46 1ot131025.pdf

5. *Gosudarstvennaia programma Kemerovskoi oblasti «Zhilishchno-kommunal'nyi i dorozhnyi kompleks, energosberezhenie i povyshenie energoeffektivnosti Kuzbassa» na 2014 – 2016 gg.* [A state program of the Kemerovo region "A housing-and-municipal and road complex, energy saving and increase of energy efficiency of Kuzbass" for 2014 – 2016]. Available at: http://www.ofukem.ru/download/ako/Post-N458 ot131024.pdf

6. *Gosudarstvennaia programma Kemerovskoi oblasti «Kul'tura Kuzbassa» na 2014 – 2016 gg.* [A state program of the Kemerovo region "Culture of Kuzbass" for 2014 – 2016]. Available at: http://www.ofukem.ru/-content/ blogcategory/ 130/137/

7. *Gosudarstvennaia programma Kemerovskoi oblasti «Obespechenie bezopasnosti naseleniia Kuzbassa» na 2014 – 2016 gg.* [A state program of the Kemerovo region "Safety of the population of Kuzbass" for 2014 – 2016]. Available at: http://www.ofukem.ru/content/blogcategory/130/137/

8. *Gosudarstvennaia programma Kemerovskoi oblasti «Optimizatsiia razvitiia transporta i sviazi Kuzbassa» na 2014 – 2016 gg.* [A state program of the Kemerovo region "Optimization of development of transport and communication of Kuzbass" for 2014 – 2016]. Available at: http://www.ofukem.ru/download/ako/PostN405 ot130924.pdf

9. *Gosudarstvennaia programma Kemerovskoi oblasti «Razvitie zdravookhraneniia Kuzbassa» na 2014 – 2016 gg.* [A state program of the Kemerovo region "Development of health care of Kuzbass" for 2014 – 2016]. Available at: http://www.ofukem.ru/download/ako/PostN443ot131015.pdf

10. *Gosudarstvennaia programma Kemerovskoi oblasti «Razvitie sistemy obrazovaniia Kuzbassa» na 2014 – 2016 gg.* [A state program of the Kemerovo region "Development of an education system of Kuzbass" for 2014 – 2016]. Available at: http://www.ofukem.ru/download/ako/PostN367 ot130904.pdf

11. *Gosudarstvennaia programma Kemerovskoi oblasti «Sotsial'naia podderzhka naseleniia Kuzbassa» na 2014 – 2016 gg.* [A state program of the Kemerovo region "Social support of the population of Kuzbass" for 2014 – 2016]. Available at: http://www.ofukem.ru/download/ako/Post N468ot131025.pdf

12. *Gosudarstvennaia programma Kemerovskoi oblasti «Ekologiia i prirodnye resursy Kuzbassa» na 2014 – 2016 gg.* [A state program of the Kemerovo region "Ecology and natural resources of Kuzbass" for 2014 – 2016]. Available at: http://www.ofukem.ru/download/ako/PostN460 ot131025.pdf

13. *Gosudarstvennaia programma «Ekonomicheskoe razvitie i innovatsionnaia ekonomika Kuzbassa» na 2014 – 2016 gg.* [A state program "Economic development and innovative economy of Kuzbass" for 2014 – 2016]. Available at: http://www.ofukem.ru/download/ako/PostN37 6ot130913.pdf

14. *Den' shakhtera i Den' zheleznodorozhnika-2011* [Day of the miner and Day of the railroader-2011]. 17.06.2011. Available at: http://www.kemobl.ru/press/viewtext.asp? C57505=On

15. Podgotovka Prokop'evska ko Dniu Shakhtera oboshlas' v 2 milliarda [Preparation of Prokopyevsk by Day of the Miner has cost 2 billion]. *Gazeta Kemerovo – Kemerovo newspaper*, 29.08.2015. Available at: http://gazeta.a42.ru/-lenta/show/podgotovka-prokopevska-ko-dnyu-shahtera-oboshlas-v-2-milliarda.¬html

16. Fakhrutdinova E. V., Khusnutdinova L. M., Malyshev A. L. Sotsial'naia politika: rol' i znachenie v po-vyshenii kachestva zhizni naseleniia [Social policy: a role and value in improvement of quality of life of the population]. *Ekonomicheskie nauki – Economic sciences*, no. 12(73) (2010): 55 – 60.

17. Chetoshnikov S. G. Regional'naia politika v otnoshenii sel'sko-gorodskikh territorii [Regional policy on rural-urban territories]. *Vestnik TGU – Tomsk State University Journal*, no. 359 (2012): 50 – 53.

18. Chetoshnikov S. G. *Regional'naia politika v otnoshenii sel'sko-gorodskikh territorii*. Avtoref. diss. kand. sotsiol. nauk [Regional policy on rural-urban territories. Cand. social Sci. Diss. Abstr.]. Kemerovo, 2012, 26.

УДК 332.142

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ СТОРОНЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОГО ПОДХОДА ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА В КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

***О. В. Ашмарова*[1, @]**

Поступила в редакцию 18.02.2016
Принята к печати 30.05.2016

[1] *Кемеровский государственный университет*
[@]*olga_ashmarova@mail.ru*

Ключевые слова:
программно-целевой подход, целевые программы, оценка эффективности, информатизация общества, электронное правительство, Кемеровская область.

Аннотация: В статье рассматривается применение программно-целевого подхода информатизации общества в Кемеровской области. Учитывается мировой опыт и влияние реализации программно-целевого подхода информатизации российского общества в целом. Особое внимание отводится государственной программе «Информационное общество Кузбасса» на 2014 – 2017 годы. Анализируется методика оценки результатов данной программы. Изучаются текущие показатели ее реализации. Результатом исследования выступают положительные и отрицательные стороны применения программно-целевого подхода информатизации общества. Кроме того, отрицательные стороны рассматриваются в качестве направлений дальнейшего совершенствования данного процесса и включают в себя методические и практические аспекты применения программно-целевого подхода информатизации общества, а также оценки его эффективности.

Для цитирования: Ашмарова О. В. Положительные и отрицательные стороны применения программно-целевого подхода информатизации общества в Кемеровской области // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2016. № 1. С. 30 – 38.

Процесс информатизации общества в Кемеровской области выступает неотъемлемой составляющей процесса информатизации как российского, так и мирового сообщества в целом, так как по своей природе он непосредственно связан с мировой интеграцией и глобализацией.

Цель данной исследовательской работы заключается в определении положительных и отрицательных сторон применения программно-целевого подхода информатизации общества в Кемеровской области. Для того чтобы достичь поставленной цели анализируются исторический, нормативно-правой и методический аспекты применения программно-целевого подхода к информатизации общества, а также рассматривается практика реализации программно-целевого подхода с учетом динамики финансирования и текущих результатов.

Информатизация общества в современной России является продолжением процесса информатизации общества в СССР, в котором наибольшие темпы роста отрасли вычислительной техники наблюдались в период с 1970 г. по 1985 г. (1585 %) [7, с. 163 – 166].

К сожалению, после распада СССР была потеряна большая часть его производственно-экономической базы. Дальнейшее развитие информатизации общества в нашей стране происходит с отставанием от стран-лидеров [9, с. 10]. Основываясь на успехах применения программно-целевого подхода информатизации общества таких программ, как «Электронная Европа» в Германии, Ирландии и Франции, «Стратегии электронного правительства» в США и других, в России также обратились к программно-целевому подходу в информатизации общества для ликвидации отставания в развитии данного процесса [10].

Особенностью использования программно-целевого подхода информатизации общества является тот факт, что данный процесс выступает исторически новым, быстро развивающимся и охватывающим практически все сферы общественной жизни и поэтому имеющим стратегическое значение для экономики страны. Большое распространение применение программно-целевого подхода информатизации общества получило при формировании электронного правительства [6].

На сегодняшний день программно-целевой подход к формированию информационного общества в России применяется при реализации широкого ряда целевых программ разного уровня, разработанных в рамках следующих документов:

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.
2. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации от 7 февраля 2008 г. № Пр-212.
3. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р.
4. Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014 – 2020 гг.

и на перспективу до 2025 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2013 г. № 2036-р [1].

Стратегия развития отрасли информационных технологий в России на 2014 – 2020 гг. ставит своими целями трансформацию сферы информационных технологий в полноценную отрасль экономики страны, повышение производительности труда в различных отраслях за счет внедрения информационных технологий, а также обеспечение высокого уровня информационной безопасности граждан [10].

В настоящее время в России в сфере информатизации общества действует ряд целевых программ различного уровня, что обусловлено в первую очередь всеобъемлющим характером процесса информатизации. Одной из важнейших среди них является государственная программа «Информационное общество (2011 – 2020 гг.)», пришедшая на смену федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002 – 2010 гг.)».

Стоит отметить, что реализация целевых программ в сфере информатизации происходит в условиях отставания внесения изменений в нормативно-методическую базу, необходимую для их полноценной реализации. Например, Федеральный закон «Об электронной подписи» появился лишь в апреле 2011 г. через 11 лет после начала действия программы «Электронная Россия (2002 – 2010 гг.)». Также повышение квалификации соответствующих специалистов не всегда успевает за развитием других направлений целевых программ.

В рамках данной работы важно обратить внимание на государственную программу «Информационное общество Кузбасса» на 2014 – 2017 гг., утвержденную постановлением Коллегии Администрации Кемеровской области от 20 сентября 2013 г. № 400.

Цель программы сформулирована следующим образом: получение гражданами и организациями преимуществ от применения информационных и телекоммуникационных технологий, повышение эффективности и результативности деятельности органов государственной власти Кемеровской области и органов местного самоуправления Кемеровской области, внедрение спутниковых навигационных технологий [2].

Цели и задачи государственной программы «Информационное общество Кузбасса» на 2014 – 2017 гг. соподчиняются с целями и задачами Стратегии развития отрасли информационных технологий в России на 2014 – 2020 гг. и государственной программы «Информационное общество (2011 – 2020 гг.)». В государственной программе «Информационное общество Кузбасса» на 2014 – 2017 гг. они переносятся на региональный и муниципальный уровни. Это является примером проявления программно-целевого подхода информатизации общества региона на всех уровнях.

Важно обратить внимание, что в государственной программе «Информационное общество Кузбасса» на 2014 – 2017 гг. в задачи также выносится следующий пункт: «Внедрение спутниковых навигационных технологий с использованием ГЛОНАСС и других результатов космической деятельности в транспортной сфере Кемеровской области». Постановка данной задачи и выделение ее в отдельную подпрограмму является уникальной особенностью государственной программы Кемеровской области. Однако сохраняющаяся ориентация по остальным показателям, в перовую очередь, на закупку и внедрение зарубежных информационных технологий и программного обеспечения затрудняет следование курсу экономики в сторону импортозамещения.

Далее обратимся к методическому аспекту применения программно-целевого подхода информатизации общества. Рассмотрим методику оценки эффективности результатов, прописанную в Государственной целевой программе «Информационное общество Кузбасса» на 2014 – 2017 гг.

Критерии оценки эффективности Государственной программы подразделяются на два вида:

1) эффективность использования средств областного бюджета, направленных на ее реализацию;

2) динамика достижения значений целевых показателей и индикаторов.

Согласно данной методике для того, чтобы рассчитать эффективность использования средств областного бюджета за отчетный год, необходимо использовать формулу:

$$ЭИ = \frac{ЦИ}{ОФ} * 100\ \%,$$

ЭИ – эффективность использования средств областного бюджета,

ЦИ – показатель достижения плановых значений целевых показателей и индикаторов в целом по Государственной программе,

ОФ – степень соответствия фактических объемов финансирования из областного бюджета на реализацию Государственной программы запланированному уровню.

Государственная программа устанавливает следующие критерии оценки эффективности, представленные в таблице 1 «Критерии оценки эффективности Государственной программы «Информационное общество Кузбасса» на 2014 – 2017 г.» [2].

Таблица 1. **Критерии оценки эффективности Государственной программы «Информационное общество Кузбасса» на 2014 – 2017 гг.**
Table 1. **Criteria for assessing the effectiveness of the government program “Informational society of Kuzbass”, 2014 – 2017**

Значение ЭИ	*Эффективность программы*
> 100 %	Высокоэффективная
75 – 100 %	Эффективная
60 – 74 %	Удовлетворительная
60 % <	Неэффективная

В зависимости от запланированных мероприятий программой предусмотрены целевые показатели, оцениваемые как в абсолютных, так и в относительных величинах. Также предполагается определение уровня удовлетворенности граждан качеством оказываемых государственных и муниципальных услуг в результате проведения соответствующего социологического исследования. Однако по ряду целевых показателей нельзя однозначно оценить, что их выполнение приведет к достижению цели программы, а именно к получению гражданами и организациями преимуществ от применения информационных технологий.

Важно отметить, что данный методический подход концентрируется на оценке результативности целевых программ. В методике употребляется термин эффективность, однако оценка эффекта от проведения мероприятий программ и затрат на их реализацию не проводится.

Подчеркнем, что на федеральном уровне наблюдается схожая ситуация. Эффективность выполнения программ рассматривается как степень достижения запланированных результатов при условии соблюдения обоснованного объема расходов, в то время как в экономике аналогичное определение дается понятию результативности.

Экономический эффект от информатизации общества может иметь стоимостную оценку и рассчитываться как суммарный прирост прибыли организации за счет экономии расходов и увеличения выручки. Пути достижения такого эффекта могут быть через увеличение скорости производственных процессов с помощью внедрения информационных технологий, а также за счет сокращения расходов на осуществление документооборота на печатных носителях и через другие показатели, зависящие от специфических особенностей работы организации. Также необходимо оценивать социальный и экологический эффекты информатизации общества. Само внедрение информационных технологий, на взгляд автора, не должно рассматриваться как эффект информатизации общества.

В начале действия государственной программы «Информационное общество Кузбасса» в сентябре 2013 г. Кемеровская область по значению сводного индекса готовности к информационному обществу занимала 6-е место среди субъектов Сибирского федерального округа (далее – СФО) и 46-е место в России [1].

На рис. 1 представлены места, занимаемые Кемеровской областью в России и в СФО по сводному индексу и его подындексам.

В целом можно сделать вывод, что наибольшее внимание при реализации программы «Информационное общество в Кузбассе» необходимо уделять повышению позиции региона по таким подындексам, как «Человеческий капитал», «ИК-инфраструктура» и «Использование ИКТ в домохозяйствах и населением».

Рис. 1. ***Места, занимаемые Кемеровской областью в России и в СФО по сводному индексу и его подындексам***
Fig. 1. ***The ranking positions of Kuzbass in Russia and in the Siberial Federal District: composite index and subindicis***

В сентябре 2013 г. на начало действия данной государственной программы были определены следующие проблемы, характерные для региональной информатизации Кемеровской области:

– «лоскутная автоматизация» – наличие большого количества разнородных информационных ресурсов и систем исполнительных органов государственной власти Кемеровской области, которые не имели единого управления и возможностей оперативного информационного взаимодействия, отсутствовали единые стандарты по их формированию и внедрению;

– недостаточно развитая общая ИК-инфраструктура, обеспечивающая эффективное информационное взаимодействие населения, организаций и исполнительных органов государственной власти;

– в исполнительных органах государственной власти и органах местного самоуправления затруднен процесс укомплектования ИТ-специалистами [2].

На рис. 2 представлен объем финансового обеспечения реализации Государственной программы «Информационное общество в Кузбассе» по годам.

Из рис. 2 видно, что пик объема финансирования был запланирован на 2015 г. При этом важно учесть, что в 2014 г. были привлечены средства федерального (29 %), областного (53 %) и местных (18 %) бюджетов. В 2015 г. реализацию программы обеспечивали средства федерального (22 %) и областного (78 %) бюджетов. А в 2016 и 2017 гг. запланировано полное обеспечение программы лишь за счет средств регионального бюджета.

Как показано на рис. 3, первые два года реализации наибольший удельный вес в финансировании отводится подпрограмме «Повышение эффективности и результативности деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, оптимизация и повышение качества предоставления государственных и муниципальных услуг».

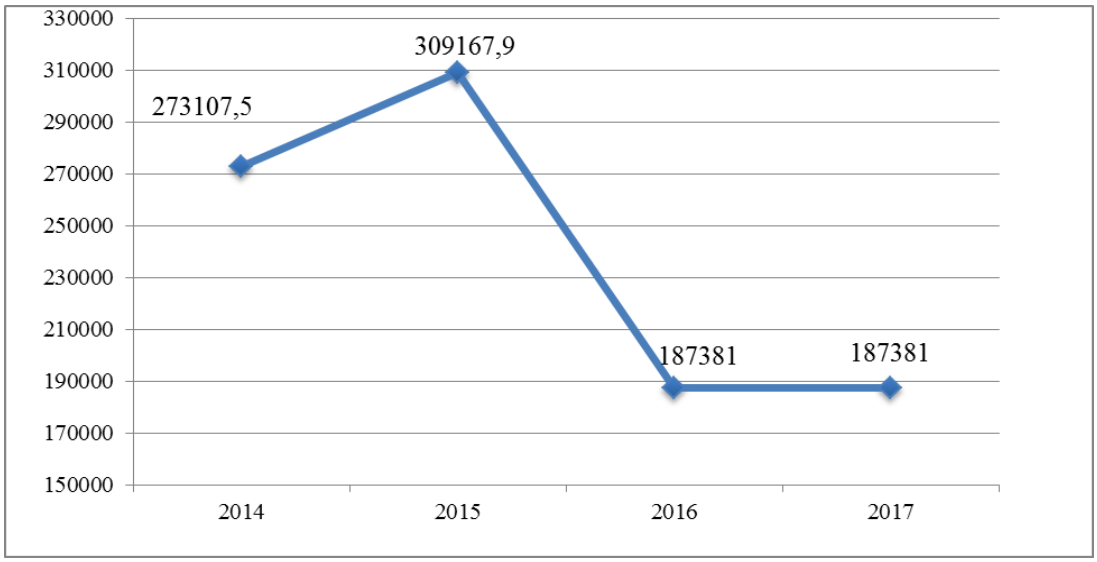


Рис. 2. ***Объем финансового обеспечения реализации Государственной программы «Информационное общество в Кузбассе» с 2014 г. по 2017 г.***
Fig. 2. ***The volumes of funding of the government program "Informational society of Kuzbass" for 2014 – 2017***

В последующие годы на первый план по доле в финансировании выходит подпрограмма «Информационное общество и электронное правительство». Она направлена на углубление процесса информатизации в различные сферы жизнедеятельности общества и базируется на результатах подпрограммы «Повышение эффективности и результативности деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, оптимизация и повышение качества предоставления государственных и муниципальных услуг», в том числе проведенных социологических исследованиях и мероприятиях по повышению квалификации.

Однако экономическая ситуация в Кемеровской области и текущие результаты реализации государственной программы внесли коррективы в ее финансовое обеспечение. Сравнение запланированного финансового обеспечения согласно постановлению Коллегии администрации Кемеровской области от 20 сентября 2013 г. № 400 «Об утверждении государственной программы Кемеровской области «Информационное общество Кузбасса» на 2014 – 2017» [2], Закону Кемеровской области от 12 декабря 2014 г. № 118-ОЗ «Об областном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов» [3], Закону Кемеровской области от 8 декабря 2015 г. «Об областном бюджете на 2016 год» [5], а также фактического финансового обеспечения согласно Закону Кемеровской области от 8 июля 2014 г. № 70-ОЗ «Об исполнении областного бюджета на 2014 год» [4] представлено в таблице 2.

Из таблицы 3 видно, что в 2014 г. фактическое финансовое обеспечение программы превысило запланированное на 36,9 %. При этом такое превышение было обусловлено ростом более чем в два раза по сравнению с плановым финансированием обеспечения подпрограммы «Повышение эффективности и результативности деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, оптимизация и повышение качества предоставления государственных и муниципальных услуг», удельный вес которой в плановой структуре финансирования программы был наибольшим (66 %). Фактическое финансирование остальных подпрограмм в 2014 г. было меньше заложенного в программе.

В 2015 г. финансовое обеспечение программы, заложенное в областном бюджете, превысило значение, прописанное в программе, на 6,7 %. Так же, как и в 2014 г., превышение финансирования наблюдается лишь по подпрограмме, направленной на повышение эффективности и результативности деятельности органов власти. По другим подпрограммам сохраняется отрицательное отклонение средств областного бюджета от финансирования, указанного в программе.

В 2016 г. сохраняется превышение средств, заложенных в областном бюджете, над обеспечением, прописанным в программе. Оно является наиболее существенным за исследуемые три года и составляет 43,8 %. При этом превышение наблюдается по всем подпрограммам, кроме подпрограммы «Информационное общество и электронное правительство». По ней происходит незначительное отрицательное отклонение от планового финансирования, указанного в программе, на 13 %.

На основании текущих отчетов о реализации государственной программы Кемеровской области «Информационное общество Кузбасса» можно сделать вывод о том, что за период с 2014 г. по июнь 2015 г. по большинству статей финансовое обеспечение не превышает лимиты, а целевые показатели и индикаторы достигают плановых значений. К наиболее активно реализуемым мероприятиям программы можно отнести закупку и установку оборудования (серверов, компьютеров, принтеров, МФУ и т. д.), закупку и установку программного обеспечения, разработку и внедрение автоматизированных информационных систем. Также особое внимание отводится мероприятиям по защите информации и открытию МФЦ.

Важно обратить внимание на зафиксированные на настоящий момент отклонения от заложенных в программе объемов финансирования, от прописанных значений показателей и индикаторов.

Рис. 3. ***Структура распределения финансового обеспечения между подпрограммами в период с 2014 г. по 2017 г.***
Fig. 3. ***The structure of funding distribution among the subprograms for 2014 – 2017***

Так, на 1 июля 2015 г. в Кемеровской области функционировало 25 МФЦ. Также с 2014 г. действуют 8 мобильных МФЦ. Удельный вес городских округов и муниципальных районов Кемеровской области, на территории которых осуществляет деятельность МФЦ, в общем числе городских округов и муниципальных районов Кемеровской области составляет 73,5 % (план на январь – июнь 2015 г. – 67 %). Такое превышение зафиксированного в программе показателя удалось достигнуть за счет уточнения в 2014 г. схемы размещения МФЦ.

Благодаря уточнению схемы размещения МФЦ и расширению работ по их созданию в 2014 г. удалось достигнуть того, что доля населения области, имеющего доступ к получению государственных и муниципальных услуг по принципу «одного окна», в том числе на базе МФЦ, от численности населения Кемеровской области – 48,6 % (план на 2014 г. – 40 %). А также достичь показателя уровня удовлетворенности населения области качеством предоставления государственных и муниципальных услуг от общего числа опрошенных в размере 94 % (план на 2014 г. – 70 %).

Однако по данным Росстата за 2014 г. удельный вес граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, в общей численности населения Кемеровской области составил лишь 21,6 % (план на январь – июнь 2015 г. – 40 %). Значение показателя обусловлено низкой активностью граждан в механизме получения услуг в электронном виде. Данная ситуация наблюдается на фоне выполнения плановых показателей, касающихся популяризации в СМИ и распространения среди населения информации о деятельности МФЦ.

Отметим, что превышение запланированных показателей наблюдается также по направлению «Использование ИКТ в архивном деле». Так, доля архивных документов, которые были включены в электронные описи, в общем объеме документов государственных архивов – 30 % (план на 2014 г. – 20 %) и 63 % (план на январь – июнь 2015 – 30 %). Закупленное и установленное во второй половине 2011 – 2013 г. оборудование для сканирования для двух государственных архивов и освоение его сотрудниками архивов позволило фактически в 1,5 – 2 раза увеличить планируемые показатели.

Важно обратить внимание, что реализация подпрограммы «Внедрение спутниковых навигационных технологий с использованием глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС и других результатов космической деятельности», которая является отличительной особенностью программы по информатизации общества именно в Кемеровской области, в настоящее время затруднена. Данный факт обусловлен сокращением лимитов бюджетных обязательств на 2014 – 2015 гг., а также тем, что не поступили предусмотренные соглашением с Минтрансом РФ субсидии на 2014 г.

Кроме того, рассматривая ход реализации государственной программы «Информационное общество Кузбасса», необходимо обратить внимание на существенные достижения в информатизации тех или иных сфер общественной жизни региона.

Таблица 2. **Сравнение планового и фактического финансового обеспечения государственной программы Кемеровской области «Информационное общество Кузбасса»**

Table 2. **The comparison of the planned and actual funding of the government program "Informational society of Kuzbass"**

Название программы/ подпрограммы	*2014 г.*			*2015 г.*			*2016 г.*			*2017 г.*
	по программе, тыс. руб.	*исполнено, тыс. руб.*	*отклонение (%)*	*по программе, тыс. руб.*	*по бюджету, тыс. руб.*	*отклонение (%)*	*по программе, тыс. руб.*	*по бюджету, тыс. руб.*	*отклонение (%)*	*по программе, тыс. руб.*
Государственная программа Кемеровской области «Информационное общество Кузбасса»	144138,3	197329	36,9	241381	257642	6,7	187381	269408	43,8	187381
Подпрограмма «Информационное общество и электронное правительство»	58725,7	50376,6	-14,2	86160	62923,4	-27,0	86160	75000	-13,0	86160
Подпрограмма «Реализация государственной политики»	25798,4	24956	-3,3	26671	24785,3	-7,1	26671	27036	1,4	26671
Подпрограмма «Повышение эффективности и результативности деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, оптимизация и повышение качества предоставления государственных и муниципальных услуг»	56116,2	120696	115,1	104550	167735	60,4	50550	126972	151,2	50550
Подпрограмма «Внедрение спутниковых навигационных технологий с использованием глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС и других результатов космической деятельности»	3498	1300	-62,8	24000	2198,1	-90,8	24000	40400	68,3	24000

Так, значительная база автоматизированных информационных систем создана и действует в сфере образования, к ним относятся АИС: «Дошкольное образовательное учреждение», «Электронная школа» и «Электронное профессиональное образование».

В 2014 г. была начата существенная работа по модернизации, сопровождению и технической поддержке системы территориального планирования Кемеровской области. Началась работа по разработке слоев «Проекты планировок», «Туризм. Виды. Маршруты», «Сейсмическое районирование» и «Ресурсная карта». Данные слои, в первую очередь, отражают специфику региона и планируемых направлений его развития. В 2015 г. работа над системой продолжилась [8].

В целом, подводя итог исследования использования программно-целевого подхода информатизации общества в Кемеровской области, можно выделить следующие положительные и отрицательные стороны данного процесса, представленные в таблице 3. При этом они классифицированы в зависимости от того, относятся ли они к методическим или практическим аспектам рассматриваемого вопроса.

Таблица 3. **Положительные и отрицательные стороны использования программно-целевого подхода информатизации общества в Кемеровской области**
Table 3. **Positive and negative aspects of the practice of a target-oriented approach to the informatization of the society in Kemerovo Region**

Положительные стороны	***Отрицательные стороны***
Методические аспекты	
1. Соподчиненность целей и задач на федеральном, региональном и муниципальном уровнях использования программно-целевого подхода	1. Большое количество программ на разных уровнях, затрагивающих информатизацию общества, так как данный процесс имеет всеобъемлющий характер
2. Комплексный подход, четкие методические указания по оценке использования программно-целевого подхода	2. Необходимость совершенствования методики в рамках разграничения понятий результативность и эффективность, разработки показателей, однозначно характеризующих достижение целей программы.
Практические аспекты	
3. Ориентация на успешный опыт стран-лидеров по информатизации общества	3. Потеря большей части достижений СССР в сфере информатизации, сохраняющееся отставание от стран-лидеров
	4. Отставание изменения нормативно-методической базы и повышения квалификации специалистов в сфере использования информационных технологий
4. Ориентация на развитие системы ГЛОНАСС	5. Ориентация на закупку импортного оборудования и программного обеспечения

Важно обратить внимание, что рассмотренные положительные и отрицательные стороны касаются не только применения программно-целевого подхода информатизации общества в Кемеровской области, но и могут быть по многим аспектам перенесены на информатизацию общества в России в целом. Также отрицательные стороны выступают основой для дальнейшей разработки мероприятий с целью совершенствования данного процесса.

В завершении необходимо подчеркнуть, что программно-целевой подход в информатизации общества имеет успешный мировой опыт применения, и его использование в Кемеровской области в настоящее время дает весомые результаты. Однако при применении программно-целевого подхода к информатизации общества необходимо учитывать отрицательные стороны данного процесса, а также разрабатывать и проводить мероприятия по снижению их отрицательного воздействия.

Литература

1. Государственная программа «Информационное общество (2011 – 2020 годы)», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 г. № 313. Режим доступа: http://minsvyaz.ru/ru/documents/4137 (дата обращения: 05.11.2015).

2. Государственная программа Кемеровской области «Информационное общество Кузбасса» на 2014 – 2017 годы, утвержденная постановлением Коллегии Администрации Кемеровской области от 19 сентября 2014 г. № 367. Режим доступа: http://dit42.ru/program.asp?C1=On&n=14 (дата обращения: 07.11.2015).

3. Закон Кемеровской области от 12 декабря 2014 г. № 118-ОЗ «Об областном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов». Режим доступа: http://www.ofukem.ru/content/blogsection/29/152/ (дата обращения: 06.01.2016).

4. Закон Кемеровской области от 8 июля 2015 года № 70-ОЗ «Об исполнении областного бюджета на 2014 год». Режим доступа: http://www.ofukem.ru/content/blogsection/29/152/ (дата обращения: 06.01.2016).

5. Закон Кемеровской области от 8 декабря 2015 г. «Об областном бюджете на 2016 год». Режим доступа: http://www.ofukem.ru/content/blogsection/29/152/ (дата обращения: 06.01.2016).

6. Калашникова Р. В., Попов. С. А. Электронное правительство России: текущее состояние и причины отставания от международного опыта // ЭГО: Экономика. Государство. Общество. 2015. № 1. Режим доступа: http://ego.uapa.ru/ru/issue/2015/01/02/ (дата обращения: 10.01.2016).

7. Лисичкин В. А., Вирин В. А. Формирование информационного общества: проблемы и перспективы: монография. М.: ИСПИ, 2008. 272 с.

8. Пояснительная записка о результатах реализации государственной программы Кемеровской области «Информационное общество Кузбасса» на 2014 – 2017 годы за 2014 год и за 1 полугодие 2015 года. Режим доступа: http://dit42.ru/program.asp?C1=On&n=14 (дата обращения: 08.01.2016).

9. Ракитов А. И. Философия компьютерной революции. М: Директ-Медиа, 2013. 291 с.

10. Сединкин М. А. Возможности применения зарубежного опыта формирования электронного правительства в России // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 3. Режим доступа: http://e.lanbook.-com/view/journal/135578/ (дата обращения: 20.01.2016).

11. Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014 – 2020 годы и на перспективу до 2025 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2013 г. № 2036-р. Режим доступа: http://government.ru/docs/8024/ (дата обращения: 05.11.2015).

Информация об авторе:

Ашмарова Ольга Викторовна – магистрант кафедры финансов и кредита Кемеровского государственного университета, olga_ashmarova@mail.ru.

(Научный руководитель: *Федулова Елена Анатольевна* – доктор экономических наук, профессор кафедры финансы и кредит КемГУ, fedulovaea@mail.ru).

POSITIVE AND NEGATIVE ASPECTS OF TARGET-ORIENTED APPROACH TO THE INFORMATIZATION OF THESOCIETY IN KEMEROVO REGION

Olga V. Ashmarova [1, @]

Received 18.02.2016
Accepted 30.05.20106

[1] *Kemerovo State University*
[@] *olga_ashmarova@mail.ru*

Keywords:
target-oriented approach, targeted programs, performance evaluation, information society, e-government, Kemerovo region.

Abstract: The paper reflects the practice of a target-oriented approach to the informatization of the ociety in Kemerovo region. The author considers world experience and effect of realization of a target-oriented approach to the informatization of the Russian society on the whole. Particular attention is paid to the government program “Informational society of Kuzbass”, 2014-2017. The paper analyzes a method of evaluation of the program. The author studies the current performance of its realization. Positive and negative aspects of the practice of a target-oriented approach to the informatization of the society constitute the research result. Besides, negative aspects are considered as areas for further improvement of the process. They include methodological and practical aspects of target-oriented approach to the informatization of the society and evaluation of its effectiveness.

For citation: Ashmarova O. V. Polozhitel'nye i otritsatel'nye storony primeneniia programmno-tselevogo podkhoda informatizatsii obshchestva v Kemerovskoi oblasti [Positive and negative aspects of target-oriented approach to the informatization of the society in Kemerovo region]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki – Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic sciences,* no. 1 (2016): 30 – 38.

References

1. *Gosudarstvennaia programma «Informatsionnoe obshchestvo (2011 – 2020 gody)»* [State program "Information Society (2011 – 2020"]. Approved by Resolution of the Russian Government dated 15.04.2014, no. 313. Available at: http://minsvyaz.ru/ru/documents/4137 (accessed 05.11.2015).

2. *Gosudarstvennaia programma Kemerovskoi oblasti «Informatsionnoe obshchestvo Kuzbassa» na 2014 – 2017 gody* [State program of the Kemerovo Region "Kuzbass Information Society" for 2014 – 2017]. Approved by the Board of Ad-

ministration of Kemerovo region on September 19, 2014 no. 367. Available at: http://dit42.ru/program.asp?C1=On&n=14 (accessed 07.11.2015).

3. *Zakon Kemerovskoi oblasti ot 12 dekabria 2014 g. № 118-OZ «Ob oblastnom biudzhete na 2015 god i na planovyi period 2016 i 2017 godov».* [The law of the Kemerovo region from December 12, 2014 no. 118-OZ "On the regional budget for 2015 and the planning period of 2016 and 2017"]. Available at: http://www.ofukem.ru/content/blogsection/29/152/ (accessed 06.01.2016).

4. *Zakon Kemerovskoi oblasti ot 8 iiulia 2015 goda № 70-OZ «Ob ispolnenii oblastnogo biudzheta na 2014 god»* [The Law of the Kemerovo region from July 8, 2015 № 70-OZ "On the execution of the regional budget for 2014"]. Available at: http://www.ofukem.ru/content/blogsection/29/152/ (accessed 06.0.2016).

5. *Zakon Kemerovskoi oblasti ot 8 dekabria 2015 g. «Ob oblastnom biudzhete na 2016 god»* [The Law of the Kemerovo region of 8 December 2015 "On the regional budget for 2016"]. Available at: http://www.ofukem.ru/content/-blogsection/29/152/ (accessed 06.01.2016).

6. Kalashnikova R. V., Popov. S. A. Elektronnoe pravitel'stvo Rossii: tekushchee sostoianie i prichiny otstavaniia ot mezhdunarodnogo opyta [Electronic government of Russia: current status and the reasons for the backlog of international experience]. *EGO: Ekonomika. Gosudarstvo. Obshchestvo – The economy. The state. Society*, no. 1 (2015). Available at: http://ego.uapa.ru/ru/issue/2015/01/02 (accessed 10.01.2016).

7. Lisichkin V. A., Virin V. A. *Formirovanie informatsionnogo obshchestva: problemy i perspektivy* [Formation of the Information Society: Problems and Prospects]. Moscow: IPSI, 2008, 272.

8. *Poiasnitel'naia zapiska o rezul'tatakh realizatsii gosudarstvennoi programmy Kemerovskoi oblasti «Informatsionnoe obshchestvo Kuzbassa» na 2014 – 2017 gody za 2014 god i za 1 polugodie 2015 goda.* [The explanatory note of the results of the state program of the Kemerovo Region "Kuzbass Information Society" for 2014 – 2017 in 2014 and the 1st half of 2015]. Available at: http://dit42.ru/program.asp?C1=On&n=14 (accessed 08.01.2016).

9. Rakitov A. I. *Filosofiia komp'iuternoi revoliutsii* [Computer revolution philosophy]. Moscow: Direkt-Media, 2013, 291.

10. Sedinkin M. A. Vozmozhnosti primeneniia zarubezhnogo opyta formirovaniia elektronnogo pravitel'stva v Rossii [The possibilities of application of foreign experience of building e-government in Russia]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 1: Regionovedenie: filosofiia, istoriia, sotsiologiia, iurisprudentsiia, politologiia, kul'turologiia – Bulletin of the Adygeya State University. Series 1: Area Studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies*, no. 3 (2011). Available at: http://e.lanbook.com/view/journal/135578/ (accessed 20.01.2016).

11. *Strategiia razvitiia otrasli informatsionnykh tekhnologii v Rossiiskoi Federatsii na 2014 – 2020 gody i na perspektivu do 2025 goda, utverzhdennaia rasporiazheniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 1 noiabria 2013 g. № 2036-r.* [The development strategy of the IT industry in the Russian Federation for 2014 – 2020 years, and up to 2025, approved by the Federal Government on November 1, 2013 no. 2036-p]. Available at: http://government.ru/docs/8024/ (accessed 05.11.2015).

УДК 331.5

ЗАНЯТОСТЬ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ В 2000 – 2014 гг.: УРОВЕНЬ, ДИНАМИКА, ГИБКОСТЬ

Е. Я. Варшавская [1, @]

Поступила в редакцию 03.03.2016
Принята к печати 23.05.2016

[1] *Высшая школа экономики (г. Москва)*
[@] *evarshavskaya@hse.ru*

Ключевые слова:
рынок труда, занятость, промышленность, гибкость рынка труда.

Аннотация: В статье выполнен анализ основных тенденций занятости в промышленности России в 2000 – 2014 гг., охарактеризованы механизмы адаптации занятости к кризисным условиям. Показано, что для занятости в промышленности характерна устойчивая тенденция сокращения рабочих мест на фоне роста числа и доли занятых в неформальном секторе. Установлено, что занятость в промышленности демонстрирует более выраженную гибкость численности по сравнению с занятостью в других видах экономической деятельности. Основными механизмами адаптации занятости к кризису в промышленности выступают добровольные увольнения при существенно ограниченном найме, использование режимов вынужденной неполной занятости, снижение реальной заработной платы.

Для цитирования: Варшавская Е. Я. Занятость в промышленности России в 2000 – 2014 гг.: уровень, динамика, гибкость // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2016. № 1. С. 39 – 45.

Промышленность имеет огромное значение для экономики. Её развитие обеспечивает инновации, рост производительности труда, диверсифицированный экспорт, повышение уровня жизни населения. В статье анализируются основные тенденции занятости в промышленности России в 2000 – 2014 гг., характеризуются ключевые механизмы гибкости занятости в этой сфере. В рамках данной работы промышленность включает деятельность предприятий, которые в соответствии с Общероссийским классификатором видов экономической деятельности (ОКВЭД) относятся к одному из следующих разделов: добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды. Эмпирической основой анализа выступают статистические данные и информация Росстата, а также результаты исследований НИУ «Высшая школа экономики».

Уровень и динамика занятости в промышленности

В российской статистике существует два источника данных о численности занятых (общей и в разрезе видов экономической деятельности). Это Обследование населения по проблемам занятости (ОНПЗ), которое проводится Росстатом, и оценки баланса трудовых ресурсов (БТР), которые строятся на основе данных из нескольких источников (ОНПЗ, отчетность предприятий, информация ФМС и т. д.). Они основываются на разных методологических принципах и охватывают не во всём совпадающие сегменты рынка труда (например, ОНПЗ отражает численность всей, тогда как БТР только гражданской рабочей силы, ОНПЗ не учитывает временных трудовых мигрантов, а БТР их учитывает и т. д.). В результате между показателями, строящимися на их основе, наблюдаются некоторые количественные расхождения.

На рис. 1 представлены альтернативные оценки среднегодовой численности занятых в промышленности в течение 2000 – 2014 гг.

Общее число занятых в промышленности, рассчитываемое *на основе БТР*, в 2000 – 2010-е гг. неуклонно снижалось – с 15,3 млн чел. в 2000 г. до 12,9 млн человек в 2014 г. Сокращение числа работников составило 2,4 млн человек, или 16 %. Наиболее серьезные потери понесла обрабатывающая промышленность, численность работающих в которой уменьшилась на 20 % (с 12,3 млн до 9,9 млн). Занятость в добывающей промышленности снизилась незначительно – всего лишь на 4,1 %. Численность работающих в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды даже слегка выросла – на 1,5 %.

Ежегодные темпы сокращения занятости были небольшими – 1 – 2 %. Исключение составил кризисный 2009 г., в котором число работающих в промышленности в целом упало на 5,1 %, а на предприятиях обрабатывающих производств – на 7,1 %. В результате на один этот год приходится третья часть всего совокупного 15-летнего снижения численности занятых.

Согласно ОНПЗ, число работающих в промышленности снижалось до 2010 г., в том числе в кризисном 2009 г. отрасль потеряла 6,1 % своих работников, а численность занятых в обрабатывающих производствах сократилась на 9,6 %. Начиная с 2010 г. данные ОНПЗ показывают стабилизацию числа работающих в промышленности.

Оценки по БТР несколько сглаживают колебания в занятости по сравнению с данными ОНПЗ. Отметим также, что разрыв между ними постепенно увеличивается. Тем не менее общая динамика оказывается сходной: монотонное снижение до кризиса 2008 – 2009 гг., существенное падение в кризисный период и последующая стабилизация на новом уровне. В целом эластичность занятости по численности в промышленности в 2009 г. составила 0,55 (по БТР) и 0,66 (по ОНПЗ), превысив аналогичный показатель по экономике в 2,5 раза (0,24) [1, с. 95]. Складывается впечатление, что собственники и топ-менеджмент промышленных предприятий, несмотря на имеющиеся сложности, используют кризисную ситуацию для оптимизации численности работников.

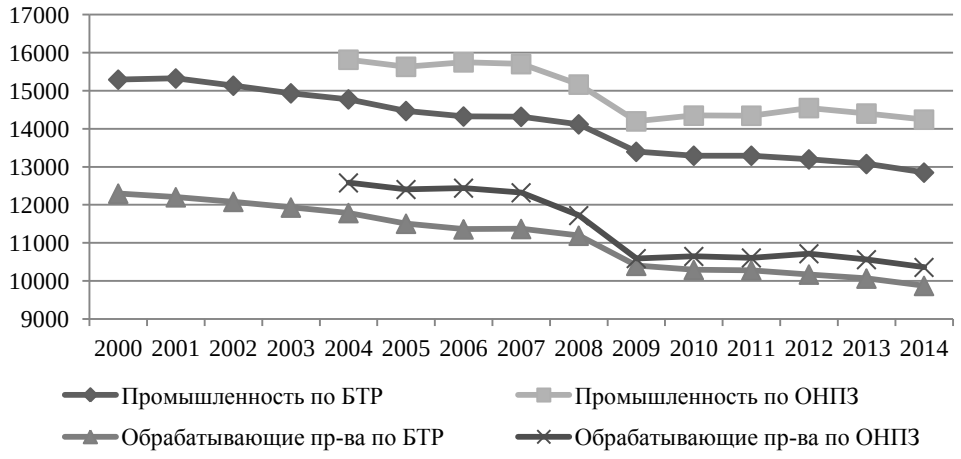


Рис. 1. ***Численность занятых в промышленности РФ по БТР и ОНПЗ, 2000 – 2014 гг., тыс. человек***
Fig. 1. ***The number of people employed in the industry in Russia: the data of the Labour force balance and the Population employment survey, 2000 – 2014, thousand people***

На рис. 2 представлено соотношение динамики численности занятых в промышленности с объемами производства. За 2000 – 2014 гг. объем промышленного производства вырос почти на две трети (62,5 %), в том числе в обрабатывающих производствах – на 77,8 %. Кризисный спад 2009 г., который в промышленности составил 9,3 %, а на обрабатывающих предприятиях – 15,2 %, был преодолен в 2011 г. Однако сокращение числа рабочих мест наблюдалось как на фоне роста объемов промышленного производства, так и в условиях его кризисного падения, что свидетельствует об устойчивой тенденции снижения спроса на труд в этой отрасли.

Рис. 2. ***Динамика объемов производства и численности занятых в промышленности (по БТР), 2000 – 2014 гг. (2000 г. = 100 %)***
Fig. 2. ***The dynamics of the volumes of production anf the number of people employed in the industry (the data of the Labour force balance), 2000 – 2014 (2000 = 100 %)***

Следует подчеркнуть, что по данным Мониторинга деловой активности промышленных предприятий, несмотря на снижение числа работающих большинство руководителей (83 – 86 %) отмечали в 2010 – 2013 гг., что численность работников на их предприятиях соответствует фактическому объему производства [5, с. 17]. Общая оптимальность численности может сочетаться как с избытком, так и с недостатком работников по отдельным профессиональным группам. Примером этого являются заявления руководителей предприятий о дефиците квалифицированных рабочих. По данным того же Мониторинга около четверти руководителей называют недостаток квалифицированных рабочих в числе факторов, ограничивающих рост производства [5, с. 12]. Однако во многом дефицит рабочей силы является функцией относительной низкой заработной платы, а не следствием физического недостатка работников на местном рынке труда [4, с. 22].

Деформализация занятости в промышленности

Согласно оценкам БТР, численность работающих в организациях, то есть в корпоративном (формальном) секторе, за анализируемый период сократилась с 14,2 млн до 10,0 млн чел. – на 4,2 млн человек (на 29,3 %). Число занятых в организациях обрабатывающих производств уменьшилось более чем на треть (35,2 %), на

предприятиях, добывающих полезные ископаемые – на 13,7 %, в организациях, производящих и распределяющих электроэнергию, воду и газ – на 3,2 %. Таким образом, масштабы сокращения занятости в корпоративном секторе существенно превосходили снижение занятости в промышленности в целом. Мы наблюдаем своеобразные «ножницы» между двумя индикаторами занятости в промышленности – общей и в корпоративном секторе (рис. 3). За период 2000 – 2014 гг. разрыв между этими показателями, который по сути представляет собой оценку занятости в неформальном секторе, увеличился с 1,1 млн до 2,8 млн человек. В результате, если в 2000 – 2002 гг. в неформальном секторе было занято 7 – 9 % всех работающих в промышленности, то через десятилетие, в 2010 – 2014 гг. – уже каждый пятый (21 – 22 %). Следует отметить, что определение размеров занятости в неформальном секторе на основе данных БТР путем сравнения численности всех занятых с числом работающих в организациях (юридических лицах) дают её верхнюю (максимальную) оценку. ОНПЗ определяет численность работников неформального сектора на основе ответов респондентов на ряд вопросов анкеты (о месте их работы, организационно-правовом статусе предприятия и др.). Результаты ОНПЗ дают более низкие значения числа работающих в этом секторе (приблизительно на треть), однако демонстрируют аналогичную тенденцию увеличения его масштабов в 2000 – 2010-е гг.

Таким образом, в промышленности, как и в российской экономике в целом, наблюдается процесс деформализации занятости, то есть перемещение работников из формального (корпоративного) сектора в неформальный (некорпоративный).

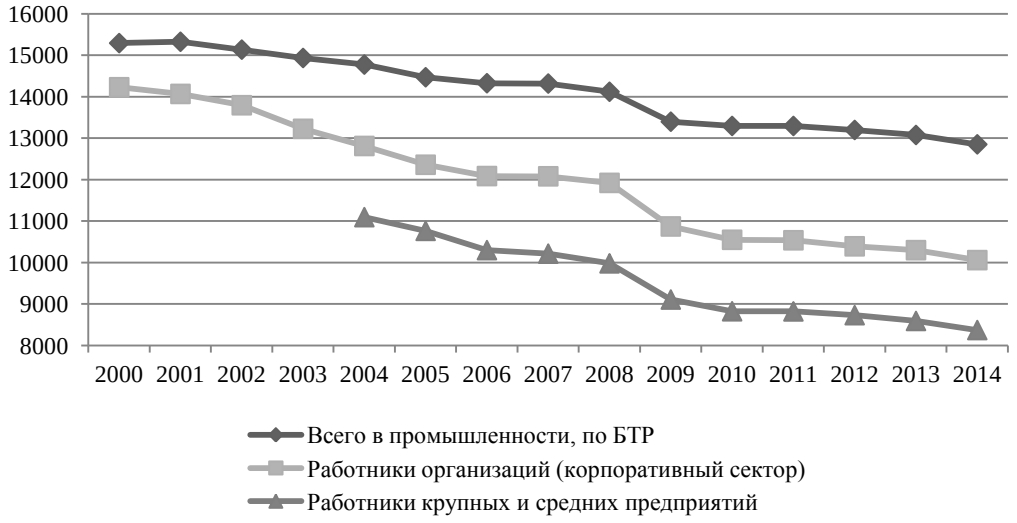


Рис. 3. ***Численность занятых в корпоративном (формальном) и неформальном секторах промышленности РФ, 2000 – 2014 гг., тыс. человек***
Fig. 3. ***The number of people employed in the corporate (formal) and the informal sectors of the industry in Russia, 2000 – 2014, thousand people***

Такая экспансия неформальности в российской экономике, в том числе в промышленности, определяется не столько структурой предложения труда, когда у работников отсутствует необходимый человеческий капитал – образование, квалификация и опыт, востребованный для работы в формальном секторе, сколько ограниченным спросом на труд в корпоративном секторе. Как пишут И. Б. Воскобойников и В. Е. Гимпельсон, «он активно подавляется самим государством через избыточное и непредсказуемое регулирование с непереносимым для компаний административно-надзорным бременем. Формальная занятость сокращается, экономическая активность вытесняется «в тень», куда вход намного проще и где издержки регулирования значительно ниже, но и производительность труда тоже крайне мала» [2, с. 42].

Механизмы адаптации («подстройки») занятости

Гибкость численности. Динамика годовых коэффициентов найма и выбытия в экономике в целом и в промышленности отражена на рис. 4. В течение 2001 – 2014 гг. выбытие всегда превышало наем, следствием чего являлось сокращение занятости в сегменте крупных и средних предприятий. (В российской статистике данные об обороте рабочей силы собираются только по крупным и средним предприятиям).

Российская промышленность, как и в целом экономика страны, характеризуется значительными масштабами оборота рабочей силы. Валовой коэффициент оборота рабочей силы в 2001 – 2008 гг. составлял 63 – 66 %. Коэффициент найма до 2009 г. находился в пределах 29 – 32 %, коэффициент выбытия – 30 – 35 %. Учитывая тот факт, что доля работников со стажем менее одного года не превышает 10 %, можно предположить, что примерно треть нанятых закреплялась на предприятиях, две трети долго не задерживались и заменялись новыми.

Обратим особое внимание на ситуацию 2009 г.: в условиях экономического кризиса коэффициент выбытия по сравнению с 2008 г. не только не увеличился (как это можно было ожидать), а даже несколько снизился (с 35,6 % до 32,8 %), наем же уменьшился по сравнению с 2008 г. на 6,6 п. п. – с 29,8 % (уровня, на котором он держался на протяжении почти 10 лет) до рекордно низких 23,2 %. Такой выбор предприятий – сокращение занятости не через активизацию увольнений, а через замедле-

ние найма – можно объяснить высокими издержками проведения вынужденных увольнений. Эти издержки, во-первых, определяются нормами Трудового кодекса РФ. Во-вторых, они увеличиваются сверх этого в результате оказания на предприятия неформального давления со стороны региональных властей. Так, в администрациях многих субъектов РФ были созданы антикризисные штабы, с которыми руководители предприятий должны были согласовывать увольнения работников, а центрам занятости было предписано принимать от организаций уведомления о планируемых сокращениях только после их одобрения такими штабами. И всё же доля вынужденных увольнений в течение 2008 – 2009 гг. выросла: в обрабатывающих производствах – с 4,1 % до 11,6 %, в добыче полезных ископаемых – с 3,8 % до 8,5 %, в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды – с 6,6 % до 7,6 %. Однако, несмотря на этот рост, очевидно, что основным механизмом кризисного «сброса» занятости в промышленности выступали добровольные увольнения при «полузамороженном» найме.

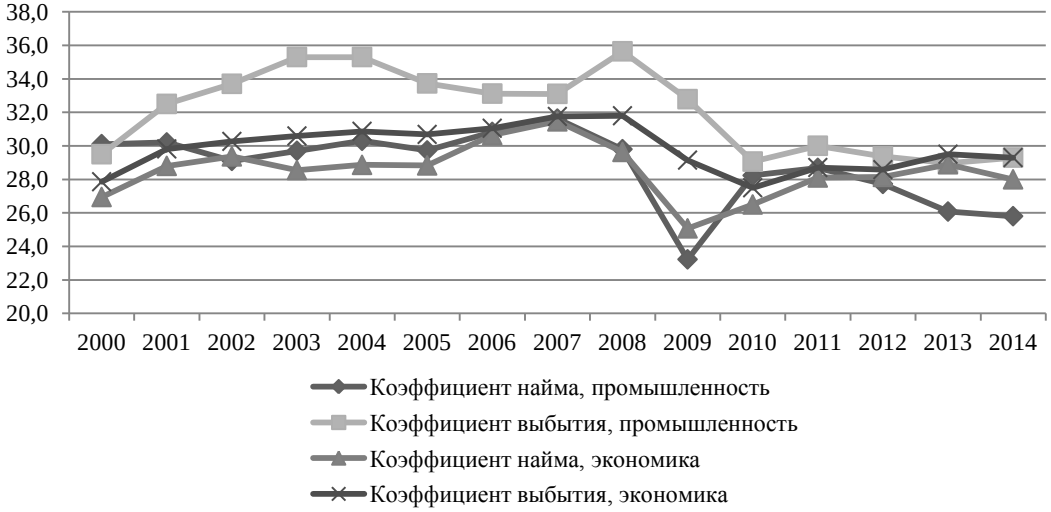


Рис. 4. ***Показатели движения рабочей силы в экономике и в промышленности, 2000 – 2014 гг., в процентах***
Fig. 4. ***The indicators of labour force dynamics in the economy and in the industry, 2000 – 2014, percent***

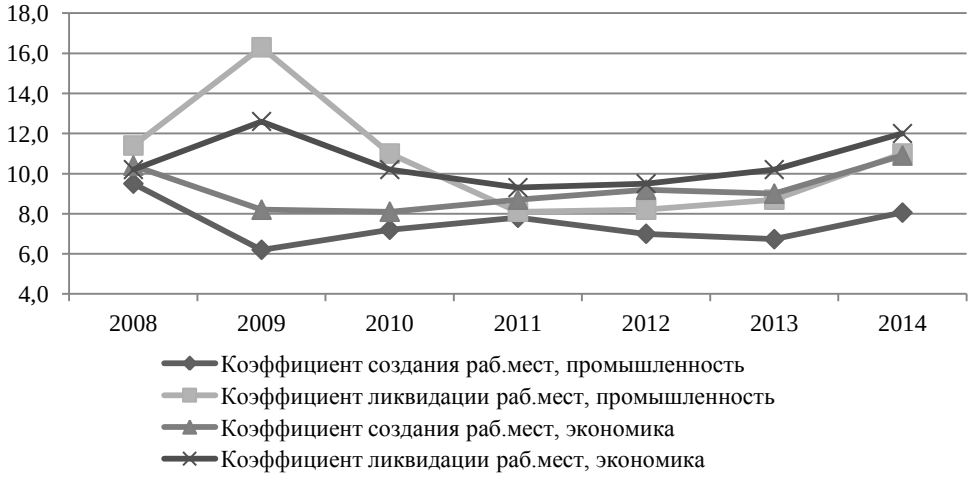


Рис. 5. ***Коэффициенты создания и ликвидации рабочих мест в экономике в целом и в промышленности, 2008 – 2014 гг., в процентах***
Fig. 5. ***Indicis of creation and termination of work places in the economy in general and in the industry, 2008 – 2014, percent***

С 2010 г. показатели найма и выбытия начали восстанавливаться, но так и не вернулись к своим прежним значениям. Результатом стало некоторое замедление интенсивности движения рабочей силы до уровня 55 – 58 %. Следует согласиться с мнением Р. И. Капелюшникова и А. Ю. Ощепкова, которые считают, что возможными причинами этого могло стать старение российской рабочей силы, а также более осторожный подход менеджмента предприятий к найму новых работников и более тщательный их подбор [7, с. 28].

Частью движения рабочей силы является оборот рабочих мест, который характеризует процессы их создания и ликвидации. В среднем за год в секторе крупных и средних промышленных предприятий, по которым собирается статистика об обороте рабочих мест, создавалось около 590 – 680 тыс. рабочих мест, а масштаб ликвидации варьировался от 1,5 млн в кризисном 2009 г. до 720 –

755 тыс. в посткризисные 2011 – 2013 гг. В год кризиса интенсивность создания рабочих мест уменьшилась, а ликвидации возросла (рис. 5). При этом в экономике в целом увеличение второй (на 2,4 п. п. относительно уровня 2008 г.) было чуть сильнее, чем снижение первой (на 2,2 п. п). Более выраженная асимметрия процессов создания-ликвидации рабочих мест наблюдалась в промышленности, где соответствующие изменения были намного резче – 5 п. п. и 3 п. п. соответственно. Однако и во все последующие посткризисные годы масштабы ликвидации рабочих мест превышали размеры их создания. В целом динамика показателей создания и в экономике, и в промышленности была более плавной и инерционной, чем у показателей ликвидации.

Отмеченное превышение темпов ликвидации рабочих мест над темпами их создания означает продолжение долговременной тенденции свертывания занятости в секторе крупных и средних предприятий и перераспределения её в пользу той части экономики, которая находится вне его. Этот тренд сформировался ещё в 1990-е гг. Общее число рабочих мест в секторе крупных и средних предприятий сократилось за 2008 – 2014 гг. на 3,8 млн, в том числе в промышленности – на 1,6 млн. Причем более половины (54 %) этих потерь в промышленности и 42 % в экономике в целом пришлось на кризисный 2009 год.

Разность между валовым оборотом рабочей силы (то есть суммой всех наймов и выбытий) и валовым оборотом рабочих мест позволяет определить ещё один индикатор перераспределительных процессов – так называемый «холостой» оборот рабочей силы. Он показывает, какая часть перемещений работников не была продиктована перераспределением рабочих мест между предприятиями и осуществлялась независимо от него. «Холостой» оборот экономически не бессмыслен, так как обеспечивает более точное соответствие между качественными характеристиками рабочих мест и работниками. Однако избыточный оборот увеличивает издержки предприятий на наем персонала [3]. В промышленности доля «холостого» оборота составляла 65 – 73 % за исключением кризисного 2009 г., когда она снизилась до 60 %.

Гибкость рабочего времени. На протяжении 2000 – 2010-х гг. продолжительность рабочего времени в промышленности оставалась практически неизменной, находясь в пределах 1705 – 1715 часов в год. Исключение составляет 2009 г., когда количество отработанных часов сократилось в промышленности по сравнению с 2007 г. на 107 час (на 6,1 %), а в обрабатывающих производствах – на 135 час (на 7,8 %). Уменьшение часов работы было связано с активным использованием предприятиями в кризисных условиях режимов вынужденной неполной занятости. Пик в использовании механизмов временной гибкости пришелся на весну 2009 г. Так, в апреле и мае 2009 г. каждый пятый работник обрабатывающих производств был занят неполный рабочий день/неделю или находился в административном отпуске. С учетом находившихся в отпусках по собственному желанию, которые, как показывает практика, работники нередко вынуждены брать под давлением руководителей предприятия, эта доля возрастает до четверти. По мере снижения остроты кризисной ситуации сокращались и масштабы вынужденной неполной занятости. В результате уже в следующем 2010 г. продолжительность рабочего времени вернулась к докризисным значениям.

Гибкость заработной платы. От количественных характеристик занятости (численности работающих, продолжительности рабочего времени) перейдем к её ценовому измерению – оплате труда. До 2009 г. годовые темпы прироста номинальной заработной платы работников промышленности составляли 21 – 28 %, в кризисный 2009 г. упали до 6 %. В 2010 г. они выросли до 14 %, демонстрируя далее признаки замедления (в 2013 г. – 10 %, 2014 г. – 9 %). Реальная потребительская зарплата (т. е. дефлированная по индексу потребительских цен) росла тоже весьма заметными темпами – в 2001 – 2008 гг. на 9 – 12 % в год. В 2009 г. реальная зарплата упала на 2,5 % в промышленности в целом, в том числе на 5 % в обрабатывающих производствах. С 2010 г. рост её продолжился, хотя и более медленными и затухающими темпами: 7,2 % в 2011 г., 5,2 % в 2012 г., 3,1 % в 2013 г. В 2014 г. было вновь зафиксировано снижение реальной заработной платы в промышленности (на 2,1 %), связанное в первую очередь с высокими темпами инфляции.

Динамика потребительской реальной заработной платы отражает изменение покупательной способности зарплат с точки зрения работников. Более точное представление о ситуации на рынке труда дает производительская реальная зарплата, поскольку спрос фирм на рабочую силу определяется именно ею. Последняя рассчитывается путем корректировки номинальной зарплаты на индекс цен производителей. Соотношение же динамики производительской реальной зарплаты с динамикой производительности труда дает представление об удорожании/удешевлении рабочей силы для работодателей. Расчеты, выполненные Р. И. Капелюшниковым и А. Ю. Ощепковым, показали, что за период 2005 – 2013 гг. кумулятивный прирост и производительской реальной зарплаты, и производительности труда в промышленности составил практически одинаковую величину – около 50 % [7, с. 38]. Это означает, что у нас нет оснований говорить об удорожании рабочей силы в этот период: в 2012 – 2013 гг. рабочая сила обходилась промышленным предприятиям не дороже (в относительном выражении), чем в середине 2000-х гг.

Анализ занятости в сфере российской промышленности в 2000 – 2014 гг. позволяет сделать несколько ***выводов***. На фоне экономического роста в промышленности и, в первую очередь, в обрабатывающих производствах, сложилась устойчивая тенденция сокращения числа рабочих мест, что свидетельствует о сокращении спроса на труд.

В российской промышленности, как и в экономике в целом, наблюдается тенденция роста числа и доли занятых в неформальном секторе. Если для сферы услуг (особенно в торговле, гостиничном и ресторанном бизнесе, домашних и личных услугах и т. п.) рост занятости в некорпоративном секторе в определенной мере можно оценить как явление, объективно обусловленное особенностями труда в этой сфере, то для промышленного производства это не так. Деформализация занятости в промышленности не способствует её модернизации и росту производительности труда.

Интенсивный оборот рабочей силы, типичный для российских промышленных предприятий, делает невыгодными инвестиции в обучение и подготовку работников. Фактический охват работников обучением невелик, при этом он сочетается с короткой продолжительностью

учебных программ и сопровождается незначительными расходами на эти цели [8, с. 468 – 471; 10].

В промышленности отмечается относительно низкая интенсивность реаллокации рабочих мест (особенно их создания). (*Прим. автора:* Статистика о создании и ликвидации рабочих мест, как и об обороте рабочей силы, собирается только по крупным и средним предприятиям. Как следствие, с учетом сектора малого предпринимательства, в котором эти процессы проходят более интенсивно, показатели движения работников и рабочих мест могут быть выше). При этом значительная часть межфирменных перемещений работников не связана с движением рабочих мест, принимая тем самым характер «холостого» оборота.

Если занятость в промышленности постепенно и неуклонно сокращалась, то средняя заработная плата быстро росла. Такая разнонаправленная динамика количественных и ценовых показателей соответствует общей логике функционирования российского рынка труда. Адаптация занятости к негативному шоку кризиса 2008 – 2009 гг. шла в промышленности практически в равной мере и через сокращение численности, и через уменьшение рабочего времени, и через снижение заработной платы, прежде всего реальной [1, с. 95]. Таким образом, в условиях кризиса занятость в промышленности показала гораздо более выраженную гибкость численности по сравнению с занятостью в других видах экономической деятельности.

Что год 2016 готовит промышленности? Каким образом в условиях стагнации промышленного производства будет происходить оптимизация издержек и подстройка занятости? С одной стороны, в 2015 г. на арену вышли традиционные для российской модели рынка труда механизмы адаптации. В течение всего 2015 г. происходило снижение реальной заработной платы, прежде всего в результате её инфляционного обесценения. По расчетам автора, реальная зарплата в промышленности сократилась на 4,7 %. Увеличились и масштабы работы в режимах вынужденной неполной занятости. По данным Росстата в 4 квартале 2015 г. 3,4 % работников крупных и средних предприятий обрабатывающих производств работали неполное рабочее время, 4,4 % находились в простое, каждый шестой (16,9 %) имел отпуск без сохранения заработной платы по заявлению работника [9, с. 218]. С другой стороны, текущий экономический кризис может ускорить процесс уменьшения числа работающих на промышленных предприятиях, как это уже было в 2009 г. Об этом говорят и результаты последних предпринимательских опросов, согласно которым «у части предпринимателей резервы и терпение на дальнейшее применение … схемы оптимизации издержек за счет уменьшения фонда оплаты труда заканчиваются. И, начиная примерно с конца прошлого года (*Прим. автора*: речь идет о 2015 годе*)* усилился процесс реального сокращения персонала» [6, с. 10 – 11]. Вероятнее всего, процессы сокращения численности затронут в первую очередь малоквалифицированных рабочих и рядовых специалистов, а также могут привести к росту неформального сектора.

Литература

1. Варшавская Е.Я. Российский рынок труда и экономический кризис 2008 – 2009 гг.: время упущенных возможностей? // Вестник Омского университета. (Серия: Экономика). 2012. № 3. С. 91 – 96.

2. Воскобойников И. Б., Гимпельсон В. Е. Рост производительности, структурные сдвиги и неформальная занятость в российской экономике: препринт WP3/2015/04. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.

3. Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И., Жихарева О. Б. Движение рабочих мест: что говорит российская статистика // Вопросы экономики. 2014. № 7. С. 93 – 126.

4. Гимпельсон В. Е. Предприятия обрабатывающей промышленности на рынке труда: индикаторы приспособления: препринт WP3/2010/01. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010.

5. Деловой климат в промышленности в декабре 2014 г. М.: НИУ ВШЭ, 2015.

6. Деловой климат в промышленности в январе 2016 г. М.: НИУ ВШЭ, 2016.

7. Капелюшников Р. И., Ощепков А. Ю. Российский рынок труда: парадоксы посткризисного развития: препринт WP3/2014/04. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.

8. Российский работник: образование, профессия, квалификация / под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшникова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.

9. Социально-экономическое положение России: январь 2016 года. М.: Росстат, 2016.

10. Травкин П. В. Вовлеченность сотрудников в программы дополнительного профессионального обучения в России // Вестник Воронежского государственного университета. (Серия: Экономика и управление). 2014. № 2. С. 33 – 41.

Информация об авторе:

Варшавская Елена Яковлевна **–** доктор экономических наук, профессор кафедры управления человеческими ресурсами факультета бизнеса и менеджмента Высшей школы экономики (г. Москва), evarshavskaya@hse.ru.

EMPLOYMENT IN THE RUSSIAN INDUSTRY OVER THE PERIOD OF 2000 – 2014: LEVEL, DYNAMICS, FLEXIBILITY

***Elena. Ya. Varshavskaya*[1, @]**

Received 03.03.2016
Accepted 23.05.2016

[1] *Higher School of Economics*
[@] *evarshavskaya@hse.ru*

Keywords:
labor market, employment, industry, labor market flexibility.

Abstract: The paper discusses how employment in the Russian industry evolved over the period of 2000 – 2014. It starts with tracing one of the key labor market indicators: the level and dynamics of employment. Total employment in the Russian industry and employment in firms and enterprises (i.e. in the formal sector) declined over the whole period of 2000 – 2014. But employment in the informal sector was on the rise. The reallocation of labor into informality reduces productivity and growth. Then the author analyzes how the Russian industrial enterprises adapted to the output fall during the 2008 – 2009 economic crisis. Firms did this in three major ways. First, Russian firms froze new hires without active use of involuntary labor shedding. The second way is cutting working hours as firms shifted their personnel into administrative leaves or into short-time work. The third way is flexible wages.

For citation: Varshavskaya E. Ya. Zaniatost' v promyshlennosti Rossii v 2000 – 2014 gg.: uroven', dinamika, gibkost' [Employment in the Russian industry over the period of 2000 – 2014: level, dynamics, flexibility]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki – Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic sciences,* no. 1 (2016): 39 – 45.

References

1. Varshavskaia E. Ia. Rossiiskii rynok truda i ekonomicheskii krizis 2008 – 2009 gg.: vremia upushchennykh vozmozhnostei? [Russian labor market and economic crisis of 2008-2009: time of the missed opportunities?]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriia: Ekonomika – Herald of Omsk University. Series: Economics,* no. 3 (2012): 91 – 96.
2. Voskoboinikov I. B., Gimpel'son V. E. *Rost proizvoditel'nosti, strukturnye sdvigi i neformal'naia zaniatost' v rossiiskoi ekonomike: preprint WP3/2015/04* [Growth of productivity, structural shifts and informal employment in the Russian economy: preprint WP3/2015/04]. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2015.
3. Gimpel'son V. E., Kapeliushnikov R. I., Zhikhareva O. B. Dvizhenie rabochikh mest: chto govorit rossiiskaia statistika [Movement of workplaces: what is told by the Russian statistics]. *Voprosy ekonomiki – Economic issues,* no. 7 (2014): 93 – 126.
4. Gimpel'son V. E. *Predpriiatiia obrabatyvaiushchei promyshlennosti na rynke truda: indikatory prisposobleniia: preprint WP3/2010/01* [The enterprises of manufacturing industry in labor market: adaptation indicators: preprint WP3/2010/01]. Moscow: Izd. dom GU VShE, 2010.
5. *Delovoi klimat v promyshlennosti v dekabre 2014 g.* [Business climate in the industry in December, 2014]. Moscow: NIU VShE, 2015.
6. *Delovoi klimat v promyshlennosti v ianvare 2016 g.* [Business climate in the industry in January, 2016]. Moscow: NIU VShE, 2016.
7. Kapeliushnikov R. I., Oshchepkov A. Iu. *Rossiiskii rynok truda: paradoksy postkrizisnogo razvitiia: preprint WP3/2014/04* [Russian labor market: paradoxes of post-crisis development: preprint WP3/2014/04]. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2014.
8. *Rossiiskii rabotnik: obrazovanie, professiia, kvalifikatsiia* [Russian worker: education, profession, qualification]. Ed. Gimpel'son V. E., Kapeliushnikov R. I. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2011.
9. *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Rossii: ianvar' 2016 goda* [Economic and social situation of Russia: January, 2016]. Moscow: Rosstat, 2016.
10. Travkin P.V. Vovlechennost' sotrudnikov v programmy dopolnitel'nogo professional'nogo obucheniia v Rossii [Involvement of employees into programs of an additional vocational education in Russia]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Ekonomika i upravlenie – Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and management,* no. 2 (2014): 33 – 41.

УДК 339.128/339.138

САЙТ ВУЗА: ИНСТРУМЕНТЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ АБИТУРИЕНТОВ

Н. В. Дмитриева [1, @]

Поступила в редакцию 08.02.2016
Принята к печати 23.05.2016.

[1] *Кемеровский институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова*
[@] dmitrievanv@yandex.ru

Ключевые слова:
сайт вуза, потребительское поведение, модель AIDA, инструменты привлечения абитуриентов.

Аннотация: В статье обосновывается актуальность проблемы привлечения абитуриентов, связанная с обострением конкуренции и меняющимся потребительским поведением в процессе выбора вуза. Автор рассматривает подходы к конструированию и наполнению сайтов вузов, к оценке их эффективности. Цель работы – систематизация инструментов привлечения абитуриентов с использованием модели AIDA. Проведен анализ более 50 сайтов российских вузов, в ходе которого рассмотрены и описаны такие инструменты привлечения, как лента новостей, специальный субдомен для абитуриентов, калькулятор ЕГЭ, онлайн-тестирование, виртуальный тур, специальные события и мероприятия вуза, кнопки интерактивного взаимодействия, инструменты стимулирования сбыта и другие. Системный подход к использованию описанных инструментов повышает эффективность сайта вуза в процессе воздействия на потребительское поведение.

Для цитирования: Дмитриева Н. В. Сайт вуза: инструменты привлечения абитуриентов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2016. № 1. С. 46 – 50.

Конкуренция на рынке образовательных услуг в сфере высшего образования в последние годы становится всё более интенсивной. Это обусловлено рядом объективных причин, к основным из которых можно отнести: снижение численности абитуриентов, ужесточение требований государства к вузам, снижение объемов финансирования вузов из федерального бюджета, введение правил приема по результатам ЕГЭ, дающим абитуриентам широкие возможности выбора вуза.

На последней из перечисленных причин необходимо остановиться подробнее. Новые правила приема существенно повлияли на поведение абитуриентов. Суть происходящего процесса пока ещё мало описана формально. Наиболее верно, на наш взгляд, её отражает И. Чириков, говоря о том, что «… в изменившихся условиях приема изменился и характер выбора. Вместо единичного акта выбора у абитуриентов наблюдаются минимум четыре стадии этого процесса, на каждой из которых абитуриент может менять свои изначально намеченные решения.

Первая стадия – когда школьник (или его родители) в старших классах примерно намечает какие-то ориентиры, уровень притязаний, определяя широкий набор вузов и программ подготовки.

Вторая – когда абитуриент выбирает предметы для сдачи ЕГЭ под конкретные направления и вузы.

Третья – когда он узнает результаты экзаменов и, исходя из этого, определяет набор вузов, куда будет подавать документы.

На четвертой стадии он узнает результаты зачисления и осуществляет, как мы это назвали, эффективный выбор между конкретными программами и вузами.

В результате процесс выбора становится довольно непредсказуемым, а на каждой стадии задействуются разные инструменты и типы информации» [6].

Вузы сегодня ведут настоящую борьбу за абитуриентов в стремлении увеличить как их количество, для того чтобы обеспечить набор на договорную форму обучения, так и «качество» в стремлении привлечь наиболее эрудированных и подготовленных. И в этой борьбе сайт вуза становится первым, зачастую главным, а иногда и единственным способом влияния на принятие решения о выборе не столько будущей профессии, сколько места её получения. Интернет для старшеклассников сегодня является преобладающим источником информации самого разного рода, в том числе и информации о вузах. «Преимущества web-сайта как инструмента обеспечения рекламы вузов очевидны – относительная дешевизна, огромная целевая аудитория, информационная мобильность, общедоступность» [1].

В этой связи в последние годы появляется все больше и больше работ отечественных ученых, в которых описываются подходы к конструированию и наполнению сайтов вузов, систематизируются основные показатели их эффективности, предлагаются методы и способы их оценки. Так, например, одним из главных характеристик любого сайта является Usability – характеристика степени пригодности для использования объекта потребления, как правило, она применяется к программному обеспечению, а в последнее время это одна из главных оценочных категорий (качеств) веб-ресурсов. В широком смысле usability характеризует простоту и эффективность использования, скорость выполнения объектом присущих ему функций, быстроту освоения пользователями и их удовлетворенность процессом и результатом работы. Кроме того, это качество может включать такие факторы, как безопасность, полезность и экономическую эффективность [11]. Большой интерес представляет работа Г. А. Никуловой, посвященная именно сайтам вузов, в которой «оценке подлежали две ключевые групповые характеристики usability, определяющие удобство, эффективность и информационную удовлетворенность посетителей ресурсов вузов: «Архитектура и навигация» и

«Планировка и дизайн» [8]. Д. А. Шевченко предлагает оценивать эффективность сайта вуза через такие параметры, как «дизайн, навигация, контент, интерактивность, видимость сайта в Интернете» [9]. Н. А. Стефанова при оценке сайта вуза рассматривает «две компоненты: эксплуатационную и техническую. Эксплуатационная составляющая учитывает качество исполнения сайта (дизайн, информационное наполнение и т. д.), техническая – качество применения различных инструментов интернет-маркетинга для привлечения и удержания посетителей сайта [5].

В последние годы в целях формирования критериев и разработки методологии построения сайта вуза проводятся конкурсы, составляются рейтинги сайтов учебных заведений. В контексте данной работы особый интерес представляют методы и процедуры, направленные на оценку не сайта в целом, а на степень его привлекательности и эффективность воздействия на абитуриентов. Так, ещё в 2003 г. по поручению Минобразования Институт системного анализа проблем мегаполисов провел исследование сайтов вузов с точки зрения адекватности удовлетворения одной из целевых аудиторий – абитуриентов. Проверка проводилась по пяти критериям – наличие на сайте вуза информации о: правилах приема; конкурсной ситуации в последние годы; образцах экзаменационных заданий; наличии общежития; возможности довузовской подготовки [10]. В 2008 г. был составлен агентством «Рейтор» рейтинг раскрытия информации для абитуриентов по московским вузам [3]. Оценки проводились по трем критериям: динамика новостей – вес 0,2; информация для абитуриента – вес 0,6; доступность информации для иностранных граждан – вес 0,2. С 2010 г. Общественной палатой России и РИА «Новости» в рамках совместного проекта «Показатели качества вузов» проводится мониторинг прозрачности для абитуриентов сайтов российских вузов. На первом этапе оценивались полнота предоставления обязательной информации для абитуриентов, определенной в нормативных документах Минобрнауки. На втором – оценивалась своевременная и однозначная публикация рейтинговых списков и рекомендованных к зачислению, с указанием сданного оригинала аттестата, необходимости в общежитии, участия абитуриента в других конкурсах, а также баллов по отдельным экзаменам [4].

Предметом данной работы является изучение одного из параметров сайта вуза – контента (содержания) в той его части, которая является привлекательной именно для абитуриентов и может привести к формированию интереса к конкретному вузу. В процессе оценки содержания сайтов были проанализированы интернет-ресурсы более 50 вузов РФ, что позволило выявить как наиболее популярные, так и достаточно оригинальные инструменты привлечения и удержания внимания абитуриентов.

Безусловно, главной задачей сайта вуза по отношению к абитуриентам является побуждение их к определенному действию – вступлению в группу вуза в социальной сети, звонку в приемную комиссию, визиту в вуз. В этом отношении представляется логичным для оценки эффективности сайта вуза как средства привлечения абитуриентов использовать широко известную в теории и практике маркетинга модель потребительского поведения AIDA (акроним от англ. AIDA – Attention, Interest, Desire, Action – внимание, интерес, желание, действие) [8], предложенную Э. Левисом в 1896 г. Суть состоит в том, что любое рекламное обращение должно привлечь внимание потенциального потребителя, затем вызвать его интерес, который перейдет в желание обладать товаром и, наконец, побудить к действию – покупке.

Применяя эту модель к поведению абитуриентов при знакомстве с сайтом института, мы полагаем, что наиболее эффективными будут те сайты, на которых использованы инструменты привлечения, позволяющие абитуриенту «пройти» весь путь от внимания к действию. В приведенной ниже таблице отражены основные инструменты привлечения абитуриентов на сайтах вузов, соотнесённые с четырьмя этапами потребительского поведения по модели AIDA.

Рассмотрим приведенные в таблице инструменты привлечения с точки зрения их способности решать поставленные задачи.

Привлечение внимания (Attention) является, пожалуй, самой важной задачей, так как все остальные задачи могут быть реализованы только в случае её успешного решения. Сегодня количество информации в сети растет в геометрической прогрессии, что приводит к её обесцениванию, легкости получения и, как следствие, легкости переключения между ресурсами. Поэтому при первом посещении сайта важно, чтобы нужная информация, интересная именно этой целевой аудитории сразу же бросилась в глаза, была яркой и легко воспринимаемой. В этом отношении выигрывают сайты тех вузов, на главных страницах которых центральное место отведено не ссылкам на нормативную и отчетную документацию, а актуальным новостям, представляющим интерес не только для студентов и преподавателей, но и для внешних пользователей – прежде всего абитуриентов. В этом отношении примером может служить сайт Дальневосточного федерального университета, лента новостей которого является яркой и динамичной, дает представление о современности, лидерских позициях университета, о качестве условий обучения. Интересное решение по привлечению внимания демонстрирует главная страница сайта Уральского государственного университета путей сообщения, где располагаются портреты известных всей стране успешных выпускников этого вуза. Специальный раздел (страницу, вкладку) для абитуриентов имеют сегодня сайты подавляющего большинства вузов. Но при этом крайне важно её позиционирование на главной странице – размер, положение на странице, яркость. Одной из последних тенденций является создание поддомена (субдомена), а иногда и отдельного сайта для абитуриентов (Национальный исследовательский Томский государственный университет, Кемеровский технологический институт пищевой промышленности (университет), Кемеровский институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова). Использование поддомена повышает удобство управления контентом и упрощает оптимизацию отдельного ресурса под ключевые запросы, в данном случае – запросы абитуриентов, что позволяет увеличивать охват аудитории.

Таблица. **Инструменты привлечения абитуриентов на сайтах вузов**
Table. **The tools for attracting entrants at the websites of universities**

Этап потребительского поведения по модели AIDA	***Задачи сайта вуза***	***Инструменты привлечения абитуриентов***
Attention – внимание	Привлечь внимание к объекту (сайту в целом или к его странице, к конкретному событию, предназначенному для абитуриентов), сделать объект заметным	– лента новостей и другая актуальная информация на главной странице, – специальная вкладка (поддомен) для абитуриентов
Interest – интерес	Удержать внимание, «задержать» абитуриента на сайте, вызвать интерес к объекту	– «калькулятор ЕГЭ», – онлайн-тестирование, – онлайн-викторины и конкурсы, – виртуальный тур по вузу
Desire – желание	Сформировать желание получить дополнительную информацию, принять участие в событии, как возможный окончательный итог – желание стать студентом именно этого вуза	Специальные события и мероприятия для абитуриентов: – дни открытых дверей, – деловые игры, – мастер-классы, – олимпиады, – курсы подготовки и пр.
Action – действие	Подтолкнуть к совершению определенного действия (регистрация, звонок, визит) в ближайшее, чаще всего ограниченное время	– онлайн-регистрация на события и мероприятия – кнопки интерактивного взаимодействия – инструменты стимулирования сбыта (скидки и специальные цены на обучение, подарки и пр.)

Следующий этап потребительского поведения – формирование интереса (Interest). На сайте должны быть использованы инструменты не просто привлекающие внимание, но и удерживающие посетителя. Чем больше времени он проводит на сайте, тем больше вероятность возникновения интереса к конкретным предложениям вуза. В качестве инструментов создания интереса можно рассматривать различные формы интерактивного взаимодействия – онлайн-викторины и конкурсы; онлайн-тестирование на определение подходящей профессии или уровня знаний; «калькулятор ЕГЭ» и пр. Последний из названных инструментов наиболее популярен среди абитуриентов, «проходном балле» на рассматриваемые направления и профили обучения. На основании результатов конкурса прошлого года «калькулятор ЕГЭ» выдает результаты, куда мог бы поступить абитуриент с тем или иным количеством баллов (сайты Российского государственного социального университета, Новогородского государственного университета и др.). Ещё одним важным и эффективным инструментом удержания абитуриента на сайте и формирования его интереса является виртуальный тур по вузу. Абитуриенту представляется возможность совершить прогулку по территории кампусов, увидеть лекционные аудитории, актовые и конференц-залы, библиотеку и музей вуза, заглянуть в научные лаборатории, побывать в комнатах студенческих общежитий. В отличие от простых фотографий, при просмотре 3D-панорам на экране создается изображение, окружающее зрителя сферой в 360 градусов. Это создает эффект присутствия, позволяя осматривать интерьеры и экстерьер со всех сторон, а также перемещаться между разными видами представленных объектов. Такие туры предлагаются на сайтах Сибирского федерального университета, Российского университета дружбы народов, Байкальского государственного университета и других.

Далее сайт вуза должен способствовать превращению интереса абитуриента в желание (Desire). Под желанием в данном случае мы понимаем стремление к получению более подробной информации о вузе и отдельных сторонах его деятельности, желание более близкого знакомства с вузом. И здесь речь идет не столько об онлайн-инструментах, сколько о грамотном и привлекательном представлении на сайте офлайн-событий и мероприятий для абитуриентов. Самым распространенным видом подобных мероприятий является день открытых дверей, который в большинстве случаев включает в себя выступление руководства вуза, обзорную экскурсию, встречи и беседы с преподавателями. В последнее время распространение получают более творческие, оригинальные мероприятия, которые позволяют вузу выделиться на фоне своих конкурентов. В качестве интересных примеров можно отметить день дизайна (Томский политехнический университет), открытые лекции (Московский государственный университет технологий и управления им. К. Г. Разумовского), школа медиаграмотности (Челябинский государственный университет), ежегодный профориентационный лыжный пробег по сельским районам Красноярского края (Сибирский федеральный университет).

Действие (Action) – это последний этап потребительского поведения согласно классический модели AIDA. В качестве действия мы понимаем не только конечный желаемый результат – подача заявления и оригиналов документов, но и другие шаги абитуриента, ведущие к этому результату. К ним можно отнести регистрацию на офлайн-мероприятие, его посещение, вступление в груп-

пу вуза в социальной сети, звонок в приемную комиссию и т. п. В этой связи главными инструментами сайта, побуждающими к действию, становятся все формы обратной связи и установления контакта с абитуриентом: кнопки интерактивного взаимодействия «задай вопрос сотруднику приемной комиссии / закажи звонок», сервисы онлайн-подачи заявления, кнопки социальных сетей. Что касается достижения конечного результата – подачи документов, то для его достижения особенно актуальными являются инструменты стимулирования сбыта. В классическом маркетинге они представлены скидками с цены, специальными ценами, подарками и различными льготами для потребителей. Вузы в последние годы всё активнее прибегают к этому инструментарию. Речь в данном случае идёт не о дополнительных баллах и льготах, установленных в законодательном порядке и действующих равнозначно во всех вузах, а о специфических инструментах, применяемых отдельно взятыми вузами. В качестве примеров можно привести акцию «приведи друга – получи скидку 10 %» (Российский университет кооперации), скидки на оплату обучения, зависящие результатов ЕГЭ и участия в олимпиадах (Международный институт экономики и финансов), установление стоимости обучения на уровне прошлого года для абитуриентов, подавших оригиналы документов в июне (Южно-Уральский профессиональный институт), розыгрыш призов – сертификаты на посещение бассейна вуза, сувениры, экскурсия по историческим объектам (Уральский федеральный университет), бесплатное предоставление общежития (Высшая школа бизнеса Томского государственного университета).

Проведенный анализ сайтов вузов позволяет сделать вывод о многообразии инструментов привлечения абитуриентов. Эффективность функционирования сайта зависит как от общего количества используемых инструментов, так и от их способности воздействовать на абитуриента на всех этапах его потребительского поведения.

Литература

1. Зарубина В. Р., Зарубин М. Ю. Интернет-сайт как способ продвижения вуза // Экономика и политика. 2014. № 1(2). С. 89 – 93.

2. Никулова Г. А. Пользователи о сайтах вузов: анализ веб-ресурсов лидеров образования // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. (Серия: Информационные компьютерные технологии в образовании). 2013. № 9. С. 53 – 58.

3. Оценка уровня доступности вузовской информации в период вступительной кампании. 2008 // Российское образование. Федеральный портал. Режим доступа: http:// www.edu.ru/abitur/act.9/index.php?rating/Rating-_of_sites_for_abitur_2008.htm (дата обращения: 02.02.2016).

4. Полтавец А. В. Web-сайт вуза как эффективный инструмент обеспечения вузовской деятельности // Вопросы управления. 2010. № 12. С. 14 – 23.

5. Стефанова Н. А. Методика оценки эксплуатационной составляющей сайта вуза // Креативная экономика. 2012. № 7. С. 113 – 118.

6. Стратегии вузов по привлечению абитуриентов в изменившихся условиях приема: интервью с Г. Г. Канторовичем, проректором НИУ ВШЭ (беседовал И. С. Чириков) // Мониторинг университета: информационный бюллетень. 2011. № 8. С. 2 – 4. Режим доступа: http://cim.hse.ru/data/2012/01/23/1263572950/2_8_2011.pdf (дата обращения: 02.02.2016).

7. Теплов В. И., Тарасова Е. Е., Шеин Е. А. Разработка программы развития маркетинговой деятельности вуза на основе использования интернет-технологий // Образование, наука и современное общество: актуальные вопросы экономики и кооперации: материалы Междун. науч.-практ. конференции. 16 – 18 апреля 2013 года: в 5 ч. Белгород: Изд-во БУКЭП, 2013. Ч. 5. С. 7 – 18.

8. Христофоров А. В., Христофорова И. В., Банк С. В., Овсийчук В. Я., Семенова Е. И., Музалев С. В., Макеева Д. Р., Банк О. А., Орлова Е. А. Маркетинговые коммуникации в сфере услуг: специфика применения и инновационные подходы: монография / под ред. А. Е. Суглобова. М.: ИЦ РИОР, НИЦ ИНФРА-М, 2015. 159 с.

9. Шевченко Д. А. Конкурентоспособность вуза: методика оценки эффективности сайта вуза в системе Интернет // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2015. № 3. С. 111 – 126.

10. Шеин Е. А. Методологический подход к разработке официального сайта как действенного инструмента маркетинговой деятельности вуза в сети «Интернет» // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2012. № 3(43). С. 326 – 337.

11. Glossary // Usabilityfirst. Режим доступа: http://www.usabilityfirst.com/glossary/usability/ (дата обращения: 02.02.2016).

Информация об авторе:

Дмитриева Наталья Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры торгового дела Кемеровского института (филиала) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, dmitrievanv@yandex.ru.

THE WEBSITE OF THE UNIVERSITY: THE TOOLS TO ATTRACT ENTRANTS

***Natalya V. Dmitrieva*[1, @]**

Received 08.02.2016
Accepted 23.05.2016

[1] *Kemerovo Institute of the Plekhanov Russian University of Economics*
[@] *dmitrievanv@yandex.ru*

Keywords:
university website, consumer behavior, AIDA model, tools to attract entrants.

Abstract: The paper substantiates the urgency of the problem of attracting entrants, associated with increased competition and changing consumer behaviour in the selection process at the University. The author considers approaches to the design and content of the websites of the universities to evaluate their effectiveness. The aim of this work is to systematize the tools to attract candidates, using the AIDA model. The author studied more than 50 sites of Russian universities, during which the following engaging tools were addressed and described: news, special subdomain for entrants, passing score calculator, online testing, virtual tour, special events and activities of the University, interactive buttons, tools of sales promotion and others. A systematic approach to the use of these tools increases the efficiency of the web site of the University in the process of influencing consumer behavior.

For citation: Dmitrieva N. V. Sait vuza: instrumenty privlecheniia abiturientov [The website of the university: the tools to attract entrants]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki – Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic sciences,* no. 1 (2016): 46 – 50.

References

1. Zarubina V. R., Zarubin M. Iu. Internet-sait kak sposob prodvizheniia vuza [Internet site as a way to promote the University]. *Ekonomika i politika – Economics and politics,* no. 1(2) (2014): 89 – 93.

2. Nikulova G. A. Pol'zovateli o saitakh vuzov: analiz veb-resursov liderov obrazovaniia [Users about the websites of higher education institutions: analysis of web resources of leaders of education]. *Vestnik Perm-skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. (Seriia: Informatsionnye komp'iuternye tekhnologii v obrazovanii) – Bulletin of the Perm state humanitarian and pedagogical university. (Series: Information and computer technologies in education),* no. 9 (2013): 53 – 58.

3. *Otsenka urovnia dostupnosti vuzovskoi informatsii v period vstupitel'noi kampanii. 2008.* [An assessment of level of availability of high school information during introductory campaign. 2008]. Available at: http:// www.edu.ru/abitur/act.9/ index.php?rating/Rating-_of_sites_for_abitur_2008.htm (accessed 02.02.2016).

4. Poltavets A. V. Web-sait vuza kak effektivnyi instrument obespecheniia vuzovskoi deiatel'nosti [High school web site as the effective tool of maintenance of high school activity]. *Voprosy upravleniia – Management Issues,* no. 12 (2010): 14 – 23.

5. Stefanova N. A. Metodika otsenki ekspluatatsionnoi sostavliaiushchei saita vuza [Evaluation Methods of University Web-Site Operation]. *Kreativnaia ekonomika – Creative Economy,* no. 7 (2012): 113 – 118.

6. Strategii vuzov po privlecheniiu abiturientov v izmenivshikhsia usloviiakh priema: interv'iu s G. G. Kantorovichem, prorektorom NIU VShE (besedoval I. S. Chirikov) [Strategy of higher education institutions for involvement of entrants in the changed reception conditions: interview with Kantorovich G. G., the vice rector of Higher School of Economics National Research University (Chirikov I. S. talked)]. *Monitoring universiteta: informatsionnyi biulleten' – Monitoring of university: newsletter,* no. 8 (2011): 2 – 4. Available at: http://cim.hse.ru/data/2012/01/23/1263572950/2_8_2011.pdf (accessed 02.02.2016).

7. Teplov V. I., Tarasova E. E., Shein E. A. Razrabotka programmy razvitiia marketingovoi deiatel'nosti vuza na osnove ispol'zovaniia internet-tekhnologii [Development of the program of development of marketing activity of higher education institution on the basis of use of Internet technologies]. *Obrazovanie, nauka i sovremennoe obshchestvo: aktual'nye voprosy ekonomiki i kooperatsii: Materialy Mezhdun. nauch.-prakt. Konferentsii. 16 – 18 aprelia 2013 goda* [Education, science and contemporary society: actual problems of economy and cooperation: Proc. Intern. Sc.-Prac. Conf. 16 – 18 APR 2013]. Belgorod: Izd-vo BUKEP, Part 5 (2013): 7 – 18.

8. Khristoforov A. V., Khristoforova I. V., Bank S. V., Ovsiichuk V. Ia., Semenova E. I., Muzalev S. V., Ma-keeva D. R., Bank O. A., Orlova E. A. *Marketingovye kommunikatsii v sfere uslug: spetsifika primeneniia i in-novatsionnye podkhody* [Marketing communications in a services sector: specifics of application and innovative approaches]. Ed. Suglobov A. E. Moscow: ITs RIOR, NITs INFRA-M, 2015, 159.

9. Shevchenko D. A. Konkurentosposobnost' vuza: metodika otsenki effektivnosti saita vuza v sisteme Internet [Competitiveness of higher education institution: a technique of an assessment of efficiency of the website of higher education institution in system the Internet]. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – RSUH/RGGU Bulletin,* no. 3 (2015): 111 – 126.

10. Shein E. A. Metodologicheskii podkhod k razrabotke ofitsial'nogo saita kak deistvennogo instru-menta marketingovoi deiatel'nosti vuza v seti Internet [Methodological approach to development of the official site as effective instrument of marketing activity of higher education institution on the Internet]. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava – Herald of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law,* no. 3(43) (2012): 326 – 337.

11. Glossary. *Usabilityfirst*. Available at: http://www.usabilityfirst.com/glossary/usability/ (accessed 02.02.2016).

УДК 332.1.

ПРОБЛЕМА ОПИСАНИЯ ГЕОПРОСТРАНСТВ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Л. Л. Зобова [1, @, *]

Поступила в редакцию 16.02.2016
Принята к печати 23.05.2016

[1] *Кемеровский государственный университет*
[@] llzob@mail.ru

[*] *Работа выполнена в рамках Гранта РГНФ – Кузбасс № 15-12-42003-а(Р) «Разработка системы управления социально-экономическим развитием городских агломераций в Кемеровской области».*

Ключевые слова:
геопространство, геопространственные технологии, цифровая инфраструктура, «умный» город.

Аннотация: Для описания современного геопространства требуется соответствующий массив информации. При этом речь идет о smart («умной») информации, которая в свою очередь требует «умной» инфраструктуры, созданной с помощью современных цифровых технологий. Возникает круговая зависимость – уже сами цифровые технологии и средства коммуникации воздействуют на геопространство, делая мир меньше, и создавая жесткую конкуренцию среди отраслевых игроков. Новые геопространственные технологии дают возможность на трехмерной карте отследить возможности размещения и просчитать возможные последствия действия потенциальных конкурентов. Одним из элементов новых технологий являются так называемые «гексогональные геопространственные технологии», которые помогают понять смысл динамически меняющегося мира. Эти технологии успешно используются для создания «умных» городов и функционирования городских агломераций. Цель статьи показать возможности геопространственных технологий и проблемы, связанные с их применением. В основе статьи использованы материалы журналов «Geospatial World» и «Hexagon geospatial».

Для цитирования: Зобова Л. Л. Проблема описания геопространств: современные технологии // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2016. № 1. С. 51 – 55.

От смарт-информации к смарт-инфраструктуре

Из теории известно, что любая пространственная система, преодолевая хаос, стремится к упорядочению, к определенной форме пространственной организации. Этот тезис справедлив как для экономического пространства, так и для географического. Пространство как экономическое, так и географическое понимается как совокупность отношений на данной территории. Несмотря на существующие проблемы глобального экономического роста, функционирование геопространственного сектора в последние годы было достаточно успешным. Он генерирует от $150 и $270 млрд ежегодно, и недавние исследования определяют годовой прирост в 8 – 10 % мирового рынка [5]. При этом потребитель имеет возможность использовать весьма разнообразные методы получения информации.

В условиях глобализации, когда массив информации стал с одной стороны доступным практически в любой точке мира, а с другой превратился в неуправляемый поток, появилась настоятельная потребность адаптировать самую разнообразную информацию для нужд экономики. Никогда прежде роль информации для общества не имела такого значения как сегодня. По оценкам, 90 % всех данных в мире было создано за последние два года. Однако только 5 % информационных данных можно использовать для программного обеспечения или компьютеров [2].

Последние несколько лет в геопространственных (трансграничных) отраслях во многом из-за глобального спроса наблюдается серьезный сдвиг в бизнес-моделях. Появление цифровых технологий и средств связи не только делает мир меньше, но создает жесткую конкуренцию среди отраслевых игроков, особенно в том, что касается эксклюзивности и качества услуг. Необходимость информации о потенциальных новых рынках и разработка стратегий эффективной коммерциализации требует новых цифровых технологий и соответствующей высококвалифицированной рабочей силы. Эти тенденции быстро меняющихся технологий сокращают период инновации, что в свою очередь может привести к снижению прибыли.

В настоящее время необходимо информацию рассматривать как особый элемент инфраструктуры. Обычно под инфраструктурой понимают физические объекты, включая дороги, автострады или водные системы. Цифровая инфраструктура и ее устойчивость не менее важна для адекватного описания и последующего функционирования геопространства. Цифровой и физический миры становятся глубоко переплетенными. Информация требует соответствующей инфраструктуры в случае, когда информация необходима для принятия взвешенного решения, для взаимодействия с интегрированными инфраструктурами и направлена на достижение более высокой производительности. Что подразумевается под смарт ("умной") системой информации и смарт – инфраструктурой. По мнению Т. Беннетта, «умную» информацию надо рассматривать в связке с «умной» инфраструктурой. Это геопространственная информация, способная адаптироваться к требованиям новой геопространственной инфраструктуры, основанной на новой существующей или будущей технологии [2].

Генеральный директор компании Bentley Systems Грегори Бентли подчеркивает, что они уже давно поняли, что всякая инфраструктура является геопространственной по своей сути (а все геопространственное по своей сути трехмерно), поэтому смогли помочь практикам соединить разделенные до этого области инженерной деятельности и ГИС [1].

Существовавшие в XX веке методы описания и моделирования пространственных систем часто были неспособны решить поставленные задачи в силу отсутствия соответствующих инструментов исследования. Для обоснования пространственного размещения создавались идеальные и очень абстрактные модели, которые мало соотносились с реальностью. Современные цифровые технологии открывают колоссальные возможности не только для развития теоретических моделей, но что не менее важно, для решения практических вопросов.

Информационной площадкой для обсуждения проблем глобального геопространства стал журнал «Geospatial World» (Мир геопространственной информации), издающийся индийской компанией Geospatial Media and Communications Pvt. Ltd., в котором рассматриваются текущие вопросы глобального геопространства.

Геопространственные технологии как новые инструменты геопространственного анализа

Рост населения, расширение городских пространств, сокращение пахотных земель, увеличение потребностей в продовольствии, нехватка воды, климатические изменения и нестабильность геополитического сценария является свидетельством того, что мир вокруг нас меняется быстрыми темпами. Появляется настоятельная необходимость отслеживать эту динамику. В свою очередь необходимость использования геопространственных данных требует для их извлечения соответствующих геопространственных технологий.

Цифровые технологии, в частности геопространственные технологии, играют решающую роль в непрерывном зондировании, мониторинге, измерении и моделировании пространства. Эти новые технологии также позволяют правительствам планировать и воздействовать на существующие проблемы, одновременно способствуя генерации экономического процветания и социального благополучия. Новые геопространственные технологии дают возможность на трехмерной карте отследить возможности размещения и просчитать возможные последствия действия потенциальных конкурентов.

Необходимость принятия решений на основе информации и часто в реальном времени является стимулом для улучшения существующих компьютерных приложений и разработки новых, следовательно, растет и развивается сектор геопространственных данных. Выгоду и прибыль от комбинации нескольких источников новых, свободных и открытых геопространственных данных извлекают как отдельные граждане, так и менеджеры предприятий. Эти источники новых и улучшенных данных, часто революционных данных, дают возможность решить широкий спектр социальных проблем и принесут экономические выгоды (рис.).

Ширина, объем и влияние геопространственных приложений постоянно растет. Созданы современные компьютерные приложения, которые помогают решать уникальные бизнес-проблемы. Имеется множество примеров новых и инновационных приложений. Появление например таких инструментов, как GPS создают широкие возможности для разработки инновационных приложений в условиях сложной размещенности предпринимателей и поставщиков услуг. При этом необходимо преодолеть ряд проблем. Управление, обеспечение совместимости и извлечение информации из нескольких источников данных требует новых инструментов и методологий.

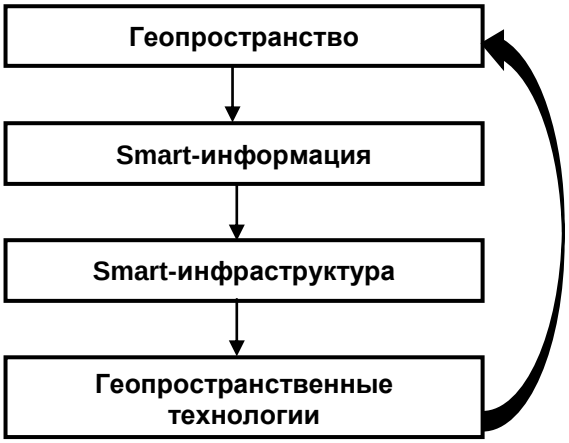


Рис. ***Взаимосвязь информации и геопространственных технологий***
Fig. ***The correlation of information and geospatial technologies***

В 2015 г. в журнале «Geospatial World» опубликована статья президента ассоциации «Hexagon Geospatial» Младена Стоджика (M.Stojic) «Hexagon Geospatial – A Simpler Way to See Your World» (Гексагональные геопространства – более простой способ, чтобы увидеть ваш мир) [8]. Кроме того, издается специальный журнал с говорящим названием «Hexagon geospatial».

Что такое «гексагональные геопространственные технологии»? Гексагональные геопространственные технологии помогают понять смысл динамически меняющегося мира. Особое значение эти технологии имеют для многоотраслевой компании. Их продукты, решения и услуги синхронизируют все геопространственные потребности пользователя и преобразуют несколько источников контента в полезную информацию.

Гексагональные геопространственные технологии включают шесть составляющих: 1. Мощности. 2. Портфолио. 3. Три вида комплектов (комплекты производителя; поставщика; платформы – геомедиа: «умный клиент», электронные карты; портал геопространства, мобильные карты мира, мобильные предупреждения) [8].

Динамическое геопространственное портфолио предлагает полный список лиц, принимающих решения и полный контроль над всеми рабочими процессами. Гексагональные геопространственные технологии имеют широкий спектр оборудования, датчики и программное обеспечение, что дает возможность осуществлять мониторинг изменений разнообразного геопространства в реальном времени через спутниковые изображения, наземные и воздушные фотографии, дистанционное зондирование, превращая необработанные геопространственные данные в полезную информацию. В эпоху, когда клиентам нужны не просто автономные системы информации, а поиск комплексных решений, услуги гексагональных

геопространственных технологий дают возможность удовлетворения их потребностей. Каждая покупка производится в специальном месте, что позволяет не только понять, где покупаются товары, но лучше спланировать логистику для получения товаров в нужном месте в нужное время.

Данные технологии нашли применение в одной из четырех горнодобывающих компаний Бразилии. Портфолио шахты используется при планировании, проектировании, производстве и управлении. Управление потоком данных на основе программного обеспечения во всех операциях является сейчас реальностью [4].

Запуск в 2015 г. новых мощностей портфолио позволяет пользователям сегодня быть менее сосредоточенными на статических данных карт и проявлять большую заинтересованность в динамической информации, получаемой через мобильные устройства.

В реальности гексагональные геопространственные технологии применяются на макро- и микроуровне в конкретных странах, и для характеристики мирового геопространства.

Управление «умным» городом и городской агломерацией

Новые цифровые технологии совсем недавно стали использоваться в практике градостроительства. В зарубежных публикациях по проблемам геопространства все чаще рассматриваются проблемы создания и функционирования «умных» городов. В июне 2015 г. журнал «Geospatial World» вышел с подзаголовком «SMART DATA FOR SMART CITIES» (Умные данные для умных городов) [6]. Весь номер был посвящен проблемам, связанным с созданием и функционированием «умных» городов. «Умный» город требует умного планирования. Можно утверждать, что для города информация – это просто еще один вид инфраструктуры, которая должна планироваться и управляться также тщательно, как дороги, сети или энергосистемы, поскольку она взаимосвязана со всеми физическими системами.

Задача создания «умного» города не может быть решена без применения геопространственных технологий. «Умный» город должен быть оснащен большим количеством интеллектуальных устройств (смарт-счетчики, интеллектуальное управление зданиями, датчики движения и уличного освещения и, конечно же, миллионы смартфонов), качественно меняющих городской пейзаж. Все эти устройства обеспечивают беспрецедентное количество данных. Прямо от датчиков, которые собирают эти данные и хранят их в цифровом мире, появляется возможность в реальном времени управлять полученными данными для принятия решений в физическом мире. Каушик Чакраборти, вице-президент Стратегических альянсов и глобального развития бизнеса, полагает, что сегодня только гексагональные геопространственные технологии помогают в создании точных 3D базовых карт для осуществления сценария «умных» городов [8]. Создание и функционирование «умного города» невозможно без использования технологий WebMap GeoMedia, которая помогает в создании 3D городов в секундах.

В настоящее время более половины населения Земного шара живет в городах. Этот факт в развитии человечества означает начало крупных преобразований глобального общества. Однако процесс урбанизации в мировом пространстве происходит крайне неравномерно. В то время как в ведущих развитых странах доля городского населения превышает 80 %, в развивающихся странах, таких как Китай, урбанизация только прошла отметку в 50 % в 2011 г. Ожидается, что в Индии городское население достигнет отметку в 50 % только к 2050 г. По прогнозу в Африке процесс урбанизации растянется на вторую половину XXI в. [9].

Города растут быстро и часто бесконтрольно. Процессы урбанизации и городской агломерации, особенно в развивающихся странах, ведут к тому, что местные правительства не в состоянии контролировать и управлять динамическими изменениями, происходящие на городской земле – будь то купля – продажа открытых участков, усовершенствование существующих зданий и/или создание новых макетов. Создание городских агломераций вызывает сложные перемещения людей внутри города и между городами. Объясняя последствия мобильности населения городских агломераций необходимо принимать во внимание траектории перемещения, ее интенсивность, суточную и сезонную изменчивость, соотношение топографии и инфраструктуры.

Создание и функционирование «умного» города продуцирует и умные вопросы [8]. Можно ли положительно ответить на вопрос о подготовленности администрации городов и планировщиков к процессам развития транспортных коммуникаций и логистики? Могут ли они предвидеть будущее городов? С точки зрения теоретических аспектов можно предсказать развитие такой сложной системы, как город. Однако с практической точки зрения существует настоятельная необходимость адекватных прогнозов и оценок. Информационные данные и знания, которые в настоящее время широко используется для принятия стратегических решений часто громоздкие, неадекватные, быстроменяющиеся и могут привести к неправильному решению. Современные цифровые технологии являются лучшим решением для обработки данных.

Новые технологии помогают увидеть причины очевидных проблем и узких мест в городском пространстве; дают возможность создания моделей движения транспорта, что может уменьшить заторы и повысить эффективность общественного транспорта. Программы энергоэффективности могут быть направлены на наиболее уязвимые домохозяйства. Использование геопространственных технологий даст возможность решения этих проблем. Кроме того, при помощи геопространственных технологий появляется возможность проанализировать сложную информацию, включая риски и проблемы функционирования городских агломераций, что в свою очередь, поможет избежать лишней траты времени и денег. Эти знания должны быть доступны для градостроителей, руководителей и граждан.

Смарт города уже в настоящее время разрабатываются во всем мире и проходят апробацию в Южной Азии. Новое правительство Индии сформулировало задачу развития 100 умных городов. В Корее, Малайзии и Японии смарт города уже находятся в стадии разработки. Китай тоже имеет около 36 смарт городов. Между тем, Сингапур, планирует стать умной нацией [10]. Что касается региона Ближнего Востока, Саудовская Аравия вкладывает инвестиции в различные цифровые правительственные инициативы. Объединенные Арабские Эмираты также планируют создание нескольких умных городов.

Проблемы внедрения геопространственных технологий

Зарубежная практика внедрения современных геопространственных технологий выявила ряд общих проблем, которые особенно связаны с использованием больших объемов данных и их анализом для задач управления: обеспечение качества данных и понимание приоритетных задач для любого приложения; интеграция данных из нескольких организаций и различных сред. Это одна из трудных задач в мире ИТ; использование широкого спектра интеллектуальных устройств.

Кроме того, существуют проблемы, связанные с принятием управленческих решений: сокращение (но не удаление) технических барьеров; политические и организационные барьеры; конфиденциальность и безопасность использования имеющихся данных: как они используются и кем. Безопасность является даже большей проблемой, чем другие вызовы и пока еще адекватно не рассматривалась. Возрастающая сложность городских систем, новые области инфраструктуры города и растущая взаимозависимость всех систем повышают уязвимость города при возможных сбоях системы или экстремальных погодных явлениях; несоответствие навыков на разных ступенях управления: отсутствие данных навыков является одним из самых больших барьеров для эффективного использования большого объема данных для управления городом. Без умных людей, использующих смарт-планирование не решить проблему "умных" городов.

Принципиальным и важным является вопрос о приоритете в создании смарт-инфраструктуры для целей функционирования «умных» городов.

Опыт зарубежных стран показывает, что внедрение геопространственных технологий возможно через такую организационную форму как государственно-частное партнерство. Города и особенно городские агломерации могут выстроить более глубокие отношения и с академическими кругами. Администрации многих городов работают с местными университетами, которые выполняют заказы по разработке и внедрению технологий «умного» города и созданию городских научно-исследовательских программ.

За рубежом был проведен ряд исследований, в которых анализировалась возможная прибыльность новых геотехнологий. Анализ показал, что государственные инвестиции в геопространственную инфраструктуру внутри страны приносят значительные выгоды. На глобальном уровне также были проведены исследования влияния геопространственной инфраструктуры на экономику страны, вывод был однозначным: хорошая геопространственная инфраструктура экономически выгодна для страны. В целом геопространственные отрасли весьма актуальны и становятся элементом большого бизнеса. Такие компании, как Google, Amazon, Microsoft и Apple рассматривают возможности приобретения геопространственных структур. Зарубежные исследования последних 2 – 3 лет показали, что уровень доходности геопространственной индустрии сравним с доходностью игровой и мобильной индустрии. Ожидается, что рынок технологий для смарт-города сможет приносить к 2023 г. ежегодно более чем $27,5 млрд [3].

Применение новых геопространственных технологий дает возможность решить более амбициозную задачу – «от умного города к умной нации».

Литература

1. ГИС Ассоциация. Режим доступа: http://www.gisa.ru/77994.html (дата обращения: 14.02.2016).
2. Bennett T. D. Information, a new infrastructure forms? // Geospatial world. June 2015. P. 16 – 18.
3. Clifford N. Businesses want geospatial answers to their questions // Geospatial World. January 2016. P. 78.
4. Dasgupta A. The old cliché ‘the consumer is always right’ seems to be the indication for geospatial activities in 2016 // Geospatial World. January 2016. P. 8.
5. Papadakis D., Mamais L. Per aspire ad astra: Supporting the uptake of geospatial solutions through effective communication and exploitation // Europe Geospatial Digest. October 2015. Режим доступа: http://geospatialworld.-net/Paper/Business/index.aspx#sthash.8ufJ23B9.dpuf (дата обращения: 04.02 2016).
6. Smart data for smart cities // Geospatial World. June 2015. P. 7 – 8.
7. Stojic M. Hexagon Geospatial – A Simpler Way to See Your World // Geospatial World Magazine. February 2015. P. 25 – 26.
8. Vajakas T., Jagomagi J., Jarveoja M. Location data gives smart answers to smart cities // Geospatial World. Режим доступа: http://geospatialworld.net/Paper/Business/ArticleView.aspx?aid=31031#sthash.R9i66eaU.dpuf (дата обращения: 14.02.2016).
9. Woods E. Moving towards a smart future // Geospatial World. June 2015. P. 35 – 36.
10. Zeiss G. Smart cities for the world of tomorrow // Geospatial World. June 2015. P. 20 – 24.

Информация об авторе:

Зобова Людмила Львовна – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории, налогообложения, предпринимательства и права Кемеровского государственного университета, llzob@mail.ru.

THE PROBLEM OF GEOSPATIAL DESCRIPTION: MODERN TECHNOLOGY

Lyudmila L. Zobova [1, @, *]

Received 16.02.2016
Accepted 23.05.2016

[1] *Kemerovo State University*
[@] *llzob@mail.ru*
**The work was supported by the RFH–Kuzbass Grant No. 15-12-42003-a(R) "Development of the system of management of socio-economic development of urban agglomerations in Kemerovo region"*

Keywords:
geospatial, geospatial technology, digital infrastructure, “smart” city.

Abstract: Describing contemporary geospatial requires an appropriate amount of information. That is “smart” information, which in turn requires “smart” infrastructure, created using modern digital technologies. The circular dependency occurs: alone digital technology and communication means themselves influence the geoospatial, making the world smaller and creating fierce competition among industry players. New geospatial technologies give the opportunity of a three-dimensional map trackicg of accommodation and calculating the possible actions of potential competitors. One of the elements of the new technology is the so-called “hexagonal geospatial technology” that helps to understand the meaning of the dynamically changing world. These technologies have successfully been used for creating “smart” cities and functioning of urban agglomerations. The purpose of the paper is to show the possibilities of geospatial technologies and problems associated with their use. The author used the materials of the jhournals “Geospatial World” and “Hexagon geospatial”.

For citation: Zobova L. L. Problema opisaniia geoprostranstv: sovremennye tekhnologii [The problem of geospatial description: modern technology]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki – Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic sciences*, no. 1 (2016): 51 – 55.

References

1. *GIS Assotsiatsiia* [GIS-Association]. Available at: http://www.gisa.ru/77994.html (accessed 14.02.2016).
2. Bennett T. D. Information, a new infrastructure forms? *Geospatial world*, June (2015): 16 – 18.
3. Clifford N. Businesses want geospatial answers to their questions**.** *Geospatial World*, January (2016): 78.
4. Dasgupta A. The old cliché ‘the consumer is always right’ seems to be the indication for geospatial activities in 2016. *Geospatial World*, January (2016): 8.
5. Papadakis D., Mamais L. Per aspire ad astra: Supporting the uptake of geospatial solutions through effective communication and exploitation. *Europe Geospatial Digest*, October (2015). Available at: http://geospatialworld.net/-Paper/Business/index.aspx#sthash.8ufJ23B9.dpuf (accessed 04.02 2016).
6. Smart data for smart cities. *Geospatial World*, June (2015): 7 – 8.
7. Stojic M. Hexagon Geospatial – A Simpler Way to See Your World. *Geospatial World Magazine*, February (2015): 25 – 26.
8. Vajakas T., Jagomagi J., Jarveoja M. Location data gives smart answers to smart cities. *Geospatial World*. Available at: http://geospatialworld.net/Paper/Business/ArticleView.aspx?aid=31031#sthash.R9i66eaU.dpuf (accessed 14.02.2016).
9. Woods E. Moving towards a smart future. *Geospatial World*, June (2015): 35 – 36.
10. Zeiss G. Smart cities for the world of tomorrow. *Geospatial World*, June (2015): 20 – 24.

УДК 331.103:3:303.62 (303.64) + 303.72

ИССЛЕДОВАНИЕ ВРЕМЕННЫХ ЗАТРАТ НА ПОДГОТОВКУ ДОКУМЕНТОВ В МЕДИЦИНСКОМ УЧРЕЖДЕНИИ

Д. В. Лузгарева[1, @1], О. И. Лузгарева[1, @2], А. А. Лопатин[2]

Поступила в редакцию 08.02.2016
Принята к печати 19.05.2016

[1] *Кемеровский государственный университет*
[2] *Кемеровская государственная медицинская академия*
[@1] poetry_11@mail.ru
[@2] luzgareva_olga@mail.ru

Ключевые слова:
временные затраты, вид документа, анализ документов, обработка документов.

Аннотация: В статье рассматриваются нормы времени на обработку различных документов. На примере «ГБУЗ КО «Кемеровский областной клинический наркологический диспансер» показано, какие временные затраты требуются на подготовку документов и их обработку в зависимости от вида. При этом была поставлена цель определения средних временных затрат, а также разработка рекомендаций по результативному использованию рабочего времени при подготовке документов в медицинском учреждении. В ходе анализа документов была разработана формула для расчетов количества человек, необходимых на обработку документов, и проведены соответствующие расчеты.

Для цитирования: Лузгарева Д. В, Лузгарева О. И., Лопатин А. А. Исследование временных затрат на подготовку документов в медицинском учреждении // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2016. № 1. С. 56 – 61.

Норма времени определяет необходимые затраты рабочего времени одного работника или группы работников на выполнение единицы работы (продукции) в конкретных организационно-технических условиях [4]. Нормы устанавливаются людьми с помощью исследований при нормировании трудовых функций и временных затрат. Под нормированием понимается вид деятельности по управлению предприятием, направленный на установление норм труда (величины затрат рабочего времени) для всех категорий персонала с целью повышения эффективности функционирования предприятия [8].

Современные методологические основы нормирования включают: расширение сферы нормирования труда; обеспечение высокого качества норм труда и их максимальное приближение к общественно необходимым затратам труда; научное обоснование норм с учетом организационно-технических, социально-экономических и психофизических факторов; гуманизацию норм труда [7, с. 121].

Нормирование труда оказывает существенное влияние на решение многообразных социально-экономических задач лишь в том случае, если на предприятии действуют прогрессивные нормы, учитывающие оптимальные организационно-технические, экономические, психофизиологические и социальные факторы [3, с. 58].

Нормы труда служат основой для установления оптимальных пропорций между отдельными видами труда, они необходимы для объективной количественной оценки затрат труда на выполнение конкретных работ [7, с. 119]. Так, например, группой ученых с помощью специально разработанной методики [10] было проведено исследование по фотографии рабочего дня врачей различных специализаций, в ходе которого было установлено, что существующие нормы времени стоит пересмотреть и возможно увеличить нормы для работы с пациентами [9, с. 19 – 20].

В настоящее время руководители медицинских учреждений располагают большим количеством прав в области нормирования труда. К ним можно отнести следующие права: самостоятельно разрабатывать и применять индивидуальные нормы нагрузки (обслуживания), нормы времени медицинского персонала в зависимости от конкретных организационно-технических условий деятельности; использовать штатные нормативы исключительно как методическое пособие, а все нормативы по труду – в качестве методических рекомендаций; утверждать и вносить изменения в штатное расписание в зависимости от объема работы и нагрузки учреждения или подразделения, или группы персонала, или отдельной должности [2, с. 38].

Медицинские работники относятся к работникам умственного труда. Этот труд заключается в переработке и анализе большого объёма разнообразной информации. Предметом умственного труда, независимо от его вида, является информация, содержащая состояние практики и задания по её изменению, кроме того информация является также и продуктом такого труда. Работник умственного труда неразрывно связан со своими знаниями и навыками, являющимися главными средствами производства. Результатом такого труда является продукт интеллектуальной деятельности [1, с. 33], на который также можно установить нормы – нормы времени, которое тратится на переработку информации, нормы количества созданного продукта интеллектуального труда и т. п.

В каждом учреждении имеются определенные нормы труда, трудозатрат на различные виды деятельности, в том числе и на обработку документации, входящей и исходящей. Например, нормы времени на работы по документационному обеспечению управленческих структур федеральных органов исполнительной власти утверждены Постановлением Министерства труда и социального развития Российской Федерации от 26 марта 2002 г. № 23 с учетом мнения Федерации Независимых Профсоюзов

России и рекомендуются для применения в управленческих структурах федеральных органов исполнительной власти [6]. Эти нормы времени рекомендуются для расчета затрат времени на подготовку документации, информации, проведение печатных, вычислительных и других работ, включая обслуживание оргтехники, а также для определения необходимой численности работников, выполняющих эти функции, именно для исполнительной власти. Но для других учреждений, в частности для медицинских, таких постановлений не принято. Конечно, можно пользоваться данным нормативным документом.

Так, например на обработку входящих десяти документов отводится 0,65 часа, сюда входит прием корреспонденции, проверка целостности упаковки и вложений, правильности адресования, вскрытие конверта, систематизация документов на регистрируемые и нерегистрируемые, заполнение регистрационных карточек, штампов, распределение документов на подлежащие передаче руководителю федерального органа исполнительной власти или его заместителям для рассмотрения и вынесения резолюции и на подлежащие передаче на исполнение в структурные подразделения. Выполнять все эти функции должны работники канцелярии, экспедиции [6].

Стоит отметить, что большой объем времени аппаратом управления медицинского учреждения уходит на обработку различного рода документации. Но как узнать, выполняются ли принятые нормы, достаточно ли сотрудников для выполнения работ с документацией, эти вопросы каждая организация должна решать сама, то есть контроль за своевременным выполнением определенных функций исполнителями лежит на руководителе организации.

Именно для изучения подобных вопросов в «ГБУЗ КО «Кемеровский областной клинический наркологический диспансер» было проведено исследование временных затрат на подготовку различных исходящих документов. В данном исследовании применялись такие ***методы***, как анализ документов и интервью с руководителем с ***целью*** определения средних затрат на обработку и подготовку документов в зависимости от их вида, а также с целью выработки рекомендаций по результативному использованию рабочего времени по формированию документов.

Анализ был проведен по материалам документов, подготовленных и направленных организацией в различные ведомства, учреждения и физическим лицам за полгода с апреля по октябрь. Объем проанализированных документов – 700 шт. Это позволяет сделать достоверные выводы о временных затратах на обработку документов в данной организации. В ходе анализа все документы были классифицированы по разным основаниям, которые представлены в таблице.

По данным таблицы можно сделать вывод, что документы в первую очередь направляются руководителям (84,5 %); физическим лицам за полгода было отправлено 11 % ответов на какие-либо запросы, и небольшая доля писем приходится на служащих различных категорий (около 5 %).

Если смотреть документы в зависимости от организации, в которую они направляются, то, конечно, здесь лидируют учреждения сферы здравоохранения: почти половина всех документов (43 %) направляются именно туда, что связано со спецификой деятельности наркодиспансера. Треть писем (33 %) за анализируемый период, были отправлены в организации, связанные с хозяйственной и организационно-управленческой деятельностью. В организации, связанные с различными ведомствами, направлена примерно шестая часть документов (17 %), к таким ведомствам относятся, в частности, МВД, суды, прокуратура. Практически каждое тринадцатое письмо (7,6 %) было отправлено в другие организации, например, печатные издания, Территориальное управление Заводского района, Южно-Сибирское управление Федеральной службы по экологическому надзору.

По причинам создания документы разделились следующим образом: по инициативе самой организации – 44 %; и практически равные доли (по 28 %) пришлись на запросы кого-либо и на ответы во исполнение другого документа или поручения, а также обращения юридического лица.

Около половины документов (46 %) были информационными, примерно треть (32 %) – это сопроводительные, гарантийные письма, отчеты, презентации, заявки. Практически каждый четвертый-пятый документ (22 %) является запросом.

В каждом документе решаются какие-либо проблемы, в частности почти в половине случаев (49 %) это были вопросы, связанные с материально-техническим обеспечением, хозяйственной деятельностью. В трети из них (35 %) освещены проблемы, связанные с профилем деятельности организации, и еще в 17 % случаев – вопросы, связанные с организационно-управленческой деятельностью.

Большинство документов (61 %) не содержат никаких приложений, к каждому пятому (20 %) необходимо было готовить приложения, еще 19 % содержат приложения в виде копий документов.

Кроме того, 56 % документов носят региональный характер, 37 % касаются муниципального уровня, остальные – федерального уровня, причем 2 % – международного.

Из числа тех документов, которые были направлены руководителям, 44 % адресованы в систему здравоохранения, 35 % – в организации, связанные с хозяйственной и организационно-управленческой деятельностью, еще 20 % – в различные ведомства. Адресаты-специалисты чаще трудятся в организациях, связанных с хозяйственной деятельностью и организационно-управленческой деятельностью (66 %), четверть – в организациях сферы здравоохранения (25 %), остальные (9 %) – в других организациях.

Практически половина документов (48 %), адресованных руководителям, являются информационными, примерно четверть (23 %) – запросами, еще 14 % – заявками, 47 % документов, направленных специалистам, – это запросы, 22 % – информация, 17 % – сопроводительные письма, а 13 % являются отчетами.

Можно также отметить, что по 63 % документов, отправленных в организации сферы здравоохранения или ведомственные организации, содержат какую-либо информацию. 31 % писем, направленных в ведомства, и 12 % – в организации здравоохранения, являются запросами. Еще 13 % документов, предназначенных для сферы здравоохранения, можно назвать письмами-предложениями. Треть писем (33 %), направленных в организации, связанные с хозяйственной деятельностью, являются запросами.

Таблица. **Виды документов и частота, с которой они встречаются**
Table. **Types of documents and the frequency of their occurence**

№	*Основание классификации*	*Частота (шт.)*	*% от общего числа писем*
1	***В зависимости от должности адресата***		
	должность не указана, не имеет должности (физ. лица)	77	11
	руководители	591	84,5
	служащие	32	4,5
	Всего	*700*	*100*
2	***В зависимости от профиля организации, куда направляется документ***		
	профильные (организации, связанные со здравоохранением)	298	42,8
	специфические (организации, связанные с различными ведомствами)	119	17
	непрофильные (организации, связанные с хозяйственной деятельностью и организационно-управленческой деятельностью)	228	32,6
	другие организации	55	7,6
	Всего	*700*	*100*
3	***В зависимости от причины создания письма***		
	по запросу	196	28
	во исполнение другого документа или поручения, обращение юридического лица	198	28,3
	по инициативе организации	306	43,7
	Всего	*700*	*100*
5	***В зависимости от вида документа***		
	информационный	322	46
	запрос	153	21,9
	другие виды (оферта, сопроводительное, гарантийное, отчет, претензия, заявка)	225	32,1
	Всего	*700*	*100*
6	***В зависимости от вопросов, решаемых в документе***		
	вопросы, связанные с профилем деятельности	243	34,7
	вопросы, связанные с МТО, хозяйственной деятельностью	341	48,7
	вопросы, связанные с организационно-управленческой деятельностью	116	16,6
	Всего	*700*	*100*
7	***В зависимости от наличия приложений***		
	без приложений	426	60,9
	в которых приложения – копии документов	135	19,3
	в которых необходимо готовить приложения	139	19,9
	Всего	*700*	*100*

Рассмотрев различные виды документов, можно сделать вывод, что основными в сфере здравоохранения стали информационные документы руководителям. Рассчитаем теперь время, необходимое на их обработку.

Использование пакета прикладных программ для обработки управленческой информации IBM SPSS Statistics показало, что среднее время на подготовку одного документа составляет 2,4 рабочих дня (исходя из общего количества документов и документов, подготовленных за один рабочий день, а также времени, затраченного на их обработку).

Для расчетов количества человек, необходимых на обработку документов, введем формулу:

$$Д \times К \times Т \times К_{од} = Ч,$$

где Д – среднее число дней на подготовку одного документа (2,4 – это среднее количество дней на подготовку одного документа);

К – количество анализируемых документов (700 – количество документов, которые анализировались);

Т – количество рабочих дней в анализируемом периоде (123,5 – количество рабочих дней за анализируемый период (в году 247 рабочих дня, анализируемый период – полгода, т. е. 247 : 2 = 123,5);

Ч – количество человек;

$К_{од}$ – коэффициент обработки документов (0,6 – был получен экспертным путем, т. е. специалисты наркодиспансера указали, что в день они тратят 60 %).

Таким образом, подставив значения в формулу, получаем следующий результат:

$2,4 \times 700 \times 123,5 \times 0,6 = 8,2.$

Исходя из полученных результатов, можем сделать вывод, что для работы с тем объемом документов, которые поступают в наркологический диспансер, требуют обработки и ответных писем, необходимо 8 человек.

При этом максимальное время, необходимое на подготовку документов в зависимости от различных факторов, – 10 дней, а минимальное – 1,5 дня.

В результате анализа были выявлены также следующие закономерности.

На ответы руководителям необходимо в среднем 2,3 дня. На ответы специалистам в целом уходит больше времени – в среднем 5,5 дней.

При анализе зависимости уровня документа и времени, которое необходимо затратить на ответ на подобный документ, было выявлено, что подготовка документов международного и федерального уровня занимает в среднем 4,5 дня. Время, необходимое на подготовку документов, сокращается в зависимости от его уровня. Так, на документы регионального и муниципального уровня требуется в среднем 2 дня.

Проще всего, судя по результатам обработки документов, готовить ответы на письма непрофильных организаций, связанных с хозяйственной деятельностью и материально-техническим обеспечением, в среднем временные затраты составляют 1,6 дня. Что касается профильных организаций, связанных со здравоохранением, установлено, что в среднем необходимо затратить 3,1 день. На письма в специфические организации требуется в среднем 2,1 день.

Анализ зависимости временных затрат и причин создания документа показывает, что в зависимости от запрашиваемой информации тратится в среднем 2 дня. На письма во исполнение другого документа или поручения сотрудникам нужно в среднем 2,8 дня. Документы, созданные по инициативе организации, требуют в среднем 4,2 дня.

На те документы, в которых содержатся вопросы, связанные с профилем деятельности, обычно требуется в среднем 2,2 дня. Остальные вопросы (организационно-управленческого характера, а также связанные с хозяйственной деятельностью, материально-техническим обеспечением, финансированием) занимают в среднем 1,5 дня.

При анализе связи между организациями, в которые направляется документ, и вопросами, требуемыми решения, установлена следующая взаимосвязь. Так, в 51 % писем отражаются вопросы, связанные с профилем деятельности (со сферой здравоохранения), 16 % документов содержат проблемы организационно-управленческого характера, по 14 % – вопросы финансовые и связанные с материально-техническим обеспечением, а в 4 % рассматриваются вопросы, связанные с хозяйственной деятельностью.

Документы, направляемые в различные ведомства в первую очередь посвящены вопросам здравоохранения (48 %), здесь подразумевается вся информация, касающаяся пациентов учреждения, 30 % посвящены финансовым вопросам, в частности об оплате труда экспертов за проделанную работу и организационно-управленческим проблемам (20 %). Естественно, что документы в хозяйственные организации в большей степени отражают хозяйственные вопросы (47 %) и проблемы с материально-техническим обеспечением (36 %). В другие учреждения поступают письма в основном на темы, связанные со здравоохранением (71 %).

Таким образом, можно сделать вывод, что большая часть документов независимо от организации, в которую они направляются, связана с основным профилем деятельности наркодиспансера.

В ходе исследования был проведен также опрос руководителя учреждения о затратах времени на различные виды документов. По его мнению, на подготовку документов, которые не требуют приложений, необходимо в среднем 1,5 рабочих дня. Документы, где нужны приложения – копии других документов, требуют в среднем 2,5 дня.

На те документы, когда необходимо готовить приложения, требуются различные временные затраты в зависимости от его объема. Так, на документ объемом от 2 до 6 страниц нужно в среднем 4,5 дня, от 6 до 15 страниц необходимо 5 рабочих дней, если же в письме от 15 и более страниц, то нужно уже примерно 2 недели.

Прослеживается также зависимость временных затрат от профиля деятельности организации. Поскольку большая часть документов готовится для организаций, связанных со здравоохранением, то на это необходимо на 40 % больше времени, чем на подготовку документов для других организаций. Например, на подготовку писем в непрофильные и специфические организации нужно на 30 % больше времени, чем на какие-то другие документы.

Временная зависимость от уровня, куда направляется документ, прослеживается в следующем соотношении: чем выше уровень, тем больше требуется времени. Так, на подготовку документов федерального уровня необходимо на 50 % больше времени, чем, например, на документы муниципального уровня, на которые может быть отведено до 10 % рабочего времени, а на региональный уровень – до 15 % временных затрат.

Больше всего времени тратится на подготовку писем-предложений, что, вероятно, связано с необходимостью точно выверять все данные и обдумывать условия предложения (40 % рабочего времени). На письма-отчеты руководитель обычно тратит 20 % времени и на письма-рекламации – 15 % времени. А вот гарантийные письма требуют на 50 % меньше временных затрат, чем другие, сопроводительные документы – даже на 70 % меньше.

Вопросы, связанные с материально-техническим обеспечением работы, занимают на 70 % больше времени, а вопросы, связанные со здравоохранением, – на 60 % больше времени на подготовку, чем другие вопросы. Это связанно и с общим объемом документов, и с частотой обращения самой организации по данным вопросам. На проблемы организационно-управленческого характера руководитель, естественно, тратит на 40 % больше времени, чем на другие.

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать общие ***выводы***.

1. Основной объем документов направляется в вышестоящие инстанции, руководящим работникам, по различным вопросам, чаще связанным со сферой здравоохранения.

2. Выявлена зависимость между уровнем, на который направляется документ, и временем, необходимым на его подготовку.

3. Установлена зависимость между профилем организации и временем подготовки ответов на их запросы, в частности больше времени требуется на документы для организаций здравоохранения.

4. Определена взаимосвязь временных затрат и причин создания документов, так на подготовку документов по инициативе организации необходимо больше времени, чем на письма во исполнение другого документа или запроса.

5. Вопросы, связанные с профилем деятельности занимают основную долю рабочего времени, затраченного на формирование документов.

Рекомендации, которые можно сделать, исходя из проведенного анализа, для наркодиспансера:

1. Расширить штат сотрудников, занимающихся документооборотом.

2. Выделить отдельного сотрудника для ответов на запросы различных ведомств.

3. Вести номенклатуру дел в зависимости от организаций, в которые направляются документы, или в зависимости от причины создания документов, чтобы в случае необходимости можно было легко идентифицировать документ и определить необходимое время на его подготовку.

4. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 30 сентября 2013 г. № 504 «Об утверждении методических рекомендаций по разработке систем нормирования труда в государственных (муниципальных) учреждениях» гласит, что «при разработке норм труда в учреждении формируется комплекс решений, установленных в локальных нормативных актах или коллективном договоре. Применяющиеся нормы труда по видам работ и рабочим местам при выполнении тех или иных видов работ (функций), а также методы и способы их установления. Порядок и условия введения норм труда применительно к конкретным производственным условиям, рабочему месту, а также их замены и пересмотра; меры, направленные на их соблюдение [5]. Поэтому в качестве решения целесообразно разработать локальный документ о нормах затрат рабочего времени на работу с исходящей и входящей документацией.

Литература

1. Заруднев С. А. «Фактор времени» как доминантный критерий повышения эффективности работников умственного труда предприятия // Кант. 2013. № 2(8). С. 33 – 35.

2. Кицул Л. С., Пивень Д. В., Сасина М. С. Новые задачи в области нормирования труда в условиях изменения правового положения медицинских учреждений // Менеджер здравоохранения. 2011. № 7. С. 37 – 41.

3. Лаптева А. М., Захарова М. А. Роль нормирования в эффективной организации труда // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2013. № 3. С. 57 – 60.

4. Норма времени: определение и формула. Режим доступа: http://motivtruda.ru/norma-vremeni.htm (дата обращения: 14.02.2016).

5. Об утверждении методических рекомендаций по разработке систем нормирования труда в государственных (муниципальных) учреждениях. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 30 сентября 2013 г. № 504. Режим доступа: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70420216/ (дата обращения: 14.02.2016).

6. Об утверждении норм времени на работы по документационному обеспечению управленческих структур федеральных органов исполнительной власти. Постановление Министерства труда и социального развития Российской Федерации от 26.03.2002 г. № 23. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/901816605 (дата обращения: 01.02.2016).

7. Понкратова Т. А., Кителева О. М. К вопросу нормирования труда на современном этапе развития экономики // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 6(37). С. 119 – 122.

8. Самойлюк Т. А. Особенности нормирования труда управленческого персонала // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2012. № 2. Т. 2. С. 161 – 165.

9. Стародубов В. И., Сон И. М., Иванова М. А., Люцко В. В., Армашевская О. В., Соколовская Т. А., Бантьева М. Н. Затраты рабочего времени врачей амбулаторного звена по данным фотохронометражных исследований // Менеджер здравоохранения. 2014. № 8. С. 18 – 22.

10. Шипова В. М. Нормирование труда в здравоохранении. М.: ФГБУ «ЦНИИОИЗ» Минздрава России, 2013. 88 с.

Информация об авторах:

Лузгарева Дарья Владимировна **–** ассистент кафедры менеджмента Кемеровского государственного университета, poetry_11@mail.ru.

Лузгарева Ольга Ивановна **–** кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента Кемеровского государственного университета, luzgareva_olga@mail.ru.

Лопатин Андрей Анатольевич – доктор медицинских наук, главный врач ГБУЗ КО КОКНД, главный нарколог МЗ РФ в Сибирском федеральном округе, главный нарколог Кемеровской области, профессор кафедры психиатрии, наркологии и медицинской психологии Кемеровской государственной медицинской академии.

STUDY OF THE TIME SPENT ON DOCUMENTS PREPARATION IN MEDICAL INSTITUTIONS

Daria V. Luzgareva[1, @1], Olga I. Luzgareva[1, @2], Andrey A. Lopatin[3]

Received 08.02.2016
Accepted 19.05.2016

[1] *Kemerovo State University*
[2] *Kemerovo State Medical Academy*
[@1] *poetry_11@mail.ru*
[@2] *luzgareva_olga@mail.ru*

Keywords:
time spent, document type, analysis of documents, documents processing.

Abstract: The paper considers the standards of time spent on processing different documents. The example of the Budgetary Public Health Facility of Kemerovo Region "Kemerovo Regional Clinical Drug Dispensary" shows, how much time is required for documents preparation and processing, depending on the document type. In addition, the goal was set to determine the average time spent, as well as to develop recommendations for efficient use of working hours for documents preparation in a medical institution. While analyzing the documents, the formula for calculating the number of people, required for documents processing, was developed, and the relevant calculations were presented.

For citation: Luzgareva D. V., Luzgareva O. I., Lopatin A. A. Issledovanie vremennykh zatrat na podgotovku dokumentov v meditsinskom uchrezhdenii [Study of the time spent on documents preparation in medical institutions]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki – Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic sciences*, no. 1 (2016): 56 – 61.

References

1. Zarudnev S. A. «Faktor vremeni» kak dominantnyi kriterii povysheniia effektivnosti rabotnikov umstvennogo truda predpriiatiia ["Time factor" as the dominant criteria for improvement of the efficiency of intellectuals of the enterprise]. *Kant – Kant*, no. 2(8) (2013): 33 – 35.
2. Kitsul L. S., Piven' D. V., Sasina M. S. Novye zadachi v oblasti normirovaniia truda v usloviiakh izmeneniia pravovogo polozheniia meditsinskikh uchrezhdenii [New challenges of work standardization in the conditions of changing legal position of a medical facility]. *Menedzher zdravookhraneniia – Manager of healthcare*, no. 7 (2011): 37 – 41.
3. Lapteva A. M., Zakharova M. A. Rol' normirovaniia v effektivnoi organizatsii truda [Role of standardization in efficient labor organization]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova – Bulletin of the N.A. Nekrasov Kostroma State University*, no. 3 (2013): 57 – 60.
4. *Norma vremeni: opredelenie i formula* [Time standard: determination and formula]. Available at: http://motivtruda.ru/norma-vremeni.htm (accessed 14.02.2016).
5. *Ob utverzhdenii metodicheskikh rekomendatsii po razrabotke sistem normirovaniia truda v gosudarstvennykh (munitsipal'nykh) uchrezhdeniiakh* [On approval of methodological recommendations for development of the systems of labor standardization in the state (municipal) enterprises]. Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation, September 30 2013, no. 504. Available at: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70420216/ (accessed 14.02.2016).
6. *Ob utverzhdenii norm vremeni na raboty po dokumentatsionnomu obespecheniiu upravlencheskikh struktur federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti* [On approval of time standards for documentation of management structures of the federal executive authorities]. Decision of the Ministry of Labor and Social Development of the Russian Federation, 26.03.2002, no. 23. Available at: http://docs.cntd.ru/document/901816605 (accessed 01.02.2016).
7. Ponkratova T. A., Kiteleva O. M. K voprosu normirovaniia truda na sovremennom etape razvitiia ekonomiki [On the issue of labor standardization on the modern stage of economy development]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia – World of science, culture and education*, no. 6(37) (2012): 119 – 122.
8. Samoiliuk T. A. Osobennosti normirovaniia truda upravlencheskogo personala [Features of labor standardization for key management personnel]. *Interekspo Geo-Sibir' – Interexpo Geo-Siberia*, 2, no. 2 (2012): 161 – 165.
9. Starodubov V. I., Son I. M., Ivanova M. A., Liutsko V. V., Armashevskaia O. V., Sokolovskaia T. A., Bant'-eva M. N. Zatraty rabochego vremeni vrachei ambulatornogo zvena po dannym fotokhronometrazhnykh issledovanii [Working time consumption of physicians of outpatient treatment according to the data of photo-chronometry]. *Menedzher zdravookhraneniia – Manager of healthcare*, no. 8 (2014): 18 – 22.
10. Shipova V. M. *Normirovanie truda v zdravookhranenii* [Labor standardization of healthcare]. Moscow: FGBU «TsNIIOIZ» Minzdrava Rossii, 2013, 88.

УДК 339.138:378

МАРКЕТИНГОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА РЫНКЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ: КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД

***Л. Г. Миляева*[1, @]**

Поступила в редакцию 11.03.2016
Принята к печати 23.05.2016

[1] *Бийский технологический институт*
[@] lgm@bti.secna.ru

Ключевые слова:
маркетинговые исследования, рынок образовательных услуг, методический инструментарий, высшее образование, мотивационный профиль, трансформационный анализ, комплексный подход.

Аннотация: В статье представляется оригинальный методический инструментарий, объединяющий две взаимодополняющие методики: построения мотивационного профиля респондентов высших учебных заведений (потенциальных абитуриентов и студентов) и трансформационного анализа мотивов получения высшего образования. Приводятся результаты его апробации в Алтайском крае в период с 2012 по 2015 гг. Обосновывается необходимость исследования спроса на неофициальном рынке образовательных услуг; раскрываются его специфические особенности, анализируются результаты целевого анкетного опроса гипотетических покупателей. Акцентируется правомерность использования комплексного подхода при проведении маркетинговых исследований на рынке образовательных услуг.

Для цитирования: Миляева Л. Г. Маркетинговые исследования на рынке образовательных услуг: комплексный подход // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2016. № 1. С. 62 – 70.

Трансформационные процессы, охватившие в последнее десятилетие различные сферы российской экономики, не оставили без внимания рынок образовательных услуг. Одним из проявлений отмеченного выступили результаты комплексного анализа мотивов получения высшего образования студентами и потенциальными абитуриентами алтайских вузов, базирующиеся на материалах анкетного опроса.

Для построения мотивационного профиля респондентов использовалась методика [7], визитная карточка которой представлена в таблице 1.

Алгоритм построения мотивационного профиля респондентов высших учебных заведений предполагает последовательное выполнение пяти этапов.

1. Обоснование структуры и выборки респондентов.
2. Разработка опросной анкеты.
3. Анкетный опрос респондентов (студентов и/или абитуриентов).
4. Обработка материалов опросной статистики.
5. Построение мотивационного профиля респондентов, отражающего обобщенную приоритетность мотивов получения ими высшего профессионального образования.

Таблица 1. **Визитная карточка методики построения мотивационного профиля респондентов высших учебных заведений**
Table 1. **Composite card of the method of creating the motivational profile of the respondents from higher education institutions**

Параметры	***Характеристики***
Концептуальная основа	Идея использования принципа Ш. Ричи и П. Мартина [2]
Вид методики	Количественно-качественная
Тип методики	Универсальная
Информационная база	Результаты целевого анкетного опроса респондентов
Целевое предназначение	Ранжирование мотивов получения высшего образования
Апробация методики	Многолетняя (с 2012 года и по настоящее время) и диверсифицированная

Представляется, что наиболее важный этап связан с разработкой опросной анкеты, объединяющей вопросы трех блоков:

1) *первого*, предназначенного для идентификации респондентов – выявления их параметрических характеристик (пол, возраст, успеваемость и т. д.);

2) *второго* блока, нацеленного на диагностику относительной значимости мотивов получения высшего профессионального образования;

3) *третьего*, ориентированного на выявление приоритетности мотивов выбора вуза.

Безусловно, наибольший интерес с методической и практической точек зрения представляет целевая часть Анкеты, каждый блок которой содержит по 12 вопросов-утверждений.

Анкета респондента вуза (фрагмент)

Инструкция по заполнению части 2 и части 3 анкеты. Ответьте на приведенные ниже вопросы текста быстро, не раздумывая подолгу. В каждом вопросе-утверждении вам необходимо распределить 6 баллов между пятью вариантами ответа (а, б, в, г, д). Если для вас значим только один фактор, то он будет оценен в 6 баллов, а остальные – по нулю. Главное, чтобы оценки важности каждого варианта вопроса-утверждения в сумме составляли 6 баллов.

Часть 2 – анализ мотивов получения высшего образования:

1. Я хочу получить высшее образование, потому что:

а) мне нужен диплом ___;
б) настаивают родители ___;
в) просто хочу учиться ___;
г) хочу заниматься наукой ___;
д) хочу зарабатывать достаточно денег ___.

2. Высшее образование даст мне возможность:

а) успешно трудоустроиться ___;
б) познакомиться с интересными людьми ___;
в) занять высокое социальное положение ___;
г) сделать успешную карьеру ___;
д) стать профессионалом ___.

3. Окончив высшее учебное заведение, я смогу:

а) стать материально обеспеченным ___;
б) связать свою жизнь с наукой ___;
в) найти работу ___;
г) стать хорошим специалистом ___;
д) добиться на работе высокой должности ___.

4) Моей целью получения высшего образования является:

а) процесс обучения, получение знаний ___;
б) знакомство с новыми людьми ___;
в) диплом о высшем образовании ___;
г) стать востребованным на рынке труда ___;
д) занять высокое социальное положение ___.

5) У тех людей, которые учатся в высшем учебном заведении, есть желание:

а) учиться ___;
б) работать в сфере науки ___;
в) стать хорошим специалистом ___;
г) добиться вершин в карьере ___;
д) достичь материальной независимости ___.

6) Высшее образование мне необходимо, потому что:

а) в настоящее время важен диплом о высшем образовании ___;
б) так считают родители ___;
в) оно повышает вероятность трудоустройства ___;
г) хочу достаточно зарабатывать ___;
д) оно дает возможность занять высокую должность ___.

7) Не получив высшее образование, у меня не будет возможности:

а) успешно трудоустроиться ___;
б) хорошо зарабатывать ___;
в) завести новых друзей ___;
г) занять высокое социальное положение ___;
д) сделать успешную карьеру ___.

8) Мне нужно поступить в высшее учебное заведение, если хочу:

а) получить знания ___;
б) чтобы родители мною гордились ___;
в) познакомиться с интересными людьми ___;
г) стать профессионалом ___;
д) в дальнейшем заниматься наукой ___.

9) После окончания вуза у меня будет:

а) много хороших друзей ___;
б) диплом о высшем образовании ___;
в) выгодное предложение о трудоустройстве ___;
г) возможность поступить в аспирантуру ___;
д) «багаж» знаний, связанных с моей специальностью ___.

10) Главный мотив получения высшего образования – это:

а) занять высокое социальное положение ___;
б) желание родителей ___;
в) желание учиться, получать знания ___;
г) знакомство с новыми людьми ___;
д) стать квалифицированным специалистом ___.

11) Для высокого качества жизни, мне необходимо:

а) получить диплом о высшем образовании ___;
б) занимать высокое социальное положение ___;
в) стать материально обеспеченным ___;
г) добиться уважения окружающих ___;
д) сделать успешную карьеру ___.

12) Высшее образование нужно, для того чтобы:

а) получить знания ___;
б) получить диплом ___;
в) оправдать надежды родителей ___;
г) занять высокое социальное положение ___;
д) поступить в аспирантуру ___.

Часть 3 – анализ мотивов выбора вуза:

1. При выборе вуза для меня важно, чтобы он:

а) был недалеко от дома ___;
б) имел хорошую репутацию ___;
в) оказал содействие в трудоустройстве выпускников ___;
г) имел развитую инфраструктуру ___;
д) оказывал образовательные услуги на высоком уровне ___.

2. На мое мнение при выборе вуза может повлиять:

а) возможность параллельно получить второе высшее образование ___;
б) наличие в нем интересующей специальности ___;
в) выбор высшего образовательного учреждения друзьями ___;
г) возможность бесплатного обучения ___;
д) советы выпускников ___.

3. Вуз будет мне не интересен, если:

а) он находится в другом городе;
б) полученное в нем образование не востребовано на рынке труда;
в) в нем работает слабый преподавательский состав;
г) отсутствует современное оснащение;
д) возможность поступить только на коммерческую основу.

4. Я хочу получить образование в данном вузе, потому что:

а) есть возможность получить второе высшее образование ___;

б) многие одноклассники собираются обучаться здесь ___;

в) это престижный вуз ___;

г) здесь обучают престижной профессии ___;

д) здесь готовят специалистов, востребованных на рынке труда ___.

5. Важно, чтобы вуз имел:

а) современное учебное оборудование ___;

б) связи с работодателями ___;

в) значительное количество бюджетных мест ___;

г) удобное местоположение ___;

д) положительный имидж ___.

6. При выборе вуза буду ориентироваться:

а) на информацию о вузе в СМИ ___;

б) на наличие дополнительных образовательных услуг ___;

в) на рекомендации выпускников ___;

г) на мнение родителей ___;

д) на наличие интересующей специальности ___.

7. Престижность вуза ассоциируется у меня:

а) с высокой стоимостью образовательных услуг ___;

б) с качеством преподавания ___;

в) с востребованностью выпускников ___;

г) с известностью ___;

д) с определенным местом расположением (столичный город, крупный город, центр города) __.

8. Важными критериями выбора вуза, считаю:

а) положительные отзывы студентов ___;

б) высокий уровень обеспечения местами в общежитии ___;

в) мнение авторитетных для меня людей ___;

г) широкий спектр дополнительных образовательных услуг ___;

д) интересные направления подготовки специалистов ___.

9. Не думаю, что стал(а) бы поступать в вуз:

а) который не отслеживает статистику трудоустройства выпускников ___;

б) которым не довольны студенты и выпускники __;

в) малоизвестный ___;

г) который не имеет лицензию на осуществление образовательной деятельности;

д) который не устраивает моих родителей ___.

10. Не привлекательным для меня является вуз, в котором:

а) слабая материально-техническая база ___;

б) высокая стоимость обучения ___;

в) отсутствуют интересующая специальность ___;

г) слабая профессиональная подготовка специалиста ___;

д) отсутствуют дополнительные программы обучения ___.

11. Не думаю, что при выборе вуза не приму во внимание:

а) величину дохода в семье ___;

б) мнение родственников ___;

в) советы студентов старших курсов ___;

г) отсутствие второго высшего образования ___;

д) местоположение ___.

12. Вуз, который мне интересен:

а) даст мне хорошую профессиональную подготовку ___;

б) имеет современное учебное оборудование ___;

в) проводит набор на интересующую для меня специальность ___;

г) рекомендуют студенты старших курсов ___;

д) находится в удобном местоположении ___.

Данные анкетного опроса заносят в специальную матрицу (таблица 2), аккумулирующую средние балльные оценки анализируемых мотивов. Представляется, что совокупное количество баллов по всем 10 мотивам составит 72 (12 вопросов утверждений, сумма баллов по каждому 6).

Таблица 2. **Формат матрицы балльных оценок мотивов получения высшего профессионального образования (фрагмент)**

Table 2. **Format of the matrix of ranking assessmet of the motives of getting higher education (fragment)**

Мотивы получения высшего профессионального образования	***№ вопроса***					
	1	***...***	***6***	***...***	***12***	***итого***
1. Профильное трудоустройство			в			
2. Желание учиться, получать знания	в				а	
3. Диплом о высшем образовании	а		а		б	
4. Совет/мнение родителей	б		б		в	
5. Знакомства с интересными людьми						
6. Высокое социальное положение					г	
7. Стать хорошим специалистом						
8. Желание работать в науке	г				д	
9. Хороший материальный достаток	д		г			
10. Успешная профессиональная карьера			д			

В марте 2012 г. представленная методика успешно прошла пилотную апробацию (таблицы 3 – 4) на примере учащихся выпускных классов семи анализируемых школ г. Бийск, потенциально изъявивших желание поступать в вузы города (N = 205). Сводные результаты исследования, позиционируемые как обобщенные мотивационные профили, позволили выявить мотивы-лидеры (выделены жирным курсивом), на которые вузам города подобало ориентироваться в первую очередь при разработке конкурентоспособной стратегии развития.

Необходимо подчеркнуть, что представленный методический подход было рекомендовано внедрить в систему МКО (менеджмента качества образования) БТИ АлтГТУ им. И. И. Ползунова для ежегодного мониторинга

мотивов получения высшего профессионального образования не только потенциальными абитуриентами, но и обучающимися. В качестве так называемой экспериментальной группы, выполняющей роль индикатора общественного мнения, выступили студенты очной формы обучения экономического факультета: 2012 г. набора (ЭФ-12); 2013 г. набора (ЭФ-13); 2014 г. набора (ЭФ-14).

Таблица 3. **Обобщенный профиль мотивов получения высшего образования потенциальными абитуриентами вузов г. Бийск (2012 г.)**
Table 3. **Cumulative profile of the motives of getting higher education of the potential entrtants of Biysk higher education institutions (2012)**

Мотивы получения высшего профессионального образования	***Мотивационный профиль***	
	средний балл	***ранг значимости***
1. ***Профильное трудоустройство***	8,62	4
2. Желание учиться, получать знания	7,69	6
3. Диплом о высшем образовании (ВО)	7,05	7
4. Совет / мнение родителей	3,71	9
5. Знакомства с интересными людьми	4,46	8
6. Высокое социальное положение	8,33	5
7. ***Желание стать хорошим специалистом***	9,20	3
8. Желание работать в науке	2,95	10
9. ***Хороший материальный достаток***	10,71	1
10. ***Успешная профессиональная карьера***	9,28	2

Таблица 4. **Обобщенный профиль мотивов выбора вуза потенциальными абитуриентами г. Бийск (2012 г.)**
Table 4. **Cumulative profile of the motives of choosing a higher education institution of the potential entrtants of Biysk higher education institutions (2012)**

Мотивы выбора вуза	***Мотивационный профиль***	
	средний балл	***ранг значимости***
1. Развитая инфраструктура	4,30	7
2. Местоположение	4,22	8
3. Известность, высокая репутация	7,08	5
4. ***Качество образования***	12,19	2
5. ***Интересующая специальность***	13,89	1
6. ***Доступность по финансовой компоненте***	7,83	4
7. Влияние мнения родителей / друзей	3,86	10
8. Рекомендации выпускников	5,35	6
9. ***Содействие в трудоустройстве***	9,10	3
10. Дополнительные программы обучения	4,18	9

Результаты мониторингов 2012 – 2016 гг., не вдаваясь в детали, можно свести к трем ключевым моментам.

1. Приоритетность мотивов получения высшего образования потенциальными абитуриентами практическими совпадает с мотивационным профилем студентов-первокурсников. На протяжении всего анализируемого периода безусловными лидерами выступали следующие четыре мотива: успешная профессиональная карьера (1 – 2 ранги); хороший материальный достаток (1 – 2 ранги); желание стать хорошим специалистом (3 – 4 ранги); профильное (по полученной в вузе специальности или по полученному направлению подготовки) трудоустройство (3 – 4 ранги).

2. В мотивационном профиле студентов-второкурсников существенных сдвигов не наблюдалось. То есть, за год обучения в вузе (опрос обучающихся традиционно проводится в начале учебного года) трансформационных изменений не происходило.

3. К четвертому (выпускному) курсу в мотивационном профиле студентов четко прослеживались изменения, обусловленные двумя обстоятельствами: *во-первых*, абсолютным лидерством «статусно-материальных» мотивов, сопряженных с желанием студентов получить диплом о высшем образовании (1 ранг), обрести по окончании вуза высокое социальное положение (2 – 3 ранги), обеспечить хороший материальный достаток (2 – 3 ранги), сделать успешную карьеру (4 ранг); *во-вторых*,

смещением в группу «середнячков» (5 – 6 ранги) «профессиональных мотивов» (желание стать хорошим специалистом и трудоустроиться по полученной специальности).

Уточнить сложившуюся ситуацию позволили результаты трансформационного анализа мотивационного профиля студентов.

Как известно, термин «трансформация» (от лат. transformation) дословно обозначает изменение. В данном контексте пояснения требуют два момента, касающиеся допустимости идентификации того или иного изменения (преобразования) в качестве трансформации: «Какой глубины должно быть изменение? За какой период (временной интервал) оно должно произойти?».

Ответы на поставленные вопросы, по сути, формируют концептуальную основу авторской позиции [10], согласно которой:

1. Изменение должно быть существенным (явным, ощутимым, кардинальным и т. д.). Учитывая относительность количественных оценок (например, для одного исследуемого объекта изменение, допустим, на 5 % это – «очень много», а для другого – «очень мало»), для измерения «глубины трансформаций» логично использовать шкалу «описательных градаций». В частности, трехуровневую:

1) незначительное (практически не ощутимое) изменение;

2) изменение ощутимое, но не кардинальное;

3) значительное изменение (изменение-преобразование, изменение-трансформация).

Подчеркнем, что реализация предложенного подхода сопряжена с разграничением изменений на *три зоны*: зону *колебаний*; *переходную* (промежуточную) зону; зону *трансформаций* (явных преобразований).

2. Изменение «трансформационного (преобразовательного)» характера априори не может быть мгновенным. По мнению ученых, необходимый для этого временной интервал может колебаться от нескольких до 5 – 7 лет. Опираясь на компиляционную позицию исследователей и собственные наблюдения, анализируемый период должен составлять как минимум три года. Представляется, что участниками трансформационного анализа мотивов получения высшего образования, проводимого в начале учебного года, могут быть только студенты-четверокурсники; в конце учебного года – студенты 3 и 4 курсов.

Базирующийся на представленных принципах *методический подход* к трансформационному анализу мотивов получения высшего образования предполагает последовательное выполнение следующих этапов.

1. *Уточнение* структурных составляющих анализируемого объекта (мотивационного профиля обучающихся). Допустим, изучаемый объект, как в нашем случае (таблица 2) формируют десять мотивов, условно обозначенных: M_1; M_2; M_3; M_4; M_5;…; M_{10}.

2. *Представление* гипотезы, обосновывающей возможность и характер трансформационных изменений.

3. *Проведение* анкетного опроса респондентов (студентов четвертого курса). Целевой блок анкеты должен включать десять (по числу анализируемых мотивов) вопросов: «Как (подчеркните нужное) за анализируемый период изменилась значимость (удельный вес, доля) мотива M_1 (далее M_2, M_3, …, M_{10}) получения Вами высшего образования: (не изменилась; изменилась незначительно; изменилась ощутимо, но не кардинально; изменилась значительно)?».

4. *Обработка* материалов опросной статистики – исчисление средней балльной оценки. При реализации данного этапа целесообразно использовать цифровую символику предлагаемых вариантов ответов: «не изменилась» – 0 баллов; «изменилась незначительно» – 1 балл; «изменилась ощутимо, но не кардинально» – 2 балла; «изменилась значительно» – 3 балла.

5. Анализ полученных результатов – идентификация произошедших за анализируемый период изменений (M_1, M_2, …, M_{10}). Рассчитав средний балл (по респондентам), можно идентифицировать зону и характер произошедших за анализируемый период изменений:

– от 0 до 0,5 баллов – *мертвая зона* (по сути без изменений);

– от 0,6 до 1,5 баллов – *зона колебаний* (с незначительными изменениями);

– от 1,6 до 2,5 баллов – *переходная* (промежуточная) *зона* с ощутимыми, но не кардинальными изменениями;

– от 2,6 до 3,0 баллов – *зона трансформаций* (со значительными изменениями-преобразованиями).

Таким образом, констатировать наличие трансформации правомерно лишь при средней балльной оценке изменения от 2,6 до 3,0. К сожалению, при любом результате меньше 2,6 баллов, возможно лишь резюмировать наличие различного уровня изменений, но не трансформаций.

Целевой блок анкеты респондентов (студентов-четверокурсников) объединял 11 вопросов (10 – согласно анализируемому перечню мотивов и 1 обобщающий):

1. Как (подчеркните нужное и укажите символ: ↑ или ↓) для Вас лично за период обучения в вузе изменилась значимость мотива «возможность профильного трудоустройства» (не изменилась; изменилась незначительно; изменилась ощутимо, но не кардинально; изменилась значительно)?...

10. Как (подчеркните нужное и укажите символ: ↑ или ↓) для Вас лично за период обучения в вузе изменилась значимость мотива «успешная профессиональная карьера» (не изменилась; изменилась незначительно; изменилась ощутимо, но не кардинально; изменилась значительно)?

11. Как (подчеркните нужное и укажите символ: ↑ или ↓) для Вас лично за период обучения в вузе изменилась значимость получения высшего образования (не изменилась; изменилась незначительно; изменилась ощутимо, но не кардинально; изменилась значительно)?

Представляется, что символ «↑», используемый в опросной Анкете, обозначал увеличение значимости диагностируемого элемента кадровой политики; соответственно, символ «↓», напротив, указывал на снижение значимости.

Сводные результаты исследования (таблица 5) показали, что за анализируемый период значимость получения высшего образования практически не изменилась (как и некоторых мотивов: совет родителей; знакомство с интересными людьми; желание работать в науке). Между тем было установлено, что значимость двух мотивов, сопряженных с желаниями получить диплом о высшем

образовании и занять высокое социальное положение, претерпело не кардинальное (трансформационное), а ощутимое изменение, идентичное балльной градации от 1,6 до 2,5.

Следствием полученных результатов (таблица 5) выступила гипотеза: желание весомой доли студентов получить диплом о высшем образовании, не утруждая себя учебой, вынуждает их прибегать к услугам «продавцов» так называемого неофициального рынка образовательных услуг (НРОУ) [1 – 3; 8; 9].

Не секрет, что основными особенностями НРОУ выступают (таблица 6):

1) отсутствие официального статуса;

2) специфичность действующих контрагентов: «покупателей» – физических лиц, выступающих в роли заказчиков образовательных услуг (фиктивных исполнителей контрольных аттестационных заданий) и «продавцов» – физических лиц, не имеющих соответствующей лицензии, принимающих заказ от «покупателей», и выполняющих его самостоятельно или с помощью «субподрядчиков»;

3) размытость границ НРОУ, неопределенность его состава и структуры;

4) неритмичность функционирования;

5) соподчиненность «ассортимента» НРОУ оценочным критериям образовательных программ, реализуемым на рынке образовательных услуг.

Таблица 5. **Сводные результаты трансформационного анализа мотивов получения высшего образования студентами ЭФ-12**
Table 5. **Final results of the transformational analysis of the motives of getting higher education of the students of the Facuty of Economics, Biysk Technological Institute of Polzunov Alatai State Technical University, who were enrolled in 2012**

Анализируемая значимость	*Балльная оценка*	*Тип изменения*
1. Мотива «профильное трудоустройство»	1,10 (↓)	незначительное изменение
2. Мотива «желание получать знания»	0,95(↓)	незначительное изменение
3. Мотива «желание получить диплом о ВО»	2,40(↑)	изменение ощутимое, но не кардинальное
4. Мотива «совет родителей»	0,45 (↑)	без изменений
5. Мотива «знакомство с интересными людьми»	0,30 (↑)	без изменений
6. Мотива «высокое социальное положение»	2,25(↑)	изменение ощутимое, но не кардинальное
7. Мотива «стать хорошим специалистом»	0,90 (↓)	незначительное изменение
8. Мотива «желание работать в науке»	0,35 (↓)	без изменений
9. Мотива «хороший материальный достаток»	1,30 (↑)	незначительное изменение
10. Мотива «профессиональная карьера»	1,20 (↑)	незначительное изменение
11. Высшего образования в целом	0,35 (↑)	без изменений

Справедливости ради необходимо отметить, что впервые проблематика неофициального (параллельного) рынка образовательных услуг Алтайского края анализировалась в 2008 – 2009 гг. [5; 6]. В частности, по материалам опросной статистики покупателей специфического товара, были выявлены две устойчивые тенденции, сопряженные с увеличением доли респондентов [6, с. 130]:

1) пользовавшихся услугами НРОУ (с 13 % в период до 2000 г. до 44 % – в 2008 – 2009 учебном году);

2) толерантно относящихся к НРОУ (с 32 до 57 %).

По сделанным прогнозным оценкам к 2015 г. доля студентов, хотя бы изредка пользующихся услугами неофициального рынка образовательных услуг, должна была превысить 70 %, а положительно и/или нейтрально относящихся к нему – перевалить за 80 %.

Для подтверждения гипотезы о причинах существенных изменений в мотивационном профиле студентов-старшекурсников в анкету 2015 г. вновь были включены вопросы по НРОУ. В общей сложности исключительно на добровольной основе (количество осознанно участвующих в анкетировании респондентов составляло 85 – 90 % от списочного состава группы) было опрошено 104 студента, в том числе: 47 человек – экономического профиля подготовки; 31 человек – «механического»; 26 человек – «информационного». В качестве фона были выбраны студенты следующих трех вузов: Алтайской государственной академии образования им. В. М. Шукшина (АГАО, г. Бийск) – 23 человека «педагогического» профиля подготовки; Алтайской академии экономики и права (ААЭП, г. Барнаул) – 21 человек «юридического» профиля подготовки; Алтайского государственного университета (АлтГУ, г. Барнаул) – 19 человек экономического профиля подготовки.

Сопоставимость полученных данных в разрезе образовательных учреждений обосновывает допустимость представления основных результатов исследования в усредненном виде (как обобщенное мнение всех 167 опрошенных студентов указанных вузов Алтайского края).

Таблица 6. **Сравнительный анализ рынка образовательных услуг и НРОУ**
Table 6. **Comparative analysis of the educational market and the informal educational services market**

Анализируемый параметр	***Рынок образовательных услуг***	***Неофициальный рынок образовательных услуг***
Объект купли-продажи (товар)	Образовательная услуга	Выполненное «продавцом»-исполнителем контрольное аттестационное задание «покупателя»-заказчика
Контрагенты рынка: субъекты, формирующие предложение; субъекты, формирующие спрос	Официально зарегистрированные юридические лица (вузы); студенты и слушатели вузов	Частные (физические) лица; часть студентов и слушателей вузов
Период рабочей активности	Учебный год	Пред- и сессионный периоды
Правовой статус деятельности	Обязательное наличие государственной лицензии	Отсутствие лицензии на данный вид деятельности
Государственное регулирование деятельности	Обязательное налогообложение деятельности, обеспеченное административной и уголовной ответственностью	Деятельность «продавцов» неофициального рынка образовательных услуг не подлежит налогообложению
Вид услуг	Платные и бесплатные	Платные, безвозмездные, бартерные
Особенности платных услуг	Фиксированная цена, не подлежащая корректировке со стороны покупателя	Договорная цена «продавца» и «покупателя»
Форма оформления сделки между контрагентами	Подписание договора установленного образца	Устная договоренность, редко подкрепленная распиской «продавца»
Риск невыполнения условий сделки	Низкий	Высокий
Срок предоставления услуг	Регламентируется формой обучения в вузе, составляя от 4 до 6 лет	Определяется трудоемкостью выполнения заказа и загруженностью «продавца», варьируясь от нескольких часов до нескольких месяцев

В результате обработки данных аналитического блока анкеты было установлено, что 127 респондентов (из 167 опрошенных, то есть порядка 76 %) на протяжении всего периода обучения в вузе пользовались услугами «продавцов» НРОУ, в том числе: «всего 1 – 2 раза» – 89 человек (70,1 %); «3 – 4 раза» – 33 человек (26,0 %); «от 5 раз и более» – 5 человек (3,9 %). Для сравнения в 2009 г. [6, с. 130] структура клиентов НРОУ по частоте обращения выглядела так: «всего 1 – 2 раза» – 48,0 %; «изредка» – 42,0 %; «часто» – 10,0 %. Если 6 – 7 лет назад прослеживалась четкая зависимость между успеваемостью респондентов и частотой их обращения к услугам НРОУ (отличники – реже, троечники – чаще), то к 2015 г. она исчезла.

Обобщенная вертикаль причин обращения учащихся вузов к продавцам НРОУ выглядит следующим образом:

1) не хватает времени (40,2 %);

2) недостаточно знаний (30,7 %);

3) не хочется самому выполнять контрольное аттестационное задание (21,3 %);

4) для проверки собственных знаний (3,1 %);

5) прочие причины (4,7 %). В данном контексте необходимо акцентировать два момента. Во-первых, лидирование причины «не хватает времени» объясняется не чрезмерной загруженностью учебой, а высокой долей работающих студентов: в среднем каждый третий старшекурсник (то есть около 33 %) занят на условиях полного или сокращенного рабочего дня, желая наработать трудовой стаж и/или обеспечить относительную материальную независимость. Во-вторых, высокий ранг причины «недостаточно знаний» обусловлен существенной долей «троечников» (порядка 45 %) в структуре респондентов по уровню успеваемости (соответственно, около 15 % опрошенных позиционируют себя как «отличники», 40 % – как «хорошисты»).

В 2015 г. доля респондентов, толерантных к неофициальному рынку образовательных услуг возросло до 92 % (из них: 5 % – относятся к НРОУ «очень положительно»; 47 % – «положительно»; 40 % – «нейтрально»), превысив примерно на 10 процентных пунктов прогнозные оценки 2009 г.

В заключение необходимо подчеркнуть, что представленный материал, не претендующий на полноту и завершенность, нацелен, с одной стороны, на привлечение внимания научной и публичной общественности к чрезвычайно актуальной социально-экономической проблеме маркетинговых исследований на рынке образовательных услуг, а, с другой, – на акцентирование ее сложности и многоаспектности, обосновывающих правомерность использования комплексного подхода.

Литература

1. Борисова О. В. Инновационный подход к исследованию рынка образовательных услуг // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. 2009. № 1. С. 352 – 356.
2. Галицкий Е. Б., Левин М. И. Белое и черное: сколько стоит быть студентом? // Terra economicus. 2010. № 3. С. 103 – 112.
3. Леонтьева Э. О. Диплом «под ключ» или неформальная практика опекунства в современных российских вузах // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. № 4. С. 142 – 159.
4. Миляева Л. Г., Бавыкина Е. Н. Методика построения мотивационного профиля потенциальных абитуриентов вузов // Гуманизация образования. 2013. № 5. С. 48 – 53.
5. Миляева Л. Г., Борисова О. В. Неформальные аспекты рынка образовательных услуг // Вестник Алтайской науки. 2009. № 2(5). С. 62 – 73.
6. Миляева Л. Г., Борисова О. В. Параллельный рынок услуг высшего профессионального образования (торговля контрольными заданиями) // Terra economicus. 2010. № 3. С. 122 – 133.
7. Ричи Ш., Мартин П. Управление мотивацией: учебное пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. С. 16 – 26.
8. Титаев К. Д. Почем экзамен для народа? Этюд о коррупции в высшем образовании // Экономическая социология. 2005. № 2. С. 69 – 82.
9. Шевченко И. О., Гаврилов А. А. О теневых экономических отношениях в сфере высшего образования // Социологические исследования. 2005. № 7. С. 118 – 123.
10. Milyaeva L. G., Milyaev V. D. Analisi delle trasformazioni strutturali di competenza professionale del personale // Italian Science Review. 2014. № 3(12). P. 227 – 229.

Информация об авторе:

Миляева Лариса Григорьевна – доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета, заведующая кафедрой экономики предпринимательства Бийского технологического института, lgm@bti.secna.ru.

MARKET RESEARCHES IN THE EDUCATIONAL MARKET: INTEGRATED APPROACH

Larisa G. Milyaeva [1, @]

Received 11.03.2016
Accepted 23.05.2016

[1] *Biysk institute of technology*
[@] *lgm@bti.secna.ru*

Keywords:
market researches, education market, methodical tools, higher education, motivational profile, transformational analysis, integrated approach.

Abstract: The paper presents the original methodical tools uniting two complementary techniques: creation of a motivational profile of respondents of higher educational institutions (potential entrants and students) and transformational analysis of motives of getting higher education. The results of its approbation in Altai Krai in 2012 – 2015 are provided. The necessity of researching the demand in the informal educational services market is proved; its specific features are unveiled, results of target questionnaire of potential buyers are analyzed. Validity of the use of an integrated approach when carrying out market researches in education market is accented.

For citation: Milyaeva L. G. Marketingovye issledovaniia na rynke obrazovatel'nykh uslug: kompleksnyi podkhod [Market researches in the educational market: integrated approach]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki – Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic sciences*, no. 1 (2016): 62 – 70.

References

1. Borisova O. V. Innovatsionnyi podkhod k issledovaniiu rynka obrazovatel'nykh uslug [Innovative approach to research of education market]. *Vestnik Belgorodskogo universiteta potrebitel'skoi kooperatsii – Bulletin of the Belgorod university of consumer cooperation*, no. 1 (2009): 352 – 356.
2. Galitskii E. B., Levin M. I. Beloe i chernoe: skol'ko stoit byt' studentom? [White and black: how much does it cost to be a student?]. *Terra economicus*, no. 3 (2010): 103 – 112.
3. Leont'eva E. O. Diplom «pod kliuch» ili neformal'naia praktika opekunstva v sovremennykh rossiiskikh vuzakh [Studying under the Protection: Informal Patronage Practices in Russian Higher School]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii – The Journal of Sociology and Social Anthropology (JSSA)*, no. 4 (2006): 142 – 159.
4. Miliaeva L. G., Bavykina E. N. Metodika postroeniia motivatsionnogo profilia potentsial'nykh abiturientov vuzov [The informal aspects of the market of educational services]. *Gumanizatsiia obrazovaniia – Humanization of Education*, no. 5 (2013): 48 – 53.

5. Miliaeva L. G., Borisova O. V. Neformal'nye aspekty rynka obrazovatel'nykh uslug [Informal aspects of education market]. *Vestnik Altaiskoi nauki – Bulletin of Altai science*, no. 2(5) (2009): 62 – 73.

6. Miliaeva L. G., Borisova O. V. Parallel'nyi rynok uslug vysshego professional'nogo obrazovaniia (torgovlia kontrol'nymi zadaniiami) [Parallel market for services in higher professional education (tests for sale)]. *Terra economicus*, no. 3 (2010): 122 – 133.

7. Richi Sh., Martin P. *Upravlenie motivatsiei* [Management of motivation]. Moscow: IuNITI-DANA, 2004, 16 – 26.

8. Titaev K. D. Pochem ekzamen dlia naroda? Etiud o korruptsii v vysshem obrazovanii [How much examination for the people? The etude about corruption in the higher education]. *Ekonomicheskaia sotsiologiia – Journal of Economic Sociology*, no. 2 (2005): 69 – 82.

9. Shevchenko I. O., Gavrilov A. A. O tenevykh ekonomicheskikh otnosheniiakh v sfere vysshego obrazovaniia [On shadow economic ralations in the sphere of university education]. *Sotsiologicheskie issledovaniia – Sociological Studies*, no. 7 (2005): 118 – 123.

10. Milyaeva L. G., Milyaev V. D. Analisi delle trasformazioni strutturali di competenza professionale del personale. *Italian Science Review*, no. 3(12) (2014): 227 – 229.

УДК 378.1

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВУЗОВ И РАБОТОДАТЕЛЕЙ КАК УСЛОВИЕ КАЧЕСТВЕННОЙ ПОДГОТОВКИ ВЫПУСКНИКОВ: МНЕНИЯ ЭКСПЕРТОВ

***Е. А. Морозова*[1,@]**

Поступила в редакцию 08.02.2016
Принята к печати 23.05.2016

[1] *Кемеровский государственный университет*
[@]*morea@inbox.ru*

Ключевые слова:
высшее образование, образовательная организация, подготовка кадров, работодатель, экспертный опрос.

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы взаимодействия потенциальных работодателей и образовательных организаций высшего образования в деле подготовки кадров посредством анализа мнений представителей двух соответствующих групп. Экспертный опрос показал, что в целом положительно оценивая качество высшего образования в России и Кемеровской области, респонденты от реального сектора экономики критичнее в своих мнениях и ждут от вузов более подготовленных с практической и управленческой сторон специалистов. И образовательные организации и предприятия готовы к всестороннему сотрудничеству, что обусловливает необходимость совершенствования существующих и выработки новых механизмов их партнерства.

Для цитирования: Морозова Е. А. Взаимодействие вузов и работодателей как условие качественной подготовки выпускников: мнения экспертов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2016. № 1. С. 70 – 76.

Система высшего образования России в ходе своего глобального реформирования претерпевает серьезные изменения, как в общих подходах к функционированию, так в конкретных методах и технологиях организации и управления. Один из современных трендов высшей школы – ее сближение с реальным сектором экономики, которое выражается в расширении спектра практикоориентированных (прикладных) программ высшего образования, широком привлечении потенциальных работодателей к образовательному процессу, учете профессиональных стандартов при формировании образовательных программ и т. д., о чем активно заявляют авторы многих научных публикаций (см., например [1; 3; 5; 7; 8]). Нельзя не согласиться с исследователями, утверждающими, что:

– «взаимодействие работодателя с высшим учебным заведением (вузом) должно быть неотъемлемой частью всех этапов учебного процесса» [13, с. 38];

– «сотрудничество между университетами и предприятиями является ключевым инструментом как повышения качества образования, так и наиболее эффективного использования знаний в сфере труда (на предприятиях)» [6, с. 9];

– «взаимодействие вуза и работодателей становится важным показателем качества и надежности деятельности вуза, одним из важнейших критериев его конкурентоспособности на рынке образования и рынке труда» [12, с. 13];

– «на рынке образовательных услуг сегодня действует новый игрок – работодатель. Решение задач подготовки нужных для экономики специалистов возможно лишь при тесном взаимодействии вуза и предприятия, а для этого нужна система» [11, с. 51].

В данных обстоятельствах важнейшей задачей является анализ позиций двух сторон – образовательных организаций высшего образования и потребителей их продукции – предприятий и организаций. Он необходим, чтобы выявить, насколько схожи мнения и оценки, нет ли противоречий и недопониманий между представителями реального сектора экономики и образования по различным аспек-

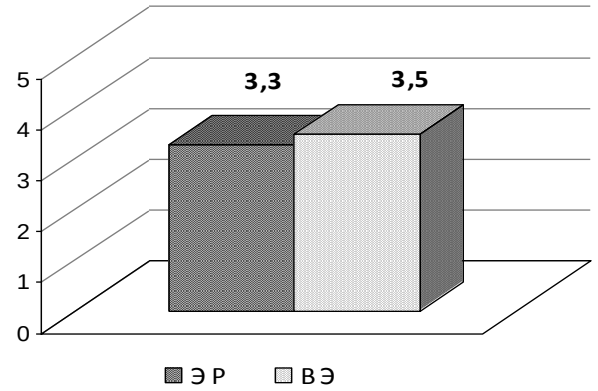
там подготовки кадров в вузах, поскольку существует точка зрения, что в настоящее время ощущается отсутствие системного подхода к организации эффективного взаимодействия российских вузов и работодателей, что слабо выражена инициатива как со стороны самих вузов, так и со стороны представителей бизнеса, что налицо нежелание работодателей выделять разного рода ресурсы на обеспечение эффективного взаимодействия с вузами [9, с. 645].

Именно для изучения мнений руководящего состава вузов и работодателей о практике и перспективах их взаимодействия, а также о современной системе высшего образования и качестве подготовки выпускников в мае 2015 г. в Кемеровской области был проведен экспертный опрос, в котором приняли участие, с одной стороны, 23 руководящих работника образовательных организаций высшего образования (ректоры всех семи государственных вузов Кемеровской области, 9 проректоров, 1 директор и 2 заместителя директора института-филиала российского вуза, 1 директор и 1 заместитель директора института-филиала регионального вуза, 2 бывших ректора вуза, на момент исследования ведущих активную образовательную и научную деятельность), с другой стороны, 63 представителя реального сектора экономики (43 % опрошенных руководителей представляли ведущие отрасли Кузбасса – топливно-энергетический комплекс ТЭК), 30 % – прочие производственные предприятия, включая строительство и сельское хозяйство, и 27 % – организации, оказывающие различные услуги); 30 % экспертов принадлежат к малому бизнесу, 32 % – к среднему, 38 % – к крупному. Кстати, представители экспертного сообщества от работодателей оказались потребителями всех кузбасских вузов, а также вузов других регионов, в основном, Сибири. При этом методический инструментарий исследования предполагал очень близкие формулировки вопросов для обеих экспертных групп, чтобы была возможность провести полноценный сравнительный анализ их мнений.

В ходе экспертных опросов респонденты, прежде всего, оценивали качество подготовки кадров с высшим образованием в вузах России в целом и в вузах Кемеровской области. На рис. 1 приведены оценки экспертов-работодателей (ЭР) и вузовских экспертов (ВЭ). Они получены в ходе перевода ответов респондентов на вопрос: «Как в настоящее время Вы оцениваете качество подготовки кадров с высшим образованием в России в целом и в Кемеровской области?» в оценки по 5-балльной шкале и расчета средних значений. Этот прием часто использовался в исследовании, чтобы максимально интегрировать данные и сделать их более наглядными и сравнимыми. В данном случае следует помнить, что теоретическое среднее равно 3 баллам. И если оценки выше 3, то положительных ответов больше, чем отрицательных и наоборот.

Таким образом, работодатели более критично оценивают систему высшего образования, чем руководящие работники вузов, особенно это касается региональных образовательных организаций. Сравнительный анализ показал, что эксперты от предприятий ТЭК чаще других ставили высокие оценки российским вузам и реже – региональным. А представители организаций, оказывающих различные услуги, наоборот, были к региональным вузам более лояльны. И еще: чем меньше предприятие, тем выше оценки качества подготовки специалистов в кузбасских вузах.

В России:
In Russia



В Кемеровской области:
In Kemerovo Region

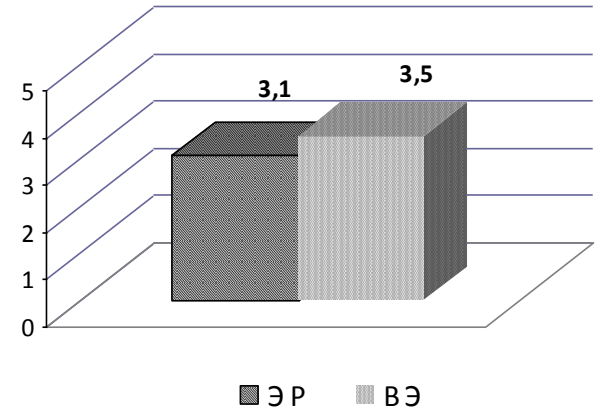


Рис. 1. ***Оценка качества подготовки кадров с высшим образованием в России и в Кемеровской области***
Fig. 1. ***Assessment of the quality of training of graduates of higher professional institutions in Russia and in Kemerovo Region***

Следует помнить, что «основными внешними потребителями услуг высших учебных заведений являются работодатели (предприятия, организации, органы государственной власти и др.), которые принимают на работу выпускников вузов и ожидают от них владения комплексом профессиональных компетенций, соответствующих требованиям развития инновационной модели экономики и общества» [4, с. 126]. Отвечая на вопрос о соответствии уровня компетентности выпускников требованиям работодателей, кузбасские эксперты от предприятий в большинстве случаев давали позитивные ответы. Вузовские эксперты, отвечая на подобный вопрос, но относительно выпускников кузбасских вузов, рисовали более радужную картину. Обобщенные ответы респондентов представлены на рис. 2.

Высказывая в свободной форме замечания и претензии касательно качества подготовки кадров с высшим образованием в регионе, эксперты чаще всего (около 60 %) касались недостатка практических навыков и умений, которые требуются для успешного выполнения трудовых функций. Приведем несколько высказываний на эту тему: «мало уделяется внимания производственному обучению (производственной практике), поэтому специалисты подготовлены чаще всего только теоретически»; «образова-

ние, которое дает вуз, чаще всего далеко от реальной жизни. В вузах дают очень мало практики»; «теоретические знания зачастую не подкреплены практикой, выпускники фактически заново знакомятся с профессией, на которую учились»; «недостаточный опыт практической работы по специальности, знания, полученные в ходе обучения, далеко не всегда применимы на практике, а знания, необходимые на практике, часто недополучены в ходе обучения».

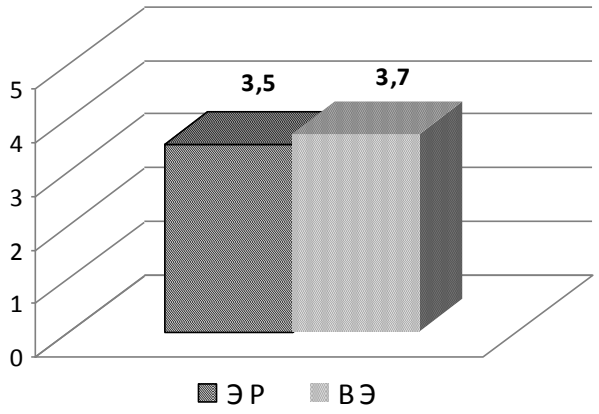


Рис. 2. ***Оценка соответствия уровня компетенций выпускников требованиям работодателей***
Fig. 2. ***Assessment of the correspondence of graduates' competences to employers' demands***

Многие эксперты подчеркнули недостаток управленческих знаний у выпускников вузов, например «при относительно приемлемой подготовке студентов как профессионалов очень низкий уровень подготовки студентов как руководителей. Практически полностью отсутствуют управленческие навыки»; «низкое качество в отношении управленческих качеств выпускников»; «отсутствие управленческих навыков»; «слабая менеджерская подготовка».

Вузовские эксперты также имели возможность назвать проблемы подготовки кадров с высшим образованием в Кемеровской области в свободной форме и в итоге обозначили самые актуальные из современных вузовских проблем – рост документооборота, дефицит финансового и материально-технического обеспечения образовательного процесса, проблемы взаимодействия с работодателями, недостаток практической подготовки студентов, сокращение контрольных цифр приема, уменьшение объемов непосредственной работы преподавателей с обучающимися и другие.

Уже отмечалось, что для качественной подготовки кадров необходимо тесное взаимодействие системы высшего образования и реального сектора экономики. В настоящее время эксперты, особенно вузовские, неплохо оценивают сотрудничество между предприятиями и вузами (рис. 3).

Наиболее распространенные формы взаимодействия предприятий и вузов, по мнению работодателей, – проведение на базе предприятий практик и других занятий; предоставление информации для написания курсовых, выпускных работ, трудоустройство на предприятия выпускников вузов, направление работников предприятий в вузы на переподготовку и повышение квалификации, руководство сотрудниками предприятий курсовыми и выпускными работами. Эти формы сотрудничества набрали более 50 % голосов экспертов-работодателей в каждом случае.

О желаемых формах взаимодействия говорили эксперты и от предприятий и от вузов (таблица 1). По мнению работодателей, ими должны быть: направление работников предприятий в вузы на переподготовку и повышение квалификации; проведение на базе предприятий практик студентов и других занятий; трудоустройство выпускников; предоставление информации для курсовых и выпускных квалификационных работ; проведение сотрудниками лекционных, практических и прочих занятий; участие представителей реального сектора экономики в государственной итоговой аттестации (ГИА). По мнению вузовских экспертов, – целевая подготовка кадров для предприятий, проведение практики и прочих занятий на предприятиях; проведение вузами научных исследований на предприятиях; функционирование на базе предприятий кафедр или их филиалов; участие представителей предприятий в ГИА.

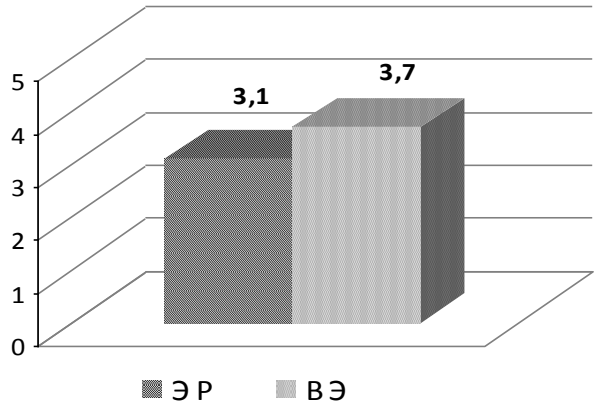


Рис. 3. ***Оценка взаимодействия предприятий и вузов***
Fig. 3. ***Assessment of interaction between enterprises (employers) and higher education nstitutions***

Как видно, среди наиболее востребованных форм сотрудничества (набравших более 50 % голосов экспертов в каждой группе) только две были названы в обоих случаях – проведение на предприятиях практик и иных занятий; участие работодателей в ГИА. В данном случае нельзя не согласиться с мнением М. В. Гуськовой и В. И. Звонникова о том, что «в начале второго десятилетия XXI в. со стороны вузов и работодателей наметились обоюдные, скорее потенциальные, нежели реализованные попытки к сближению, поскольку с обеих сторон есть разные барьеры и ограничения» [2, с. 49]. Поэтому вузам и предприятиям необходимо находить понимание, видеть потребности друг друга, тем более что их заинтересованность в сотрудничестве очень высока.

Таблица 1. **Желаемые формы взаимодействия предприятий и вузов, процент от числа опрошенных в экспертной группе**
Table 1. **Required forms of interaction between enterprises (employers) and higher education institutions, percent of respondednts in the expert groups**

Формы взаимодействия	***ЭР***	***ВЭ***
1) подготовка кадров для предприятия на договорной (целевой) основе	39	78
2) проведение на базе предприятия практик, занятий	59	70
3) предоставление студентам информации для написания курсовых, выпускных работ	57	26
4) направление работников предприятия в вузы на переподготовку, повышение квалификации	65	30
5) совместная разработка или экспертиза основных образовательных программ	48	39
6) проведение сотрудниками предприятия лекционных, практических занятий со студентами	54	30
7) проведение сотрудниками предприятия отдельных мастер-классов, деловых игр	50	22
8) руководство сотрудниками предприятия курсовыми, выпускными квалификационными работами	46	13
9) участие сотрудников предприятия в итоговой государственной аттестации	52	52
10) функционирование на предприятии базовой кафедры или филиала кафедры	43	57
11) трудоустройство на предприятии выпускников вузов	59	30
12) проведение представителями вузов научных исследований на предприятии	39	58
13) спонсорская помощь вузам, студентам со стороны предприятия	30	22
14) другое	0	9

Современная система высшего образования находится в постоянном реформировании, причем отношение к этим преобразованиям неоднозначное. Руководящие работники вузов поделились своими мнениями на этот счет. Большинство экспертов давали средние оценки системе высшего образования России, Кузбасса, а также положению дел в своих образовательных организациях, что отразилось в интегральных баллах (рис. 4). При этом последствия реформ оценены немного критичнее (рис. 5).

Таким образом, вузовские эксперты в среднем неплохо оценивают ситуацию в системе высшего образования, однако и прогресса в ее развитии не отмечают, что нельзя считать положительным фактом.

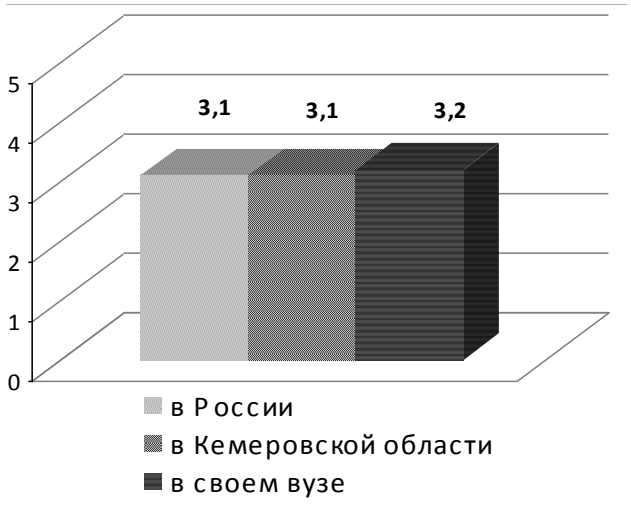


Рис. 4. ***Оценка состояния системы высшего образования в России, в Кемеровской области и общего положения дел в своих вузах***
Fig. 4. ***Assessment of the state of higher education system in Russia, in Kemerovo Region and the general state of ther institutions***

Одно из новшеств последних лет – внедрение уровневой подготовки кадров в вузах (бакалавриат, магистратура, аспирантура) с одновременным сохранением по ряду направлений подготовки специалитета. В ходе экспертного опроса работодателям был задан вопрос, понятна ли им уровневая система и какие выпускники им требуются. Треть экспертов от предприятий и организаций (35 %) полагают, что уровневая подготовка вполне адекватно понимается большинством работодателей, пятая часть считают, что лишь половиной, а около 40 % – меньшинством. О большей информированности работодателей о современной структуре подготовки кадров в вузах говорили эксперты от «прочих» производственных предприятий с численностью работающих от 200 до 1000 человек (средние предприятия), а о меньшей – представители топливно-энергетического комплекса. Кстати, вузовские эксперты были очень близки к оценке восприятия работодателями уровневой системы. Близким оказалось и отношение к ней – не восторженное, но и вполне удовлетворительное (рис. 6).

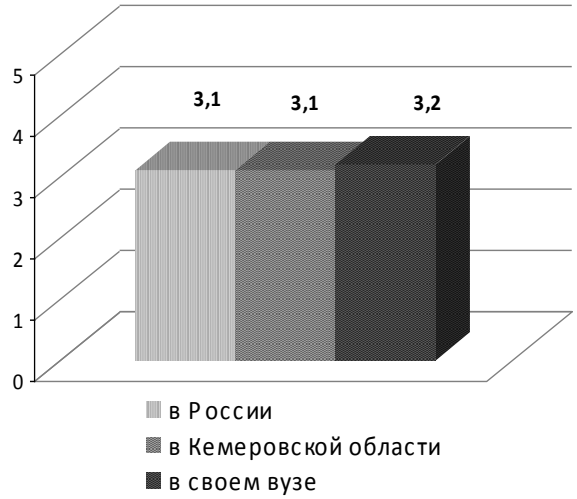


Рис. 5. ***Оценки последствий реформирования системы высшего образования***
Fig. 5. ***Assessment of the consequences of the reform of the higher education system***

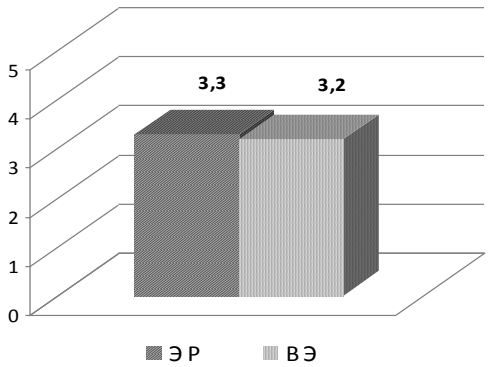


Рис. 6. ***Оценки уровневой подготовки в вузах***
Fig. 6. ***Assessment of the level training at higher education institutions***

Достаточно близким было мнение двух экспертных групп и по поводу востребованности выпускников: и представители реального сектора экономики и, особенно, руководители вузов считают, что предприятиям чаще всего нужны специалисты, подготовка которых по многим направлениям теперь прекращена. Важно подчеркнуть и тот факт, что самый распространенный в настоящее время уровень подготовки – академический бакалавриат – является, по мнению экспертов, наименее интересным для реального сектора экономики (таблица 2).

Таблица 2. **Ответы на вопрос: *«Выпускники какого уровня подготовки более предпочтительны для вашего предприятия (для современных работодателей)?»*, процент от числа опрошенных**
Table 2. **Answers to the question *"Which level of training of graduates is more preferable for your enterprise (for Contemporary Employers)?"*, percent of the respondents**

Уровень подготовки	***ЭР***	***ВЭ***
1. Прикладные бакалавры	26	26
2. Академические бакалавры	11	0
3. Специалисты	69	96
4. Магистры	23	17
5. Другое	3	0
6. Затруднились ответить	3	0

Еще одна интересная тема, затронутая в исследовании: кого надо готовить вузам – кадры общего (широкого) профиля или узких специалистов. В каждом из двух вариантов есть свои плюсы и свои минусы, причем они связаны, прежде всего, с субъектом оценки, что нашло отражение в ответах экспертов. По мнению вузовских экспертов, ситуация весьма полярная – предприятиям выгодны «узкие» специалисты, вузам и выпускникам – «широкие». Эксперты от предприятий по поводу вузов и выпускников соглашаются с экспертами от вузов, хотя их мнения не так однозначны, а по поводу работодателей их позиции разделились: 43 % считают, что реальному сектору экономики требуются узкие специалисты, и столько же – широкие (таблица 3).

Таблица 3. **Ответы на вопрос: «*Как вы считаете, что целесообразнее для работодателей, вузов и выпускников: углубленная подготовка кадров по «узкому» профилю или подготовка кадров по широкому перечню общепрофессиональных компетенций?*», процент от числа опрошенных**
Table 3. **Answers to the question "*In your opinion, which is more reasonable for employers higher education institutions and graduates: in-depth training within a "narrow" profile or training within a wide range of general professional competences?"*, percent of the respondents**

Предпочитаемый вариант	***Для работодателей***		***Для вузов***		***Для выпускников***	
	ЭР	***ВЭ***	***ЭР***	***ВЭ***	***ЭР***	***ВЭ***
1. Углубленная подготовка по «узкому» профилю	43	82	29	18	16	18
2. Подготовка кадров по широкому перечню общепрофессиональных компетенций	43	18	51	82	60	82
3. Не ответили	14	0	20	0	24	0

Итак, экспертный опрос руководящих работников кузбасских вузов и различных предприятий Кемеровской области показал, что специалисты преимущественно положительно оценивают качество подготовки кадров с высшим образованием, как в России в целом, так и в Кузбассе, однако перевес плюсов над минусами не велик, особенно, у работодателей относительно местных образовательных организаций. Представители реального сектора экономики в первую очередь сетуют на недостаточную практическую и управленческую подготовку студентов, что обусловливает необходимость более тесного взаимодействия предприятий и организаций, с одной

стороны, и образовательных учреждений, с другой, в деле подготовки высококлассных специалистов. При этом эксперты от предприятий ниже экспертов от вузов оценивают существующую практику сотрудничества реальной экономики и образования. Не совпали точки зрения двух экспертных сообщества и по поводу наиболее востребованных форм взаимодействия, хотя его необходимость понимают и те и другие.

Тесное сотрудничество высшей школы и реального сектора экономики диктует жизнь, и требуются серьезные организационные усилия для налаживания продуктивного диалога между ними, поскольку он является важнейшим фактором повышения качества подготовки кадров с высшим образованием. А «важнейшим мероприятием в рамках проведения политики занятости должно стать четкое формирование процедуры взаимодействия вузов и работодателей, в первую очередь на региональном уровне. Это позволит снизить напряженность на рынке труда, сократить безработицу, повысить эффективность функционирования предприятий и увеличить объем внутреннего регионального продукта» [10, с. 262].

Литература

1. Борисова А. А., Тимофеева А. Ю. Конкурентоспособность выпускников вузов: факторы-детерминанты и методика диагностики // Университетское управление: теория и практика. 2014. № 6.

2. Гуськова М. В., Звонников В. И. Взаимодействие работодателей и вузов: вчера, сегодня, завтра // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2012. Т. 18. № 6. С. 48 – 52.

3. Кононенко Т.Е., Бондаренко О.В. Особенности рынка образовательных услуг и проблема взаимодействия вузов с работодателями // Современные наукоемкие технологии, 2014. № 7. С. 53 – 55.

4. Лысенко Н. Н. Анализ организации взаимодействия предприятий-работодателей и вуза // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2015. № 3(19). С. 125 – 129.

5. Морозова Е. А. Подготовка кадров с высшим образованием для региональной экономики: экспертное мнение руководящих работников вузов Кемеровской области // Russian Journal of Management. 2015. Т. 3. № 2. С. 191 – 198.

6. Муравьева А. А., Аксенова Н. М. Взаимодействие высшей школы с субъектами сферы труда – вызовы и взаимные выгоды // Вестник МГОУ. (Серия: Педагогика). 2014. № 4. С. 8 – 15.

7. Платонова Т. О. Взаимодействие вузов и предприятий: цикл управления // Высшее образование в России. 2013. № 4. С. 141 – 143.

8. Погодаев А. К. Взаимодействие вузов с администрацией области и работодателями – важное слагаемое эффективности // Вестник Воронежского государственного университета. (Серия: Проблемы высшего образования). 2015. № 2. С. 16 – 18.

9. Сабурова М. М. К вопросу о взаимодействии вузов и работодателей на современном этапе развития российского общества // Электронное обучение в непрерывном образовании. 2015. Т. 1. № 1(2). С. 645 – 649.

10. Чумакова Е. В. Взаимодействие вузов и работодателей: направления сотрудничества и проблемы развития // Вестник ТвГУ. (Серия: Экономика и управление). 2014. № 3. С. 260 – 268.

11. Шевелев Н. Н. Стратегическое партнерство вуза и предприятий – основа инновационного развития экономики // Высшее образование в России. 2013. № 3. С. 50 – 54.

12. Шевченко Д. А., Каплан Д. А., Куневич Я. Ю. Современная организация взаимодействия вуза и работодателей // Человеческий капитал и профессиональное образование. 2012. № 1(1). С. 13 – 17.

13. Язовцев И. А. Генезис взаимодействия системы «вуз-работодатель» // Управленец. 2012. № 7 – 8(35 – 36). С. 38 – 44.

Информация об авторе:

Морозова Елена Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета Кемеровского государственного университета, morea@inbox.ru.

THE INTERACTION BETWEEN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS AND EMPLOYERS AS A CONDITION OF HIGH-QUALITY TRAINING OF GRADUATES: EXPERTS' OPINIONS

***Elena A. Morozova*[1, @]**

Received 08.02.2016
Accepted 23.05.2016

[1] *Kemerovo State University*
[@] *morea@inbox.ru*

Keywords:
higher education, educational institution, training, employer, expert poll.

Abstract: The paper considers the problems of interaction between potential employers and educational institutions of higher education in training specialists by means of the analysis of the opinions of two relevant groups' representatives. The expert poll showed that, in general positively estimating the quality of higher education in Russia and Kemerovo Region, the respondents from the real sector of economy are more critical in their opinions. From higher education institutions they expect specialists better trained in practice and management. Both the educational institutions and the enterprises are ready for all-round cooperation which requires improving the existing mechanisms of their partnership and developing new ones.

For citation: Morozova E. A. Vzaimodeistvie vuzov i rabotodatelei kak uslovie kachestvennoi podgotovki vypusknikov: mneniia ekspertov [The interaction between higher education institutions and employers as a condition of high-quality training of graduates: experts' opinions]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki – Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic sciences*, no. 1 (2016): 70 – 76.

References

1. Borisova A. A., Timofeeva A. Iu. Konkurentosposobnost' vypusknikov vuzov: faktory-determinanty i metodika diagnostiki [Competitiveness of graduates: determinant factors and methods of diagnosis]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz – Journal University Management: Practice and Analysis*, no. 6(94) (2014): 89 – 101.
2. Gus'kova M. V., Zvonnikov V. I. Vzaimodeistvie rabotodatelei i vuzov: vchera, segodnia, zavtra [Interaction between employers and higher educational institutions: yesterday, today, tomorrow]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova – Bulletin of the Kostroma state University named after N. Nekrasov*, 18, no. 6 (2012): 48 – 52.
3. Kononenko T. E., Bondarenko O. V. Osobennosti rynka obrazovatel'nykh uslug i problema vzaimodeistviia vuzov s rabotodateliami [Features of education market and problem of interaction of higher education institutions with employers]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii – Modern high technologies*, no. 7 (2014): 53 – 55.
4. Lysenko N. N. Analiz organizatsii vzaimodeistviia predpriiatii-rabotodatelei i vuza [The analysis of the organization of interaction of the enterprises-employers and the University]. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom – Professional Education in Russia and Abroad*, no. 3(19) (2015): 125 – 129.
5. Morozova E. A. Podgotovka kadrov s vysshim obrazovaniem dlia regional'noi ekonomiki: ekspertnoe mnenie rukovodiashchikh rabotnikov vuzov Kemerovskoi oblasti [Training of the university-educated personnel for the regional economy: expert opinion of the executives of Kemerovo Region universities]. *Russian Journal of Management, 3*, no. 2 (2015): 191 – 198.
6. Murav'eva A. A., Aksenova N. M. Vzaimodeistvie vysshei shkoly s sub"ektami sfery truda – vyzovy i vzaimnye vygody [The cooperation of higher education with the subjects of the world of work – challenges and mutual benefits]. *Vestnik MGOU. (Seriia: Pedagogika) – Bulletin MGOU. (Series: Pedagogics*), no. 4 (2014): 8 – 15.
7. Platonova T. O. Vzaimodeistvie vuzov i predpriiatii: tsikl upravleniia [Management cycle in cooperation between higher education institutions and enterprises]. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*, no. 4 (2013): 141 – 143.
8. Pogodaev A. K. Vzaimodeistvie vuzov s administratsiei oblasti i rabotodateliami – vazhnoe slagaemoe effektivnosti [The interaction of universities with the regional administration and employers – an important component of the effectiveness]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. (Seriia: Problemy vysshego obrazo-vaniia) – Proceedings of Voronezh State University. (Series: Problems of higher education)*, no. 2 (2015): 16 – 18.
9. Saburova M. M. K voprosu o vzaimodeistvii vuzov i rabotodatelei na sovremennom etape razvitiia ros-siiskogo obshchestva [To the question about the interaction of universities and employers at the present stage of Russian society development]. *Elektronnoe obuchenie v nepreryvnom obrazovanii – Electronic training in continuous education, 1*, no. 1(2) (2015): 645 – 649.
10. Chumakova E. V. Vzaimodeistvie vuzov i rabotodatelei: napravleniia sotrudnichestva i problemy razvitiia [Interaction of universities and employers: areas of cooperation and problems of development]. *Vestnik TvGU. (Seriia: Ekonomika i upravlenie) – Herald of Tver state University (Series: Economics and Management)*, no. 3 (2014): 260 – 268.
11. Shevelev N. A. Strategicheskoe partnerstvo vuza i predpriiatii – osnova innovatsionnogo razvitiia eko-nomiki [Strategic partnership of universities and enterprises – basis for innovative economy development]. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*, no. 11 (2013): 50 – 54.
12. Shevchenko D. A., Kaplan D. A., Kunevich Ia. Iu. Sovremennaia organizatsiia vzaimodeistviia vuza i raboto-datelei [Modern organization of interaction of higher education institution and employers]. *Chelovecheskii kapital i professional'noe obrazovanie – Human Capital Assets and Professional Education*, no. 1(1) (2012): 13 – 17.
13. Iazovtsev I. A. Genezis vzaimodeistviia sistemy «vuz-rabotodatel'» [Genesis of the System of Higher Education Institutions and Employers Cooperation]. *Upravlenets – The Manager*, no. 7 – 8(35 – 36) (2012): 38 – 44.

УДК 338.27

ВЛИЯНИЕ КРИЗИСА НА КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ И ВРЕМЕННОЙ АСПЕКТЫ

А. В. Мухачёва[1, @1], *С. Н. Мищук*[2, @2]

Поступила в редакцию 08.02.2016
Принята к печати 20.05.2016

[1] *Кемеровский государственный университет*
[2] *Институт комплексных региональных проблем Дальневосточного отделения Российской академии наук, Биробиджан*
[@1]*Oblakkko@mail.ru*
[@2] *svetamic79@mail.ru*

Ключевые слова:
качество жизни, кризис, влияние, региональная политика, временные лаги.

Аннотация: Предметом данной статьи является влияние кризисных явлений на качество жизни населения, целью – количественная его оценка в региональном (на примере регионов Сибирского федерального округа) и временном аспектах (аналитическая база включает 2003 – 2013 гг.). Авторы также учитывали возможные запаздывания (лаги) отдельных показателей и сфер качества жизни в реакции на кризис. Методология исследования базируется на графическом анализе динамических трендов по статистическим данным, включающим 27 показателей качества жизни и 8 показателей уровня экономического развития. Результаты исследования показали, что проседания экономических и социальных показателей не всегда синхронны и пропорциональны друг другу, позволили на этой основе провести дифференциацию регионов СФО. Кроме того, реакция отдельных показателей и сфер качества жизни происходит с задержками во времени различной длительности. Это необходимо учитывать региональным органам власти при формировании политики, направленной на поддержание качества жизни в условиях кризиса.

Для цитирования: Мухачёва А. В., Мищук С. Н. Влияние кризиса на качество жизни населения: региональный и временной аспекты // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2016. № 1. С. 77 – 82.

Качество жизни является комплексной социально-экономической категорией, отражающей материальные, социальные и духовные отношения в обществе, предпосылкой и результатом государственного управления, основным показателем его эффективности [11]. Под **качеством жизни населения** мы понимаем степень удовлетворения жизнеобеспечивающих, социальных и духовных потребностей человека (группы, общества), определяемая объективно существующими в рамках действующей социально-экономической системы и субъективно ощущаемыми характеристиками его жизни [9]. **Экономический кризис** с нашей точки зрения можно представить как нижнюю точку цикла экономического развития, характеризующуюся минимизацией количественных показателей и активизацией качественных изменений для перехода системы на новый уровень.

Декларируя вслед за другими исследователями тесную взаимосвязь между экономическим развитием и качеством жизни [1; 2; 8], отметим, что их изменения не всегда пропорциональны друг другу в связи с особенностями проявления экономических подъемов и спадов в разрезе отдельных территорий и сфер жизни, разными подходами к распределению материальных благ, спецификой регионального управления и другими факторами. Современное социально-экономическое развитие России в условиях политической и экономической нестабильности, высокая специфичность территорий обусловливают необходимость применения особых «рецептов» антикризисного регулирования в регионах для поддержания достойного уровня и качества жизни населения и скрупулезного ретроспективного анализа состояния проблемы, научного изучения эмпирической основы данного вопроса.

Последствия мирового финансово-экономического кризиса 2008 – 2010 гг. еще недавно считали преодоленными. Сегодня научная общественность констатирует новые негативные экономические явления, усугубляемые сложной политической обстановкой. Своевременно и корректно извлеченные уроки прошлых кризисов – залог ускорения адаптации экономики и политики в области управления качеством жизни населения при нынешних и будущих экономических флуктуациях, неизбежных в условиях рыночной цикличности и изменчивости геополитических процессов. Это подтверждается мнением Министра экономического развития РФ А. Улюкаева, призывающего рассматривать опыт преодоления мирового финансового кризиса 2008 г. как ценную эмпирическую базу для принятия решений в современных условиях [7]. Курс на рост степени удовлетворения потребностей населения не уходит с повестки дня, несмотря на падение уровня жизни в 2014 – 2015 гг., вызванное последствиями наложения экономических санкций и колебанием цен на нефть.

Влияние мирового финансово-экономического кризиса 2008 – 2009 гг. на качество жизни населения отдельных регионов было проанализировано В. И. Гуровым, Н. Л. Хариной, А. И. Стифеевым на основе изменения статистических показателей (анализе темпов роста реальных доходов населения, индекса потребительских цен, уровня безработицы, дифференциации доходов) [5], Л. С. Бычковой (исследование на основе корреляционно-

го анализа взаимосвязи между ростом отраслей экономики и ВРП на душу населения) [3]. Отдельные исследователи акцентировали внимание на изучении данного вопроса с точки зрения влияния кризиса на качество жизни отдельных категорий жителей села (Б. А. Воронин) [4]. В кризисный период (в 2009 – 2012 гг.) проводились научные конференции для оценки влияния кризиса на качество жизни населения страны с участием представителей науки и власти разных стран [6].

В данном исследовании для оценки **качества жизни** населения мы использовали **27 статистических показателей**, сгруппированных в 9 блоков: демографические показатели (естественный и миграционный приросты, ожидаемая продолжительность жизни, число разводов на 100 браков); уровень жизни (среднедушевые доходы населения, масштаб бедности, коэффициент фондов, число легковых автомобилей на душу населения); безработица (по методологии МОТ); потребительские условия и ЖКХ (площадь помещений, оборот розничной торговли и платных услуг на душу населения, удельный вес расходов на ЖКХ, индекс потребительских цен); охрана здоровья и экология (заболеваемость, число врачей и среднего медицинского персонала, коэффициент младенческой смертности, удельный вес затрат на здравоохранение, сброс загрязненных вод в поверхностные объекты); образование (численность детей в дошкольных, средних образовательных учреждениях, начального и среднего образования, вузах, удельный вес затрат на образование); культура (число посещений театров и музеев); социальная политика (удельный вес расходов в бюджете); правонарушения (численность преступлений) [10].

В целях характеристики **уровня экономического развития региона использовалось 8 показателей**: ВРП на душу населения, инвестиции в основной капитал, объем иностранных инвестиций, экспорт, сальдированный финансовый результат, индекс промышленного производства, затраты на технологические инновации, степень износа основных фондов. Аналитическая база включает данные **по 12 регионам Сибирского федерального округа за 11 лет** (2003 – 2013 гг.).

При разработке методики была поставлена задача количественно оценить **масштаб «проседания» показателей качества жизни** в кризисный и посткризисный периоды в разрезе регионов СФО, сравнить его с масштабом «проседания» показателей уровня экономического развития. При этом границы проявления кризисных явлений для каждого из индикаторов качества жизни планировалось определить эмпирическим путем. Для достижения данной цели выбраны следующие методы: графический анализ, построение линий экстраполяции, оценка отклонений фактических значений в кризисный период от прогнозной (при сохраняющихся темпах экономического роста). Степень «проседания» показателя измерялась значением **тангенса угла** между линией тренда по фактическим данным и прогнозным (в случае, если бы кризиса не было).

При рассмотрении представленных в предыдущем разделе результатов анализа уровня экономического развития и качества жизни населения в регионах СФО можно заметить некоторую **рассогласованность экономического и социального положения** территорий в период кризиса, которая связана, с одной стороны, с неполной обусловленностью качества жизни экономическими факторами при в целом высоком уровне корреляции между указанными категориями, с другой – с относительностью расчета интегральных оценок реакции качества жизни на кризис (отдельные индикаторы «отреагировали» сразу, другие – с опозданием, третьи – не отреагировали), с третьей – с различной эффективностью антикризисной социальной политики в регионах.

В целях наглядного сопоставления **«проседания» интегральных показателей уровня экономического развития и качества жизни** населения при наступлении кризисных явлений представим динамику их изменения графически (рис.).

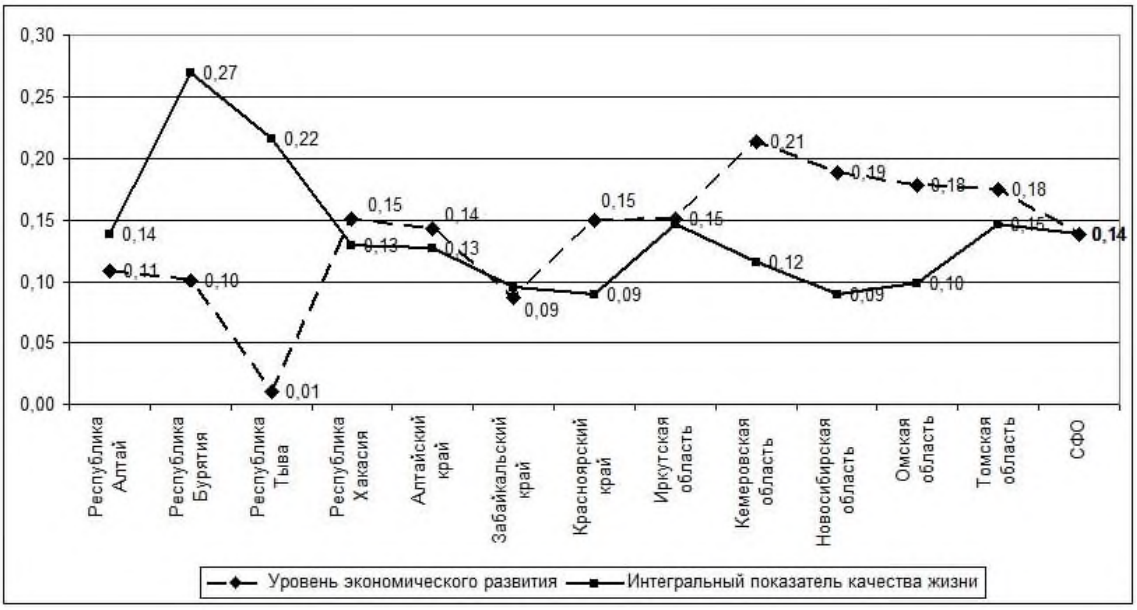


Рис. ***Степень «проседания» интегральных показателей уровня экономического развития и качества жизни населения при наступлении кризисных явлений***

Fig. ***The degree of "downfall" in integral indices of the level of economic development and the life qualify of the population in times of recession***

Исходя из полученных значений, регионы Сибирского федерального округа можно условно разделить на три кластера.

1. ***Регионы с опережающим «проседанием» качества жизни*** в период кризиса по сравнению с уровнем экономического развития. Лидерами негативных изменений показателей качества жизни в 2009 – 2013 гг. при существенно более низком «проседании» экономических показателей стали Республики Алтай, Бурятия, Тыва.

2. ***Регионы с близкими по значениям «проседаниями» уровня экономического развития и качества жизни*** населения в период кризиса. В данную группу вошли Республика Хакасия, Алтайский, Забайкальский края, Иркутская, Томская области. В отношении данных регионов в полной мере можно констатировать прямую зависимость между уровнем экономического развития и качеством жизни населения.

3. ***Регионы с опережающим сокращением экономических показателей***, в сравнении с показателями качества жизни и в абсолютном выражении по СФО. Максимальное влияние кризиса на экономические показатели в СФО наблюдаются в Кемеровской, Новосибирской, Омской областях, Красноярском крае. При этом качество жизни в указанных регионах страдает значительно в меньшей степени за счет накопленных ранее резервов, достигнутого уровня развития и эффективной деятельности органов власти в сфере социальной политики.

Среди ***факторов антикризисного «иммунитета»*** регионов в экономическом отношении с полной уверенностью можно выделить только низкий уровень экономического развития. При этом качество жизни экономически слаборазвитых субъектов федерации в период кризиса демонстрирует, напротив, крайне высокие темпы сокращения. В регионах-лидерах экономического развития, наоборот, кризисные явления приносят больший «урон» экономике, но сравнительно небольшой – качеству жизни населения

Рассмотрим ***временные лаги в «проседании» показателей*** уровня экономического развития и качества жизни населения, проанализировав указанные индикаторы по каждому году для поиска периода наиболее существенных сокращений за 2009 – 2013 гг.

Таблица 1. **Погодовая оценка степени «проседания» показателей уровня экономического развития**
Table 1. **Yearly assessment of the “downfall” in the indices of the level of economic development**

	2009 г.	*2010 г.*	*2011 г.*	*2012 г.*	*2013 г.*
Республика Алтай	0,06	0,06	0,03	0,01	0,02
Республика Бурятия	0,01	0,01	-0,01	-0,08	0
Республика Тыва	-0,18	-0,29	-0,25	-0,28	-0,29
Республика Хакасия	0,06	0,04	0,03	0,06	0,08
Алтайский край	0,03	0,02	0,04	0,02	0,08
Забайкальский край	-0,02	0,01	-0,02	-0,05	-0,02
Красноярский край	0,04	0	0,02	0,04	0,04
Иркутская область	0,04	0,03	0,02	0,01	0,05
Кемеровская область	0,14	0,15	0,13	0,12	0,14
Новосибирская область	0,1	0,11	0,12	0,12	0,13
Омская область	0,09	0,02	0,04	0,04	0,08
Томская область	0,06	0,08	0,06	0,07	0,09
СФО	**0,04**	**0,02**	**0,02**	**0,01**	**0,03**

Исходя из полученных данных, в 2009 – 2010 гг. максимальное проседание ***экономических показателей*** наблюдалось в большинстве регионов СФО (Республике Алтай, Бурятия, Забайкальском, Красноярском краях, Омской области), в 2011 г. наблюдается их общий рост. В 2012 г. кризисные явления вновь начали проявляться только в Красноярском крае, а в 2013 к данному региону подключились также Республика Хакасия, Алтайский край, Иркутская, Новосибирская, Томская области. По средним суммам проседаний экономических показателей их максимум пришелся на 2009 и чуть в меньшей степени – на 2013 гг. Перейдем к рассмотрению степени «проседания» показателей качества жизни по каждой из его сфер.

Демографические показатели имели в 2009 – 2011 гг. во всех регионах СФО парадоксальным образом продолжали оставаться на прежнем уровне, несмотря на экономические колебания. Однако с 2012 г. наблюдаются максимальные «провалы» в демографии в Республиках Тыва и Хакасия, Кемеровской области. В 2013 г. имели наиболее высокие сокращения демографические показатели практически во всех остальных регионах СФО: Республиках Алтай, Бурятия, Алтайском, Забайкальском, Красноярском краях, Иркутской, Томской областях. В Новосибирской и Омской области резких демографических «провалов» не наблюдается на протяжении всего анализируемого периода.

Среди показателей ***уровня жизни*** пиковые «проседания» наблюдаются уже в 2009 г. в Республиках Алтай, Хакасия, Алтайском крае, Омской, Томской областях. В Республике Хакасия и Омской области они продолжаются до 2010 г., когда снижение уровня жизни начинает проявляться в Красноярском крае. В 2011 г. на фоне общего экономического подъема снижение уровня жизни продолжает наблюдаться только в Красноярском крае, в 2012 г. – в Алтайском крае и Республике Бурятия. В 2013 г., несмотря на снижение экономических показателей, некоторые кризисные явления в уровне жизни имеются только в Республике Бурятия.

Рынок труда «просел» в большинстве регионов уже в 2009 г. (в Республиках Алтай, Бурятия, Алтайском, Забайкальском, Красноярском крае, Новосибирской области). В 2010 г. к данным регионам присоединились Республики Тыва, Хакасия, Омская область. В 2011 г. максимальный рост безработицы наблюдался только в Иркутской и Кемеровской областях. В 2012 г. «кризис» на рынке труда миновал в регионах, в 2013 г. наблюдается всплеск безработицы в Томской области.

Снижение показателей ***потребительских условий и сферы ЖКХ*** наблюдается в Республике Алтай, начиная с 2010 г. по 2013 г. включительно. В остальных регионах падение показателей данной сферы имеет локальный характер: в 2009 г. они максимально просели в Красноярском крае, Иркутской, Омской областях, в 2010 – в Забайкальском крае, в 2012 – 2013 гг. падение данной сферы ощутила Томская область, повторно – Иркутская область и Красноярский край.

В большинстве регионов СФО снижение показателей ***охраны здоровья и экологии*** стало резко ощутимым уже в 2009 г. с началом кризисных явлений в экономике (в Республике Бурятия, Алтайском, Красноярском крае, Иркутской, Кемеровской, Новосибирской областях). В 2010 г. падение показателей оставалось по прежнему высоким (к прежним регионам подключилась Республика Тыва). В 2011 г. снижение показателей ослабло (продолжало наблюдаться только в Республике Тыва), в 2012 г. снова начало набирать обороты (максимальное снижение демонстрирует Республика Хакасия и Томская область), достигнув нового пика в 2013 г., когда максимально просели показатели здравоохранения и экологии в Республике Алтай, Забайкальском крае, Омской области.

Показатели сферы ***образования*** также имели наиболее высокое проседание в 2009 г. с наступлением экономического кризиса (пики «провалов» наблюдались в Республике Бурятия, Забайкальском крае, Иркутской области). В 2010 г. показатели образования «провалились» в Республике Алтай, Алтайском, Красноярском крае, Омской и Томской областях. С 2011 г. началось выправление динамики показателей данной сферы. В 2012 г. негативные явления в образовательной сфере наблюдались только в Республике Хакасия и Новосибирской области, в 2013 г. – в Республике Тыва.

Посещаемость музеев и театров, характеризующая сферу ***культуры***, отреагировала на кризисные явления уже в 2009 г. (наиболее существенное снижение наблюдалось в Республике Хакасия, Омской, Томской областях), в 2010 г. достигло своего максимума по суммарным усредненным оценкам. Начиная с 2011 г. ситуация существенно выправилась (негативные явления наблюдались только в Республике Алтай и Томской области), а к 2013 г. достигла докризисной динамики по суммарным оценкам (однако, в этом году были зафиксированы «пики» проседания посещаемости учреждений культуры в Республике Тыва, Алтайском, Забайкальском крае, Новосибирской области).

Анализ временных лагов в реакции сферы ***социальной политики*** (удельного веса затрат на данную сферу в бюджете) на кризис показал, что «дно» динамики показателей пришлось на 2010 г. (наибольшее снижение наблюдалось во всех регионах СФО за исключением Республики Тыва, Хакасии, Забайкалького края, где оно наблюдалось в 2009 г.). Уже в 2011 г. кризисные явления в данной сфере были преодолены, а в 2012 – 2013 гг. затраты на социальную сферу в большинстве регионов СФО начали увеличиваться. Кризисные явлений не затронули сферу ***охраны правопорядка*** в регионах СФО (уровень преступности снижался на протяжении всего анализируемого периода).

Запаздывания в реакции интегрального показателя качества жизни на кризисные явления в экономике можно отследить из данных таблицы 2. «Дно» показателей по усредненным данным наблюдается в 2009 – 2010 гг. и 2012 – 2013 гг. в большинстве регионов СФО.

Таблица 2. **Погодовая оценка степени «проседания» показателей качества жизни**
Table 2. **Yearly assessment of the “downfall” in the indices of the life quality**

	2009 г.	*2010 г.*	*2011 г.*	*2012 г.*	*2013 г.*
Республика Алтай	0,05	0,06	0,07	0,07	0,07
Республика Бурятия	0,12	0,05	0,04	0,04	0,05
Республика Тыва	0,05	0,09	0,1	0,11	0,12
Республика Хакасия	0,03	0,05	0,05	0,04	0,04
Алтайский край	0,02	0,01	0	0	0,01
Забайкальский край	0,03	0,04	0,03	0,05	0,05
Красноярский край	0,03	0,02	-0,01	0	-0,01
Иркутская область	0,03	0,02	0,01	0,02	0,01
Кемеровская область	0	0	-0,03	-0,01	-0,06
Новосибирская область	0	0,01	0	0	0,01
Омская область	0	0	-0,01	0	0,01
Томская область	0,02	0,04	0,04	0,05	0,05
СФО	**0,03**	**0,03**	**0,02**	**0,03**	**0,03**

Исходя из полученных результатов, можно сделать следующие выводы.

1. Максимальное «проседание» экономических показателей за 2009 – 2013 гг. приходится на 2009 г. («пик» мирового финансово-экономического кризиса 2008 – 2009 гг.). Вслед за уровнем экономического развития в 2009 г. ощутили максимальное влияние кризиса показатели уровня жизни, сферы образования.

2. Многие показатели качества жизни ответили «максимальным проседанием» на экономические явления в следующем, 2010 г.: рынок труда, индикаторы охраны здоровья и экологии, культуры, социальной политики.

3. Демографические показатели продемонстрировали самый значительный временной лаг в реакции на кризисные явления: темпы их сокращения продолжают нарастать с 2009 г. до 2013 г. включительно.

4. Интегральный показатель качества жизни (равно, как и уровня жизни), отреагировав первично на кризисные явления в 2009 г., продолжает оставаться на прежнем уровне вплоть до 2013 г. (не возвращается до докризисных отметок). Это позволяет утверждать, что кризисные явления в социальной сфере продолжаются до 2013 г. включительно.

Видовое разнообразие регионального развития в России обусловливает необходимость индивидуальной диагностики, широты подхода и точечности действия при формировании региональной политики. Выявление математико-статистическими методами наиболее «проседающих» аспектов качества жизни в условиях кризиса позволяет предотвратить снижение социального самочувствия, появление обостренной неудовлетворенности базовых потребностей населения в сложный для экономики период.

Литература

1. Антонова А. В. Эколого-экономическая и социальная оценка состояния водохозяйственного комплекса Кемеровской области // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2013. № 9(57). С. 31.

2. Белая Е. Н., Паршина А. С. Повышение качества жизни как путь к устойчивому развитию региона в сложившихся социо-эколого-экономических условиях // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2013. № 17. С. 236 – 240.

3. Бычкова Л. С. Экономический кризис в развитии социально-экономических систем на современном этапе // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 31(246). С. 17 – 20.

4. Воронин Б. А. Экономико-правовые проблемы обеспечения качества жизни российских сельских жителей в условиях мирового финансово-экономического кризиса // Бизнес, менеджмент и право. 2009. № 2(19). С. 45 – 47.

5. Гуров В. И., Харина Н. Л., Стифеев А. И. Влияние кризиса на уровень и качество жизни Курской области // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2012. № 3. С. 36 – 38.

6. Качество и уровень жизни населения: региональные аспекты преодоления последствий финансово-экономического кризиса // Проблемы развития территории. 2010. № 5. С. 84 – 85.

7. Коптюбенко Д., Нетреба П., Немцова Ж. Министр экономического развития Алексей Улюкаев – о плане спасения экономики-2015 // РБК Газета. № 242 (2017) (2612) // 3590. 26 дек. 2014. Режим доступа: http://rbcdaily.ru/economy/562949993485668 (дата обращения: 30.05.2015).

8. Переверзева Н. В. Роль качества жизни в социально-экономическом развитии региональной экономики // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2014. № 7. С. 36 – 38.

9. Мухачёва А. В. Качество жизни населения как научная категория: теоретические подходы к определению // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4-1(52). С. 303 – 307.

10. Мухачёва А. В., Морозова Е. А. Подходы к типологизации регионов по качеству жизни населения // Сибирская финансовая школа. 2014. № 6(107). С. 34 – 39.

11. Шабашев В. А., Глушакова О. В. Качество жизни населения: основы методологии, теории, управления // Сибирская финансовая школа. 2015. № 5(112). С. 31 – 37.

Информация об авторах:

Мухачёва Анна Валентиновна – старший преподаватель кафедры Кемеровского государственного университета, Oblakkko@mail.ru.

Мищук Светлана Николаевна – кандидат экономических наук, доцент, заведующая лабораторией математического моделирования динамики региональных систем Института комплексных региональных проблем Дальневосточного отделения Российской академии наук, Биробиджан, svetamic79@mail.ru.

IMPACT OF RECESSION ON LIFE QUALITY: REGIONAL AND TEMPORAL ASPECTS

Anna V. Mukhacheva[1, @1], Svetlana N. Mishchuk[2, @2]

Received 08.02.2016
Accepted 20.05.2016

[1] *Kemerovo State University*
[2] *Institute for Complex Regional Problems of Russian Academy of Sciences*
[@1] *Oblakkko@mail.ru*
[@2] *svetamic79@mail.ru*

Keywords:
quality of life, the crisis, the impact of regional policy, time lags.

Abstract: The paper focuses on the impact of recession on the population life quality and aims at its quantitative assessment in the regional (e. g., the regions of the Siberian Federal District) and temporal aspects (analytical database includes 2003 – 2013). The authors also consider the possibility of delay (lag) of the individual indicators and areas of life quality in response to the recession. The research methodology is based on a graphical analysis of dynamic trends of the statistics (27 quality of life indicators and 8 economic indicators). The results showed that the sagging economic and social indicators are not always synchronous and proportional to each other, on this basis it is possible to differentiate between the regions of the Siberian Federal District. Furthermore, the reaction of individual indicators of the quality of life and spheres occurs with time delays of different durations. It is necessary to take into account the regional authorities in the policy aimed at maintaining the quality of life in times of recession.

For citation: Mukhacheva A. V., Mishchuk S. N. Vliianie krizisa na kachestvo zhizni naseleniia: regional'nyi i vremennoi aspekty [Impact of recession on life quality: regional and temporal aspects]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki – Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic sciences*, no. 1 (2016): 77 – 82.

References

1. Antonova A. V. Ekologo-ekonomicheskaia i sotsial'naia otsenka sostoianiia vodokhoziaistvennogo kompleksa Kemerovskoi oblasti [Ecological-economic and social assessment of the water complex of Kemerovo]. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyi nauchnyi zhurnal region – Management of economic systems: electronic scientific journal*, no. 9(57) (2013): 31.

2. Belaia E. N., Parshina A. S. Povyshenie kachestva zhizni kak put' k ustoichivomu razvitiiu regiona v slo-zhivshikhsia sotsio-ekologo-ekonomicheskikh usloviiakh [Improving the quality of life as a way to sustainable development of the region in the current socio-ecological-economic conditions]. *Strategiia ustoichivogo razvitiia regionov Rossii – Strategy for Sustainable Development of Russian Regions*, no. 17 (2013): 236 – 240.

3. Bychkova L. S. Ekonomicheskii krizis v razvitii sotsial'no-ekonomicheskikh sistem na sovremennom etape [The economic crisis in the development of socio-economic systems at the present stage]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Chelyabinsk State University*, no. 31(246) (2011): 17 – 20.

4. Voronin B. A. Ekonomiko-pravovye problemy obespecheniia kachestva zhizni rossiiskikh sel'skikh zhite-lei v usloviiakh mirovogo finansovo-ekonomicheskogo krizisa [Economic and legal problems of ensuring the life quality of Russian rural residents in the conditions of the global financial and economic crisis]. *Biznes, menedzhment i pravo – Business, Management and Law*, no. 2(19) (2009): 45 – 47.

5. Gurov V. I., Kharina N. L., Stifeev A. I. Vliianie krizisa na uroven' i kachestvo zhizni Kurskoi oblasti [The impact of the crisis on the level and quality of life of the Kursk region]. *Vestnik Kurskoi gosudarstvennoi sel'skokhoziaistvennoi akademii – Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy*, no. 3 (2012): 36 – 38.

6. Kachestvo i uroven' zhizni naseleniia: regional'nye aspekty preodoleniia posledstvii finansovo-ekonomicheskogo krizisa [The quality and level of the population life: regional aspects of overcoming the consequences of the financial and economic crisis]. *Problemy razvitiia territorii – Problems of development of the territory*, no. 5 (2010): 84 – 85.

7. Koptiubenko D., Netreba P., Nemtsova Zh. Ministr ekonomicheskogo razvitiia Aleksei Uliukaev – o plane spaseniia ekonomiki-2015 [Minister of Economic Development Alexei Ulyukayev – the plan of salvation of economy - 2015]. *RBK Gazeta – RBC Newspaper*, no. 242 (2017) (2612) // 3590 (26 December 2014). Available at: http://rbcdaily.ru/economy/562949993485668 (accessed 30.05.2015).

8. Pereverzeva N. V. Rol' kachestva zhizni v sotsial'no-ekonomicheskom razvitii regional'noi ekonomiki [The role of quality of life in social and economic development of the regional economy]. *Vestnik Kurskoi gosudarstvennoi sel'skokhoziaistvennoi akademii – Journal of Kursk State Agricultural Academy*, no. 7 (2014): 36 – 38.

9. Mukhacheva A. V. Kachestvo zhizni naseleniia kak nauchnaia kategoriia: teoreticheskie podkhody k opredele-niiu [The quality of life of the population as a scientific category: theoretical approaches to defining]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, 1, no. 4(52) (2012): 303 – 307.

10. Mukhacheva A. V., Morozova E. A. Podkhody k tipologizatsii regionov po kachestvu zhizni naseleniia [The approaches to the typology of regions for quality of life]. *Sibirskaia finansovaia shkola – Siberian financial school*, no. 6(107) (2014): 34 – 39.

11. Shabashev V. A., Glushakova O. V. Kachestvo zhizni naseleniia: osnovy metodologii, teorii, upravleniia [Quality of life: foundations of methodology, theory, management]. *Sibirskaia finansovaia shkola – Siberian financial school*, no. 5(112) (2015): 31 – 37.

УДК 339.727.22

СОЗДАНИЕ БЛАГОПРИЯТНЫХ УСЛОВИЙ ДЛЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В РОССИЮ

С. В. Недосекин[1, @]

Поступила в редакцию 08.02.2016
Принята к печати 20.05.2016

[1] *Северо-Западный филиал Московского гуманитарно-экономического института, г. Мурманск*
[@] *psd97@yandex.ru*

Ключевые слова:
иностранные инвестиции, инвестиционный климат, иностранные инвесторы, внешнеэкономическая деятельность, основной капитал.

Аннотация: В настоящее время Россия не входит в список стран, привлекательных для иностранных инвесторов. Данная статья посвящена анализу зарубежных инвестиций в Российской Федерации и путей создания благоприятных условий для них. Методологическая база исследования опирается на обзор аналитических материалов в открытых источниках, прежде всего – статистической информации. Согласно результатам анализа, с 2014 г. в российской экономике наблюдается резкое снижение объема иностранных инвестиций, что является крайне тревожным фактором для экономического развития страны.

Для цитирования: Недосекин С. В. Создание благоприятных условий для зарубежных инвестиций в Россию // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2016. № 1. С. 83 – 87.

Интернационализация крупных компаний выражается в современных условиях прежде всего в иностранных инвестициях. Данный процесс имеет различные мотивы для участников рынка, требует учета множества нюансов – особенностей агентов, экономической и институциональной инфраструктуры. Следовательно, требуется понимание сущности и специфики мотивов поведения международных транснациональных корпораций, проведение классификации иностранных инвестиций.

Под инвестициями в общем смысле мы будем понимать финансовые вложения на долгосрочную перспективу с высоким уровнем риска не возврата. Данный аспект является ключевым отличием инвестиционных вложений от кредита. Субъектами инвестиций может быть государство, физические лица, организации. Говоря о зарубежных инвестициях, мы имеем ввиду прежде всего инвестиции частных корпораций.

Инвестиции можно разделить на портфельные и прямые (долговременные), в существующий бизнес и в зависимости от стадии процесса производства. Так, различают горизонтальные и вертикальные инвестиции. Под вертикальной их разновидностью понимают вложения в промежуточного поставщика и инвестиции в экспортную платформу.

Оценивать иностранные инвестиции можно с позиции качественных и количественных их характеристик. Количественные показатели базируются на валовом объеме ввозимого в Россию капитала в самых разных формах. Качественные показатели позволяют оценить структуру инвестиций в разрезе их различных видов (прямых и портфельных), отраслей, регионов, с точки зрения совпадения или различия указанных пропорций с желательными для экономического развития.

Многие исследователи посвятили свои труды декларации важности инвестиций в экономику страны, разработке методов их привлечения, средств удержания. Однако некоторые из них также признают наличие минусов иностранных инвестиций. К преимуществам иностранных инвестиций можно отнести рост капиталовложений в регион, ускорение экономического развития и роста, расширение числа рабочих мест, увеличение налоговых поступлений в бюджет, внедрение иностранного опыта и инноваций в производство и другие бизнес-процессы, рост доверия инвесторов к региону. Что же относится к минусам иностранных инвестиций? Прежде всего это застой традиционных отраслей производства для региона, рост импорта материалов и комплектующих, технологий, оборудования, рабочей силы, вытеснение местных производителей [7].

Проанализируем положение дел с инвестициями в нашей стране в истекшем году. За период с января по сентябрь 2015 г. Россия инвестировала за рубеж $12,25 млрд, в то время как объем инвестиций в Россию составил всего $4,74 млрд, свидетельствует статистика Центробанка. Таким образом, объем прямых инвестиций России за рубеж в 2,4 раза превысил вложения иностранцев в Россию.

Согласно статистике Центробанка, за последние 15 лет инвестиции России за рубеж были меньше вложений иностранцев только в 2001, 2004, 2006, 2007, 2008, 2012 гг. По итогам прошлого года инвестиции за рубеж были в 2,46 раза больше прямых инвестиций России за границу, по итогам 2013 г. – в 1,25 раза больше.

Инвестиции в новые проекты сократились в 97 из 154 развивающихся стран в первом полугодии 2015 г. по сравнению с показателем 2014 г. При этом в 25 странах капиталовложения упали до нулевого показателя, еще в 42 они сократились более чем на 50 %, а в 22 – на 20 – 50 % в годовом выражении. По прогнозам экспертов, по итогам 2015 г. объем прямых инвестиций России за рубеж не превысит вложения иностранцев больше чем в 2014 г. и останется на том же уровне [4].

В течение первых трех кварталов 2015 г. в российскую экономику осуществлены вливание в размере

6244 млрд руб., что почти на 3 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Из них в здания и сооружения – 47 %, машины и оборудование – 33 %, жилище – 6 %, прочие объекты – 12 %. Основными источниками явились привлеченные ресурсы организаций (52 %). Собственные средства при этом составили 48 %, бюджетные – 14 %.

По сферам экономики инвестиции распределились следующим образом: транспорт и связь – 21 %, добывающие отрасли – 20 %, обрабатывающие производства – 18 %, операции с недвижимостью, аренда и пр. – 11 %.

Инвестиционная привлекательность России стремительно снизилась с 2013 г., когда наша страна занимала третье месте в мире: в 2014 г. она не вошла даже в десятку из-за введенных западными странами санкций. Объем прямых инвестиций сократился на 70 % (минимальный уровень с 2006 г.), как засвидетельствовано в докладе на конференции ООН по торговле и развитию (рис.). В качестве перспектив специалисты также указывали на низкие перспективы экономики. Кроме того, падение инвестиций в 2014 г. было вызвано также их беспрецедентным ростом в 2013 г., когда нас оставили позади в мире только США и Китай [8].

Во втором полугодии 2014 г. Банк России впервые с 2005 г. зафиксировал чистый отток прямых иностранных инвестиций. Эксперты, связанные с деятельностью иностранных компаний, отмечают в 2014 – 2015 гг. сокращение инвестиционных проектов, инициируемых и реализуемых иностранными инвесторами на территории России.

Другим значимым фактором снижения инвестиционной привлекательности помимо санкций явилось падение цен на нефть, в результате чего экономике России пришлось столкнуться с резким инфляционным шоком, нестабильностью курса валюты, проблемам с финансированиям и взлетевшими процентными ставками, барьерами во внешней торговле.

Анализ инвестиций в федеральные округа РФ показали, что наибольшее падение зафиксировано в Центральном, Северо-Западном, Сибирском и Дальневосточном федеральном округах, при этом рост наблюдается в Уральском федеральном округе [1; 2].

Кризисные явления четче обозначили основные, с точки зрения инвесторов, проблемы инвестиционного климата в России. К традиционным проблемам, связанным с государственным управлением и бюрократией, добавляется неблагоприятная экономическая ситуация, снижающая привлекательность национального рынка и затрудняющая работу на нем, а также неуверенность в последовательности проводимой на национальном уровне экономической политики [6; 9].

Рис. ***Рейтинг стран по объему прямых иностранных инвестиций в 2014 году*** [4]
Fig. ***The ranking of countries in terms of foreign direct investment in 2014*** [4]

Объективные показатели в доступных источников и анкетирование предпринимателей позволяют сделать вывод о значительных вариациях в инвестиционном климате в различных регионах, что в очередной раз доказывает, что многое в экономическом развитии территорий на основе инвестиционных вливаний зависит от региональных лидеров и органов власти в целом. Однако не все причины сложившегося положения являются очевидными, ведь большинство регионов разрабатывает в целом

довольно схожие программы по привлечению инвестиции, но в одних они срабатывают, а в других – нет.

Потенциально Россия крайне привлекательная страна для иностранных инвестиций на международном рынке капитала за счет обширного внутреннего рынка сбыта, качественного, но не притязательного в оплате трудовых ресурсов, сохранившегося научного и технического потенциала, инфраструктуры, богатой ресурсной базы лесов и вод, недр и почвы, хорошими условиями климата. Однако, невысокий уровень экономического развития государства сейчас не позволяет сформировать и поддерживать устойчивую инвестиционную привлекательность, однако именно в инвестициях российская экономика нуждается более всего. Следовательно, зарубежные инвестиции – главный рычаг экономического роста нашей страны на сегодняшний день, несмотря на все приведенные выше их недостатки. Они позволят увеличить объем выпускаемой продукции, обеспечить технологическое и инновационное развитие, выход на мировые рынки отечественных производителей.

Иностранные инвестиции для современной российской экономики жизненно необходимы. Основные принципы инвестиционной политики страны включают в себя формирование благоприятных условий развития рынков и движения капиталов на принципах конкуренции; минимальное государственное вмешательство в инвестиционные процессы, ограничение государства функциями их участника и организатора; формирование благоприятного правового режима, обеспечение экономической и социальной стабильности в стране; информационная открытость и прозрачность для всех участников бизнес-процессов; формирование и поддержание баланса интересов участников инвестиционного процесса; обеспечение солидарной ответственности органов власти и всех участников инвестиционного рынка [3].

К тому же привлечение иностранных фирм, работающих на экспорт, ведет к увеличению экспортных доходов страны – реципиента. Растет вклад таких доходов в приросте ВВП. Расширение экспорта, насыщение его изделиями современных, инновационных отраслей промышленности, формируемого на территории принимающей страны, способствует ее экономическому росту. Особенно данный аспект важен для инновационных отраслей, поскольку по сравнению с промышленно-развитыми государствами для Российской Федерации характерна невысокая инновационная активность предприятий. Например, в обрабатывающей промышленности России инновационную активность проявляют только 12 % производственных предприятий, тогда как во Франции, Германии, Финляндии – не менее 50 %. Кроме того, значительной проблемой инновационной деятельности отечественных организаций является ее так называемый имитационный характер. Корпорации российского рынка не столько работают над собственными инновациями, сколько стремятся заимствовать их у других государств. Это ведет к тому, что Россия существенно уступает на сегодняшних день развитым и некоторым развивающимся странам по числу организаций-инноваторов.

Для привлечения прямых иностранных инвестиций государство проводит соответствующую инвестиционную политику, включающую такие функции, как прогнозирование, стимулирование, организацию инвестиционного процесса для обеспечения экономического роста на основе подъема производства (в особенности – наукоемких областей), социальной инфраструктуры. На мировом уровне данную политику проводят межгосударственные организации, на национальном – министерства экономического и регионального развития, Центральный банк.

В настоящее время привлечению иностранных инвестиций уделяется много внимания в среднесрочных и долгосрочных программах развития экономики РФ, в особенности – прямых. Одним из способов достижения данной цели является прекращение «оттока» капитала. Необходимо, чтобы внешние инвестиции были дополнительным ресурсом наряду с внутренними. Следовательно, именно частным и государственным внутренним инвестициям предстоит стать аккумулирующей силой для привлечения внешних иностранных инвестиционных потоков.

Согласно Проекту Агентства стратегических инициатив, названному Стандартом деятельности органов исполнительной власти субъекта РФ по обеспечению благоприятного инвестиционного климата необходимо следующее: формирование льгот по налогообложению результатов деятельности организаций, собственности, единого правового режима для иностранных инвесторов, прозрачности хозяйственной деятельности на территории РФ, выделение приоритетных направления для инвестирования на принципе формирования максимальных преимуществ, обеспечение регламентированной и четкой работы фондового рынка, действий его участников [4]. Кроме того, необходимо решить проблему структуры и целевой направленности инвестиций.

Сегодня прямые инвестиции в экономику России составляют только 12 %, из них в основной капитал – 6 %. Следовательно, возобновление основных средств за счет иностранных источников составляет крайне малую величину. Отсюда низка производительность предприятий и ненадлежащее качество использования основных фондов. Потому необходимо заинтересовать инвесторов зарубежья в финансировании закупки основных фондов, продвигать соответствующие проекты [10; 11].

Другая проблема – сосредоточенность большинства иностранных инвестиций в сырьевых отраслях в ущерб высокотехнологичным. В итоге сегодня иностранные компании не склонны создавать на базе нашей страны исследовательские, инновационные центры, внедрять высокотехнологичные обрабатывающие производства, управленческие подразделения. Подобные инвестиции ведут к повышению эффективности добывающих отраслей, в долгосрочной перспективе – к полному краху экспортно-ориентированной экономики России [5].

Следовательно, развитие и поддержание инвестиционной привлекательности для России в глазах мирового сообщества остается приоритетной задачей экономической политики, несмотря на все происходящие явления в политической жизни нашего государства. Без иностранных инвестиций прямого типа затруднительно обеспечить высокий уровень развития отраслей промышленности, науки и техники, высокую занятость. Сотрудничество с иностранными партнерами обогащает предпринимательскую практику инновациями и ноу-хау, способствует взаимовыгодному обоюдному экономическому росту отечественной экономики и стран-партнеров.

В качестве решения указанной проблемы может служить переход на инновационные производства, стимулирование развития науки и техники. Данные меры наряду с формированием благоприятных условий для привлечения инвестиций, опорой на внутренние инвестиции поможет нарастить темпы экономического развития России. Наращение собственного капитала предприятий невозможно без массовых портфельных иностранных инвестиций, которые в свою очередь, формируются только в стране с устойчивой экономикой и геополитическим положением.

Литература

1. Бухнер Н. Ю. Инвестиционный климат: региональный аспект // Вестник алтайской науки. 2015. № 2(24). С. 99 – 102.
2. Головинова Д. А. Влияние зарубежных инвестиций на формирование конкурентоспособности региона // Современные наукоемкие технологии. 2014. № 7 – 3. С. 51 – 52.
3. Грудинин И. А. Привлечение иностранных инвестиций в экономику России как структурная составляющая экономической безопасности государства // Ученые заметки ТОГУ. 2015. Т. 6. № 4. С. 392 – 397.
4. Зеленская С. Г., Преображенский Б. Г. Формирование механизма привлечений иностранных инвестиций в российскую экономику (макроэкономический парадокс российского механизма привлечения иностранных инвестиций) // РЕГИОН: системы, экономика, управление. 2012. № 2(17). С. 24 – 40.
5. Казымова Т. А. Иностранные инвестиции: структура и условия их привлечения в российскую экономику // Ямальский вестник. 2015. № 2(3). С. 97 – 102.
6. Логинов Д. А. Риски привлечения иностранных инвестиций в Российскую экономику // Экономика и управление: проблемы, решения. 2014. № 8(32). С. 66 – 69.
7. Мыздрикова А. Ю., Расторгуева О. В., Панявина Е. А. Тайм менеджмент как новое направление в современном управлении // Современные наукоемкие технологии. 2014. № 7-3. С. 49 – 51.
8. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru (дата обращения: 02.02.2015).
9. Рогатнев Н. С. Факторы, влияющие на решение о зарубежном инвестировании // Проблемы современной экономики (Новосибирск). 2014. № 19. С. 35 – 38.
10. Туйланова З. А., Фозилжонов И. С. Обстановка инвестиций и их экономический смысл // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 3-3. С. 112 – 114.
11. Черкасов М. Н. Западные инвестиции и экономика России // Проблемы современной экономики (Новосибирск). 2014. № 17. С. 110 – 114.

Информация об авторе:
Недосекин Сергей Викторович – доктор экономических наук, профессор Северо-Западного филиала Московского гуманитарно-экономического института, г. Мурманск, psd97@yandex.ru.

CREATION OF FAVORABLE CONDITIONS FOR FOREIGN INVESTMENT IN RUSSIA

***Sergey V. Nedosekin*[1, @]**

Received 08.02.2016
Accepted 20.05.2016

[1] *Northwestern branch Moscow humanitarian and economic institution, Murmansk*
[@] *psd97@yandex.ru*

Keywords: foreign investment, investment climate, foreign investors, foreign economic activity, fixed assets.

Abstract: Currently, Russia is not included in the list of attractive countries for foreign investors. This paperis devoted to the analysis of foreign investment in the Russian Federation and the ways of creating favorable conditions for them. The methodology of the research is based on a review of analytical materials in open sources, primarily – the statistical information. According to the analysis, in 2014 the Russian economy witnessed a sharp decline in foreign investment, which is extremely worrying for the country's economy.

For citation: Nedosekin S. V. Sozdanie blagopriiatnykh uslovii dlia zarubezhnykh investitsii v Rossiiu [Creation of favorable conditions for foreign investment in Russia]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki – Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic sciences*, no. 1 (2016): 83 – 87.

References

1. Bukhner N. Iu. Investitsionnyi klimat: regional'nyi aspekt [Investment climate: a regional perspective]. *Vestnik altaiskoi nauki – Bulletin of the Altai science*, no. 2(24) (2015): 99 – 102.

2. Golovinova D. A. Vliianie zarubezhnykh investitsii na formirovanie konkurentosposobnosti regiona [The impact of foreign investment on the formation of regional competitiveness]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii – Modern high technologies*, no. 7-3 (2014): 51 – 52.

3. Grudinin I. A. Privlechenie inostrannykh investitsii v ekonomiku Rossii kak strukturnaia sostavliaiu-shchaia ekonomicheskoi bezopasnosti gosudarstva [Attraction of foreign investments in the Russian economy as a structural component of economic security]. *Uchenye zametki TOGU – Scientific notes TOGU*, 6, no. 4 (2015): 392 – 397.

4. Zelenskaia S. G., Preobrazhenskii B. G. Formirovanie mekhanizma privlechenii inostrannykh investitsii v rossiiskuiu ekonomiku (makroekonomicheskii paradoks rossiiskogo mekhanizma privlecheniia inostrannykh investitsii) [Formation of the mechanism of attraction of foreign investments in the Russian economy (macro-economic paradox of attraction mechanism of the Russian foreign investment)]. *REGION: sistemy, ekonomika, upravlenie – REGION: Systems, Economics, Management*, no. 2(17) (2012): 24 – 40.

5. Kazymova T. A. Inostrannye investitsii: struktura i usloviia ikh privlecheniia v rossiiskuiu ekonomiku [Foreign investment: the structure and conditions of their involvement in the Russian economy]. *Iamal'skii vestnik – Yamal Gazette*, no. 2(3) (2015): 97 – 102.

6. Loginov D. A. Riski privlecheniia inostrannykh investitsii v Rossiiskuiu ekonomiku [Risks to attract foreign investment into the Russian economy]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniia – Economy and Management: Problems and Solutions*, no. 8(32) (2014): 66 – 69.

7. Myzdrikova A. Iu., Rastorgueva O. V., Paniavina E. A. Taim menedzhment kak novoe napravlenie v sovre-mennom upravlenii [Time management as a new trend in modern management]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii – Modern high technologies*, no. 7-3 (2014): 49 – 51.

8. *Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki* [The official website of the Federal State Statistics Service]. Available at: http://www.gks.ru (accessed 02.02.2015).

9. Rogatnev N. S. Faktory, vliiaiushchie na reshenie o zarubezhnom investirovanii [Factors influencing the decision on foreign investment]. *Problemy sovremennoi ekonomiki (Novosibirsk) – Problems of Modern Economics (Novosibirsk)*, no. 19 (2014): 35 – 38.

10. Tuilanova Z. A., Fozilzhonov I. S. Obstanovka investitsii i ikh ekonomicheskii smysl [The situation of investment and economic sense]. *Sovremennye tendentsii razvitiia nauki i tekhnologii – Modern trends in the development of science and technology*, no. 3-3 (2015): 112 – 114.

11. Cherkasov M. N. Zapadnye investitsii i ekonomika Rossii [Western investments and economy Russia]. *Problemy sovremennoi ekonomiki (Novosibirsk) – Problems of Modern Economics*, no. 17 (2014): 110 – 114.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА ПРИГЛАШАЕТ АВТОРОВ К СОТРУДНИЧЕСТВУ.

Правила для авторов опубликованы на сайте издания.

THE EDITORIAL BOARD INVITES AUTHORS TO COOPERATION.

Information for Authors published on the website Edition.

Контакты для сотрудничества:
Невзоров Борис Павлович,
ответсвенный редактор
Тел.: 8 (384-2) 58-13-01
e-mail: nevzorov@kemsu.ru

Старикова Людмила Семеновна,
технический редактор
Тел.: (3842) 58-13-01
e-mail: vestnik@kemsu.ru

Адрес редакции:
Россия, Кемеровская область, 650000,
г. Кемерово, ул. Красная, 6

Адрес сайта: http://vestnik.kemsu.ru

Contacts for co-operation:
Boris P. Nevzorov,
Executive Editor
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
e-mail: nevzorov@kemsu.ru

Lyudmila S. Starikova
Technical Editor
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
E-mail: vestnik@kemsu.ru

Editorial Office Address:
Russia, Kemerovo region, 650000,
Kemerovo, 6 Krasnaya St.

Web-site: http://vestnik.kemsu.ru

18+

Редакторы выпуска:
Н. С. Якимова, Л. С. Старикова, В. П. Долгих
Компьютерная верстка – В. А. Шерина

Подписано к печати 20.07.2016 г. Формат А 4.
Дата выхода в свет 15.08.2016 г.
Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 11,38. Уч.- изд. л. – 13,7.
Тираж 500 экз. Заказ № _____
Цена свободная.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Кемеровский государственный университет».
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, http://kemsu.ru.

Отпечатано ООО ПК «ОФСЕТ». Россия, Кемеровская область,
650001, Кемерово, ул. Пролетарская, д. 9.